B134—
322

КНИЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ
ПОДЪ ФИРМОЮ
И.И.С МИРНОВЪ,
А.Ф.РОХМАНИНОВОЙ
МАГАЗИНЪ
Б.НИКИТ.К.Д.№10ВЪМОСКВѢ.

63
15
78.

13134/322

~~Г 13 02/6~~

~~СА 5а/203~~ Д13

Обрм

ИМПЕРАТОРСКІЙ
РОССІЙСКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ
МУЗЕЙ.

КНИЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ
ПОДЪ ФИРМОЮ
И.И.С МИРНОВ
А.Ф.РОХМАНИ
МА
Б.НИКИТСК.

В134 322

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

Д 3134 г
Хрестом.

ДЛЯ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ КЛАССОВЪ

СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Д 1302 б

СОСТАВИЛЪ

ЛЕВЪ ПОЛИВАНОВЪ.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ гимназіяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для употребленія въ духовныхъ и епархіальныхъ училищахъ. Одобрена Учебнымъ Комитетомъ при IV отд. Е. И. В. Канцеляріи.

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССІЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

Изданіе одиннадцатое, съ образцами для славянскаго чтенія.

МОСКВА.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтык. п., д. № 9.
1885.

Нет.

...ЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖ...

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

735812

О хрестоматіи, какъ пособіи при обученіи отечественному языку въ двухъ первыхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

(Вмѣсто предисловія къ 1-му изданію).

Въ 1-й классъ средняго учебнаго заведенія вступаютъ ученики, находящіеся въ той порѣ грамотности, когда они прочитываютъ любое доступное ихъ разумѣнію предложеніе, какъ уже нѣчто цѣлое, не останавливаясь на отдѣльныхъ словахъ, его образующихъ.

Для нихъ нужно теперь умѣніе, читая рядъ отдѣльныхъ предложеній, чувствовать связь и между ними; читая статью, не терять этой связи во все продолженіе ея чтенія, и при томъ во время самаго чтенія, своевременно понимать все предыдущее именно такъ, какъ того желаетъ авторъ, безъ чего все послѣдующее не получитъ надлежащаго значенія. Для сообщенія такого умѣнія служитъ классное *объяснительное чтеніе*.

Считаю нужнымъ съ полною ясностію установить цѣль этого существенно важнаго при обученіи языку дѣла, такъ какъ оно понимается многими совершенно превратно. Иные полагаютъ дѣло объяснительнаго чтенія въ толкованіи чуть не каждаго слова, безъ отношенія къ извѣстному мѣсту читаемаго текста, другіе—въ бесѣдахъ съ дѣтьми *по поводу* любого слова статьи о тѣхъ *предметахъ* и *явленіяхъ*, которые означаются этими словами.

Примѣромъ перваго пониманія объяснительнаго чтенія могутъ служить примѣчанія (весьма обильныя) въ одной недавно вышедшей хрестоматіи; примѣромъ втораго — трактатъ объ объяснительномъ чтеніи въ одной изъ лучшихъ книгъ по начальной дидактикѣ, вышедшей также недавно.

Не имѣя цѣлію разборъ этихъ книгъ, но единственно желая разъяснить нагляднѣе мою мысль, приведу нѣсколько примѣровъ объяснительныхъ примѣчаній, сопровождающихъ каждую статью первой книги, и основную мысль трактата изъ второй книги.

КНИЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ
ПОДЪ ФИРМОЮ
А.Ф.Р
Б.НИКИТ

IV

При объясненіи извѣстнаго стихотворенія Баратынскаго: «Гдѣ сладкій шопотъ моихъ лѣсовъ?» предметъ котораго — изображеніе цѣлаго ряда явленій наступающей зимы, проникнутое живымъ лирическимъ чувствомъ, — авторъ упомянутой хрестоматіи считаетъ нужнымъ при словѣ «кора» въ стихѣ: «Подъ ледяной своей корой ручей нѣмѣетъ», спросить учениковъ: «на чемъ обыкновенно бываетъ кора? какъ называется кора березы? и даже сказать ученикамъ: «лапти плетутъ изъ бересты» (?). Не ясно ли, что послѣ 1-го изъ этихъ вопросовъ, указывающаго на *собственное* значеніе слова для уясненія *переноснаго* его значенія въ указанномъ стихѣ, слѣдовало бы остановиться? При объясненіи извѣстной «Колыбельной пѣсни» Лермонтова приводится выраженіе: «Азію почитаютъ ученые *колыбелью* человѣчества», т. е. по поводу слова, употребленнаго въ собственномъ смыслѣ приводится одно изъ его переносныхъ значеній!.. При объясненіи стиха: «Самъ узнаешь, будетъ время, бранное житье» приводится пословица: «охъ, житье, житье! вставши да за вытье!» и сверхъ того въ скобкахъ прибавлено: «*что* — въ значеніи «какъ только, лишь только»... При стихѣ: «Да готовясь въ бой опасный, помни мать свою», задается вопросъ: «что значитъ: *бой* часовъ разбудилъ меня?». При стихѣ «Волкъ, ѣвши, никогда костей не разбираетъ», въ баснѣ «Волкъ и Журавль», требуется проспрягать глаголы *пъсть* и *пъхать* въ настоящемъ времени, а затѣмъ и въ будущемъ «глаголы *поъсть* и *поъхать*».. При стихѣ «Журавль свой долгій носъ... засунулъ Волку въ пасть» припоминается глаголъ *пасть*, да еще, ко всему этому задается вопросъ: что такое *пясть*, *пясточка*, *пестъ*, *пестикъ*, въ ступѣ и въ цвѣткѣ, *перстъ* и *наперстокъ?* Затѣмъ требуется объясненіе пословицы: «его въ ступѣ пестомъ не истолчешь»... И все это по поводу пасти волка, въ которую засунулъ журавль свой носъ.

Вотъ до чего можно дойти, если не уяснить себѣ цѣли. Авторъ въ предисловіи къ хрестоматіи считаетъ эти примѣчанія («комментаріи“, какъ называетъ онъ ихъ) только темой или канвой для дальнѣйшихъ упражненій и примѣровъ, какіе учитель сочтетъ необходимыми для поясненія даннаго мѣста, сообразуясь съ своимъ запасомъ времени (?) и со степенью развитія учениковъ“.

Очевидно, что такія „поясненія даннаго мѣста статьи“ достигаютъ цѣли *совершенно обратной* назначенію объяснительнаго чтенія: они отучаютъ сосредоточивать вниманіе при чтеніи для воспріятія слова какъ члена извѣстной мысли, а мысли—какъ члена извѣстнаго произведенія, словомъ—*препятствуютъ* пониманію читаемаго.

Авторъ второй книги признаетъ вполнѣ законнымъ другое ложное пониманіе термина „объяснительное чтеніе“, придавая ему значеніе бесѣды, *по поводу* любого слова въ статейкѣ.

„Если учитель, при чтеніи предложенія: „на зарѣ трава по„крыта росою“ объяснитъ, что *зарей* называется время (?) восхода „и захода солнца, *росой*—тѣ капли воды, которыя замѣтны на травѣ „въ это время, то онъ разъясняетъ дѣтямъ только значеніе словъ, „если они ихъ не понимали, но онъ не объясняетъ имъ при этомъ „самыхъ явленій, которыя выражаются этими словами. Учитель мо„жетъ поступить и иначе: слово *заря* даетъ ему поводъ говорить о „восхожденіи и захожденіи солнца, объясняя неподвижность солнца, „круглоту земли, вліяніе лучей солнца на землю и многое другое; „слово „роса“ даетъ учителю поводъ говорить о теплѣ и холодѣ, о „теплотѣ земнаго шара, о вліяніи на жидкости тепла и холода и проч. „Учитель, который поведетъ *такую* бесѣду о зарѣ и росѣ, будетъ „заниматься объяснительнымъ чтеніемъ въ классѣ, главная цѣль кото„раго состоитъ въ томъ, чтобы дѣти въ связи (?) съ книгою для „чтенія, посредствомъ чтенія, пріобрѣли возможно больше свѣдѣній (?). „Но этотъ родъ занятій независимо отъ того, что пополняетъ голову „дитяти новыми для него фактами, имѣетъ еще цѣлію развитіе дѣтей, „упражненіе ихъ мыслительной способности“... „Вотъ какіе вопросы „могъ бы предложить учитель для объясненія слова „*роса*“: Замѣтили „ли вы, что окна зимою потѣютъ? Что покажется на ножѣ, который „мы будемъ держать надъ паромъ самовара? Что горячѣе: паръ само„вара или ножъ? Отчего въ самоварѣ образуется паръ? Отчего паръ „самовара превратился въ капли, коснувшись ножа? Отчего на землѣ „тепло? Отчего ночью прохладнѣе, нежели днемъ? Когда стѣнки само„вара горячѣе: тогда, когда онъ кипитъ, или тогда, когда онъ безъ „угля? Если выбросить угли изъ кипящаго самовара, не станетъ ли „онъ остывать? Что нагрѣвается и остынетъ быстрѣе: глиняный гор„шокъ или самоваръ? Всякое ли нагрѣтое тѣло будетъ остывать, если „перестанутъ грѣть его? Одинаково ли скоро охлаждаются всѣ на„грѣтые предметы? Что должно быть, если водяные пары встрѣтятся „съ предметомъ, который холоднѣе ихъ? Не смотря на то, что мы „сократили бесѣду о росѣ, читатель могъ однако убѣдиться и по при„веденному нами примѣру въ томъ, что объяснительное чтеніе (?) „требуетъ много времени и перестаетъ быть собственно упражненіемъ „въ *чтеніи*...“ „Чѣмъ способнѣе учитель, чѣмъ богаче его запасъ „свѣдѣній, тѣмъ менѣе прочитаетъ у него классъ за одинъ учебный „часъ при объяснительномъ чтеніи (?); иногда можетъ одного слова „стать на цѣлый часъ“.

Словомъ, совершенно смѣшавъ двѣ разнородныя вещи — толкованіе явленій и предметовъ, съ толкованіемъ статьи какъ системы мыслей, авторъ направляетъ свою злую иронію (иначе не могу себѣ объяснить все выписанное мѣсто) на объяснительное чтеніе! Совершенно логически выводитъ онъ свое заключеніе:

„Не ясно ли послѣ этого, что учитель, занимаясь объяснительнымъ „чтеніемъ (?) и принося тѣмъ существенную пользу дѣтямъ, соб„ственно *чтенію* почти не обучаетъ".

Какъ нельзя болѣе справедливо, что такое дѣло „чтенію не обучаетъ, и притомъ не „почти", а совершенно, но нельзя не замѣтить, что такое дѣло не можетъ быть и названо объяснительнымъ чтеніемъ.

Объяснительное чтеніе не имѣетъ дѣла ни съ отдѣльными словами и предложеніями, ни съ отдѣльными предметами и явленіями, ими обозначаемыми; оно помогаетъ неумѣлому ученику воспринимать слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого требуетъ ихъ мѣсто въ читаемой статьѣ, и воспринимать мысли въ той связи, въ какую онѣ приведены *тамъ*, представить и понять тѣ предметы и явленія, какія именуетъ авторъ читаемой статьи, въ той же мѣрѣ, въ томъ положеніи и порядкѣ, въ какомъ ихъ являетъ авторъ разумѣнію читающаго. Слѣдовательно: если учащійся нуждается не только въ помощи для уразумѣнія связи понятій и мыслей, статью составляющихъ, но и въ познаніи тѣхъ предметовъ и явленій, съ именованіями которыхъ при чтеніи ея встрѣтился впервые, то очевидно, статья не можетъ быть вовсе предложена ему для чтенія. Возьмемъ для опыта историческую книгу и предложимъ только-что научившемуся читать мальчику прочесть въ ней предложеніе: „Азію считаютъ ученые колыбелью человѣчества". Онъ не пойметъ его, потому что встрѣчается съ ничего не выражающими его разумѣнію понятіями: „Азія", „ученые", „человѣчество"; одно только слово „колыбель" покажется ему понятнымъ, но и то не въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреблено здѣсь. Въ подобномъ случаѣ объяснительному чтенію дѣлать нечего: статью должно отложить въ сторону до тѣхъ поръ, пока не выростетъ мальчикъ и не узнаетъ, что́ такое Азія, наука и человѣчество.

Объяснительное чтеніе должно имѣть дѣло съ такими статьями, которыя предлагаютъ ученику именованія представленій и понятій, уже входящихъ въ область его познаній. Можетъ въ статьѣ встрѣтиться и совсѣмъ незнакомое ученику слово, и даже не одно такое слово, но оно должно выражать понятіе изъ ряда другихъ, хорошо ему извѣстныхъ; самое короткое указаніе на значеніе такого слова бываетъ очень легко и вполнѣ достаточно для уразумѣнія статьи при ея чтеніи; сюда относятся многія техническія, мѣстныя именованія, имена собственныя и т. под. *).

На долю объяснительнаго чтенія остается забота иного рода: представленія и понятія, хотя и знакомыя читающему, являются въ каж-

*) Хрестоматія, по моему мнѣнію, должна прямо разъяснять ихъ значеніе краткимъ неполнымъ опредѣленіемъ. Словарикъ, прилагаемый въ концѣ книги, не достигаетъ вполнѣ цѣли, лучше—выноски, дабы объясненіе было на глазахъ читающаго. Такъ поступалъ я въ сей хрестоматіи.

дой статьѣ, доступной его пониманію, въ новой комбинаціи; они приведены здѣсь въ новыя сочетанія во имя основной мысли статьи.

Итакъ представленія и понятія суть *извѣстныя* для читающаго: основная мысль, во имя которой они приведены въ сочетанія, — это то *неизвѣстное*, которое требуется найти. Найти это неизвѣстное значитъ *понять* читаемое. Помочь найти это неизвѣстное—вотъ задача объяснительнаго чтенія.

Если статья имѣетъ своею цѣлію сообщить новыя свѣдѣнія, и тѣмъ болѣе—ввести читающаго въ кругъ совершенно ему незнакомыхъ понятій,—она не годится для первоначальнаго *чтенія*, какъ не годится для обученія на этой ступени монологическое изложеніе предмета въ школѣ. Текстъ учебника географіи или естественной исторіи—какъ матеріала, сообщающаго новыя свѣдѣнія—тогда только становится удобочитаемъ воспитанниками, когда познанія, въ немъ сообщаемыя, уже введены въ область разумѣнія учениковъ бесѣдою со стороны живаго преподавателя. Послѣ такой бесѣды онъ даже полезенъ въ цѣляхъ изученія предмета, какъ средство возобновить въ памяти пріобрѣтенныя познанія; но будетъ ли такая бесѣда объяснительнымъ *чтеніемъ?*

Дидактическое руководство, упомянутое мною выше, не указало, изъ какой статьи взято объясняемое въ немъ *предложеніе:* „на зарѣ трава покрыта росою“. Полагаю, что если бы авторъ поставилъ это предложеніе въ ряду другихъ мыслей, образующихъ статью, то имъ придуманные для его поясненія вопросы тотчасъ же оказались бы ненужными, всѣ до одного. А именно: если предположимъ эту мысль входящею въ составъ прозаической статейки, предметъ которой — охлажденіе паровъ, то вопросы эти оказались бы лишними уже потому, что отвѣты на нихъ и составляли бы содержаніе прочихъ предложеній статьи; если же представимъ себѣ это предложеніе входящимъ въ составъ поэтической картины утра, то восходить къ причинѣ появленія росы при объяснительномъ чтеніи такой статьи было бы такъ же не цѣлесообразно, какъ спрашивать о веревкѣ въ минуту ея употребленія: „что такое веревка?“ Самъ того не замѣчая, авторъ дидактическаго руководства, вмѣсто образчика объяснительнаго чтенія, далъ образчикъ обученія естествовѣдѣнію гевристическимъ методомъ. Урокъ самъ по себѣ вышелъ прекрасный, но всѣ познанія во время его пріобрѣтены не изъ читаемаго предложенія, но изъ искусно веденной бесѣды учителя съ учениками. Записавъ всѣ отвѣты учениковъ, мы получили бы цѣлую статью по физической наукѣ. Итакъ въ этомъ классѣ совершалось нѣчто обратное чтенію—составленіе статьи, сочиненіе ея; при сочиненіи статьи преобразуются представленія и понятія въ форму слова; при чтеніи же—преобразуются слова въ представленія и понятія.

Книжный и
подъ
И.И.С.М
А.Ф.РОХМ
МАГ
Б.НИКИТСК.Д

Все вышесказанное полагаетъ съ полною ясностію *цѣль* объяснительнаго чтенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и границу между объяснительнымъ чтеніемъ въ классѣ отечественнаго языка и обученіемъ предметамъ въ другихъ классахъ.

Указанною цѣлію упражненій, называемыхъ *объяснительнымъ чтеніемъ*, опредѣляется какъ *матеріалъ*, такъ и характеръ *изложенія* статей, для того предназначенныхъ.

Такія статьи начальной хрестоматіи должны быть *кратки*, и въ то же время каждая изъ нихъ должка составлять *законченное цѣлое*; онѣ должны имѣть содержаніе, которое заставило бы ученика *подумать*; слогъ ихъ долженъ быть *сжатый*, дабы съ первыхъ же шаговъ ученикъ чувствовалъ всю цѣну слова, а слѣдовательно и цѣну вниманія при чтеніи, вдумывался бы въ каждое слово и выраженіе, приводя въ сознаніе его отношеніе къ основной мысли статьи.

Матеріалъ для такого объяснительнаго чтенія съ начинающими заниматься имъ—самая трудная часть для составителя начальной хрестоматіи. Наиболѣе цѣлесообразная форма статей этого рода—повѣствовательный дидактическій разсказъ. Сюда относится и большая часть басенъ (отд. II).

Въ силу тѣхъ же соображеній, которыя были изложены мною выше, форма повѣствовательная—единственно годная для перваго года занятій съ дѣтьми того возроста, для котораго она предназначается. Описательный элементъ входитъ въ назначенныя для того статьи лишь какъ органическая часть повѣствованія. Отрывки же чисто-описательные исключены мною и изъ числа стихотвореній, выбранныхъ въ хрестоматію (отд. I). Описательный элементъ входитъ во многія изъ нихъ, но не иначе, какъ въ устахъ художника, проникнутый лирическимъ чувствомъ, сообщающимъ представленіямъ то *единство, которое служитъ необходимымъ условіемъ всякой статьи или стихотворенія, предназначенныхъ для объяснительнаго чтенія.*

Только для втораго года занятій внесены мною и описанія, но такія только, которыя при простотѣ формы обладаютъ всѣми качествами произведеній художественныхъ. Таковы картины природы и художественныя описанія животныхъ (отд. V).

Дѣло учителя, обучающаго чтенію, было бы не довершено, если бы, упражняя ихъ въ отчетливомъ разумѣніи читаемаго, онъ потерялъ изъ виду другую необходимую сторону при этомъ обученіи—пріобрѣтеніе навыка въ быстромъ воспріятіи читаемаго. Не должно за качествомъ умственныхъ усилій забывать и количество ихъ. Отсюда необходимо *бѣлое чтеніе*. Изъ самаго понятія этого упражненія вытекаетъ необходимость такихъ статей въ хрестоматіи, содержаніе которыхъ воспринималось бы съ большею легкостью, дабы умственныя силы читающаго имѣли возможность схватывать содержаніе бо́льшаго

объема и пріучались вращаться въ немъ съ бо́льшею быстротою. Въ возрастѣ учениковъ I класса для этой цѣли учитель можетъ опереться только на воображеніе дѣтей, а потому наиболѣе цѣлесообразная форма такихъ статей—*сказка* (отд. III). Но и въ числѣ сказокъ не всѣ обладаютъ наивною простотою, напр. «Войны мышей», такъ удачно читаемой съ учениками I класса; такія сказки, какъ большая часть Андерсеновыхъ, имѣютъ совершенно иной характеръ. Содержаніе многихъ изъ нихъ трудно исчерпать даже взрослому: такъ онѣ глубоко проникнуты идеей. Ихъ можно бы счесть за произведенія вовсе не дѣтскія, если бы самыя представленія ихъ не были поразительно просты и легко доступны воображенію, а чувства, возбуждаемыя ими, вполнѣ опредѣленны для самаго юнаго сердца. Мѣсто чтенія этихъ сказокъ, изъ которыхъ я помѣстилъ одну (Соловей), во II классѣ гимназическаго курса.

Отъ матеріала, предназначеннаго для чтенія, перейду теперь къ матеріалу, имѣющему въ виду другую задачу русскаго учителя — *упражненіе въ устной рѣчи*.

Такъ какъ при устномъ изложеніи всѣ усилія учащагося отвлекаются на выборъ формы данному содержанію, то было бы большою ошибкою на первыхъ же порахъ ученія предложить для устнаго изложенія не *легко* воспринимаемое содержаніе, хотя бы и посильное для пониманія. Кто слѣдилъ за тою борьбою, какую ведетъ начинающій ученикъ при устномъ изложеніи даже хорошо извѣстнаго ему содержанія, съ бѣдными средствами своей дѣтской рѣчи, тотъ хорошо поймет всю *простоту* того матеріала, какая нужна для этихъ упражненій въ началѣ ученія. Недостаточно прибѣгать къ изложенію тѣхъ статей, которыя потребовали бы значительныхъ и частыхъ остановокъ при объяснительномъ чтеніи, а нерѣдко и повтореній: не только построеніе, но и образъ выраженія такихъ статей западаютъ легко въ память учениковъ, и при ихъ изложеніи работаетъ больше она, нежели активная сила, способная вызвать у излагающаго собственное выраженіе быстро воспринятому содержанію; о статьяхъ, выученныхъ наизусть, и говорить нечего: ихъ излагать невозможно.

Отсюда вытекаетъ потребность въ новомъ родѣ статей—для устнаго изложенія. Онѣ должны такъ же легко усвоиваться, какъ и статьи для бѣглаго чтенія. Но здѣсь только на первыхъ порахъ можно рекомендовать сказку; желательно перейти при первой же возможности къ *прозѣ*. Поэтическое произведеніе слишкомъ было бы обезображено устнымъ изложеніемъ неумѣлаго ученика и, потерявъ изящную форму, слишкомъ мало удовлетворяло бы его самаго. Нахожу наиболѣе

пригодными для этого упражненія—отрывки повѣствовательной формы, обогащающіе ученика представленіями русской жизни и природы. (Изъ «Семейной хроники», разсказы о Петрѣ Великомъ, о Ломоносовѣ и и пр. въ отд. IV).

Упражненіе, не менѣе важное для обогащенія словаря учащихся—*заучиваніе наизусть*—и другое, находящееся въ связи съ нимъ, довершающее умѣніе владѣть словомъ, *выразительное произношеніе* заученнаго—согласно своей цѣли—требуютъ новаго ряда статей въ хрестоматіи, для того спеціально назначенныхъ. Для заучиванія и произношенія наизусть должны служить такіе образцы, которые, оставаясь въ памяти ученика надолго, нерѣдко на всю жизнь, не оскорбляли бы его эстетическаго чувства пустотою содержанія и несовершенствомъ формы, но напротивъ, которые образовали бы въ немъ вкусъ, т. е. чуткость къ чистотѣ русской рѣчи, къ ея благозвучію, къ мѣткому выраженію правдивой мысли и изящному выраженію добраго чувства. Нужно особенно осторожно выбирать матеріалъ для заучиванія наизусть. Заставлять заучивать наизусть можно только то, что́ стоитъ заучивать, а потому всякое не удовлетворяющее взыскательной критикѣ произведеніе будетъ негоднымъ хламомъ, безцѣльно сложеннымъ въ памяти учащагося. Сверхъ того, такъ какъ всѣ эти произведенія назначаются для выразительнаго произношенія, то они должны представлять всѣ условія, нужныя для выработки этого искусства: ни однообразія, ни безжизненности въ этихъ произведеніяхъ допущено быть не должно: первое можетъ развить рутину въ произношеніи, вторая не вызоветъ со стороны учащагося ровно никакихъ средствъ интонаціи, или пріучить его къ искусственной декламаціи или манерности. Лирическія стихотворенія I отдѣла и большая часть басенъ Крылова представляютъ незамѣнимый матеріалъ для упражненій этого рода, удовлетворяя всѣмъ вышеуказаннымъ условіямъ произведеній, назначенныхъ для устнаго произношенія. Басни, сверхъ того, предлагаютъ діалогическую форму, столь необходимую для этихъ упражненій.

Я не имѣлъ въ виду особаго отдѣла для упражненія въ *механизмѣ чтенія*. Полагаю, что «механическаго чтенія» не должно быть допускаемо никогда, а слѣдовательно само себѣ цѣлію такого чтенія быть не можетъ. Правда, механизмъ при чтеніи дается не сразу, но какъ я замѣтилъ на опытѣ, совершенствуется рука объ руку съ совершенствованіемъ въ пониманіи читаемаго, въ умѣніи усвоять чи-

таемое и его заучивать. Служа средствомъ другимъ цѣлямъ, онъ спѣшитъ удовлетворить *имъ*, и только тогда является для ученика неизбѣжнымъ. Такъ при объяснительномъ чтеніи—затрудненія въ механизмѣ побѣждаются ученикомъ невольно, препятствуя своевременному возниканію въ воображеніи читающаго предлагаемыхъ статьею представленій; при заучиваніи наизусть—препятствуя правильной интонаціи. Трудности механизма при чтеніи побѣждаются помощію одного средства: повторенія дурно прочтеннаго предложенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ прочтено *такъ, чтобы сдѣлаться годнымъ для удовлетворенія той цѣли, съ какою статья читается.*

Для *грамматическихъ упражненій* (разбора и диктанта) я не отвожу въ своей хрестоматіи особаго отдѣла, состоящаго изъ фразъ или статеекъ, къ такимъ упражненіямъ приспособленныхъ. Это не дѣло хрестоматіи. Матеріалъ для систематическаго диктанта и разбора долженъ быть приложенъ при учебникѣ грамматики, къ системѣ которой и долженъ быть тщательно приноровленъ; для разбора же и диктанта несистематическаго должна дать матеріалъ хрестоматія; приличнѣе всего для этихъ упражненій статьи слога отрывистаго, и при томъ отнюдь не поэтическія. Укажу на особенно удобныя для этихъ упражненій «Записки индѣйскаго плѣнника», переведенныя Пушкинымъ изъ вышедшей въ 1826 году книги Джона Теннера (отд. IV), частію же изложенныя имъ. Простой до наготы отрывистый слогъ этихъ записокъ какъ нельзя болѣе удобенъ для грамматическихъ разборовъ при началѣ изученія простаго предложинія и для *повѣрочныхъ диктантовъ* при изученіи этимологіи.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ распорядился я матеріаломъ, собраннымъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ.

Текстъ всѣхъ произведеній, вошедшихъ въ сію хрестоматію, провѣренъ по лучшимъ изданіямъ тѣхъ авторовъ, откуда они взяты. Отступленія отъ оригиналовъ допущены лишь настолько, насколько это необходимо или для сокращенія статей, или же для того, чтобы сдѣлать ихъ удобными для чтенія въ школѣ. Что касается до басенъ Крылова, то я не слѣдовалъ тому мнѣнію, что всѣ «нравоученія» ихъ въ дѣтской хрестоматіи должны быть опускаемы. Извѣстно, что нерѣдко въ нихъ-то и заключается главная красота басни—стихи сжатые и выразительные, обратившіеся въ пословицы. Я исключалъ только такое нравоученіе, которое или совершенно излишне послѣ басни, съ полною ясностію высказывающей мысль его въ другомъ

мѣстѣ, или такое, которое противорѣчитъ самой баснѣ (что хотя и рѣдко, но встрѣчается у Крылова), или такое, которое обобщаетъ мысль басни настолько, что становится дитяти недоступнымъ. Текстъ басенъ провѣренъ по варіантамъ въ извѣстномъ трудѣ г. Кеневича; въ двухъ-трехъ мѣстахъ пришлось дать предпочтеніе чтенію, не вошедшему въ изданіе общеупотребительное. Всякій разъ это обозначено въ выноскѣ. Первыя двѣнадцать басенъ помѣщены такія, которыя легче другихъ для пониманія, меньше другихъ по объему и не представляютъ особенныхъ трудностей для заучиванія наизусть и произношенія. Далѣе слѣдуетъ подборъ басенъ, сгруппированныхъ по содержанію съ тою цѣлью, чтобы пониманіе одной помогало пониманію другой; таковы: 13, 14 и 15; 15 и 16; 17 и 18; 19, 20, 21, 22 и 23; 23, 24 и 25; 26, 27, 28 и 29; 30, 31, 32 и 33; 33 и 34; 35 и 36; 37 и 38; 39 и 40; 40 и 41; 42 и 43; 44, 45, 46, 47, 48 и 49. 50-я басня помѣщена въ концѣ, какъ по своему объему, такъ и по трудностямъ, какія представляетъ при надлежащемъ выразительномъ произношеніи. Величина, легкость пониманія и простота выраженія приняты мною въ разсчетъ и при размѣщеніи статей и стихотвореній I-го отдѣла.

—

Что касается размѣщенія статей по *отдѣламъ хрестоматіи*, то принятыя мною 5 рубрикъ, имѣющія въ виду прежде всего форму статей, нахожу наиболѣе сподручными для учителя, который распорядится порядкомъ ихъ чтенія по своему *).

—

Читатель видитъ, что выборъ статей и размѣщеніе ихъ основалъ я исключительно на цѣляхъ обученія отечественному *языку;* а потому, кто ищетъ въ русской хрестоматіи прежде всего матеріала для сообщенія какихъ-либо свѣдѣній по исторіи, географіи или естествовѣдѣнію, удовлетворенъ ею не будетъ. Если ея матеріалъ и заимствованъ не изъ одной поэзіи и отличается значительнымъ разнообразіемъ, заключая многое изъ фактической дѣйствительности и изъ природы:

*) Нѣкоторыя рубрики, принятыя во многихъ хрестоматіяхъ, совершенно загадочны: такое размѣщеніе всѣхъ статей (прозаическихъ, реальныхъ, различныхъ описаній безпощадно вырванныхъ изъ повѣстей, въ которыхъ составляли органическую часть повѣствованія, лирическихъ стихотвореній и даже басенъ) по временамъ года: весна, лѣто, осень, зима... или же по различнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ (конечно изъ другихъ соображеній) происходитъ, а иногда только можетъ происходить описанное дѣйствіе: I. городъ, II. деревня: а) поле, б) дорога, в) лугъ и т. д. Неужели лягушка, увидѣвшая на лугу вола и лопнувшая изъ зависти, создана фантазіей поэта для того, чтобы послужить къ ознакомленію читателей съ лугомъ? Ежели нѣтъ, то для чего это искусственное размѣщеніе басенъ по такимъ рубрикамъ, гдѣ учителю бываетъ иной разъ трудно и отыскать нужную басню?

то это сдѣлано мною потому, что представленія и понятія и самая ассоціація ихъ—въ статьяхъ прозаическихъ иныя, нежели въ поэтическихъ, слѣдовательно требуютъ иного словаря, иныхъ стилистическихъ формъ, иныхъ и логическихъ; обученіе же чтенію, т. е. упражненіе въ умѣньи слѣдить за чужой мыслью и усвоять ее, а равно и устное изложеніе читаемаго, т. е. упражненіе въ умѣньи разобраться въ мысляхъ собственныхъ,—есть то начальное обученіе логикѣ, которое, будучи незамѣтно ученику, составляетъ важнѣйшую обязанность русскаго учителя.—1870. Окт.

—

Во второмъ изданіи я не счелъ нужнымъ исключить ни одной статьи 1-го изданія; при внесеніи новыхъ статей держался прежнихъ основаній: не вносилъ отрывковъ, лишенныхъ единства. Число поэтическихъ произведеній *образцовыхъ писателей* на сей разъ увеличено мною сказкою Жуковскаго «О спящей царевнѣ». Въ отдѣлѣ повѣствовательной прозы къ разсказамъ изъ Лѣтописи прибавлено новыхъ *тринадцать* по «Русской Лѣтописи» Соловьева.—1872. Апр.

—

Изданіе третье печатано со 2-го безъ перемѣнъ.—1873. Дек.

—

Въ четвертомъ изданіи два переводныхъ разсказа 1-го отдѣла замѣнены оригинальными, и прибавленъ одинъ разсказъ и одно стихотвореніе въ томъ же отдѣлѣ.—1875. Янв.

—

Въ пятомъ изданіи вновь замѣнены нѣсколько переводныхъ разсказовъ I-го отдѣла оригинальными, и вообще число статей увеличено съ 72 до 80; во II-мъ отдѣлѣ прибавлена одна сказка.—1876. Іюль.

—

Изданіе шестое печатано съ пятаго безъ перемѣнъ.—1877. Авг.

—

Изданіе седьмое значительно пополнено въ отдѣлѣ повѣствовательной прозы: сюда внесены «Разсказы объ отечественной войнѣ 1812 г.»—1879. Іюнь.

—

Въ изданіи осьмомъ вновь внесены въ I-й отдѣлъ 2 разсказа Жуковскаго и 2 стихотворенія Пушкина; въ III-й отдѣлъ 2 сказочки: одна Пушкина, другая Жуковскаго. 1880. Декабрь.

—

Изданіе девятое печатано съ осьмого безъ перемѣнъ.—1882. Авг.

—

КНИЖНЫЙ М
под
И.И.С
А.Ф.РОХ
М А
Б.НИКИТ.К.

Въ десятомъ изданіи мелкій шрифтъ стихотвореній замѣненъ болѣе крупнымъ, согласно требованіямъ школьной гигіены. Приложены статьи для упражненія въ славянскомъ чтеніи.—1884. Январь.

—

Въ одиннадцатое изданіе внесены вновь два стихотворенія *Пушкина* (№№ 78 и 82 I-го отд.). одно—*Майкова* (№ 83, ib.), одно—*Мея* (№ 87, ib.) и одно—*Жуковскаго* (№ 88, ib.) и народная историческая пѣсня въ редакціи *Лермонтова* (отд. IV, послѣ III, № 13). 1885. Ноябрь.

I.

МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

КНИЖНЫЙ
А.Ф.РОХ
Б.НИКИТ

1. ЛИСА И РАКЪ.

Лиса говоритъ раку: «Давай съ тобою перегоняться.» — «Что жъ, лиса, давай!» отвѣчаетъ ракъ. Начали перегоняться. Какъ только лиса побѣжала, ракъ уцѣпился ей за хвостъ. Лиса до мѣста добѣжала, а ракъ не отцѣпляется; лиса обернулась посмотрѣть, вернула хвостомъ,—ракъ отцѣпился и говоритъ: «А я давно ужъ жду тебя тутъ».

Народн. сказка.

---

2. Птичка.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ.
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ.
Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты:
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

Жуковскій.

---

3. ВОРОНА И РАКЪ.

Летѣла ворона надъ озеромъ; смотритъ—ползетъ ракъ. Цапъ его, сѣла на вербѣ и думаетъ закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ: «Ай, ворона, ворона! зналъ я твоего отца и мать: что за славныя были птицы!»—«Угу!» говоритъ ворона, не раскрывая рта.—«И сестеръ, и братьевъ твоихъ зналъ—отличныя были птицы!»—«Угу!» опять говоритъ ворона.—«Да хоть хорошія были птицы, а все же далеко до тебя.»—«Ага!» каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Народн. сказка.

4. Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Туманскій.

5. МУЖИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ, и вздумали они вмѣстѣ рѣпу сѣять. Мужикъ сказалъ: «Мнѣ корешокъ, а тебѣ, Миша, вершокъ» *). Выросла славная рѣпа. Мужикъ взялъ себѣ корешки, а Мишѣ отдалъ вершки. Поворчалъ Миша, да дѣлать нечего.

*) Верхъ, вершинка.

На другой годъ говоритъ мужикъ медвѣдю: «Давай опять вмѣстѣ сѣять.»—«Давай! Только ты себѣ бери вершки, а мнѣ отдай корешки», уговаривается Миша.— «Ладно!» отвѣчаетъ сговорчивый мужикъ: «пусть будетъ по твоему,»— и посѣялъ пшеницу.

Добрая пшеница уродилась: мужикъ получилъ вершки, а Миша корешки.

Съ тѣхъ поръ у медвѣдя съ мужикомъ и дружба врозь.

Народн. сказка.

---

6. Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

---

7. КОНЬ И БЫКЪ.

На горячемъ конѣ гордо мчался смѣлый мальчикъ. Свирѣпый быкъ сказалъ коню: «Стыдись! Я бы не допустилъ мальчика управлять собой!»— «Отчего же нѣтъ?» возразилъ конь: «много ли чести въ томъ, что я сброшу мальчика?»

Изъ басенъ Лессинга.

8. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ;
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя“.

Жуковскій.

---

9. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

1.

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля. Пошла звать его въ гости: «Приходи, куманекъ, приходи, дорогой! Ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званый пиръ; а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и потчуетъ: «Покушай, мой голубчикъ-куманекъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! А лисица тѣмъ временемъ лижетъ себѣ да лижетъ кашу. Такъ всю сама и скушала, и говоритъ: «Не безсудь, любезный кумъ, больше потчевать нечѣмъ!» — «Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости.»

2.

На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наложилъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «Кушай, кумушка! Право больше нечѣмъ потчевать.» Лиса вертится вокругъ кувшина; и такъ зайдетъ, и и этакъ; и лизнетъ его, и понюхаетъ-то—все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.» Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла—несолоно хлебала. Какъ аукнулось—такъ и откликнулось.

Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ врозь.

Народн. сказка.

---

10. Весна.

Весна! Выставляется первая рама —
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей;
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

Майковъ.

---

11. РѢПКА.

Посадилъ дѣдъ рѣпку—выросла большая-пребольшая. Сталъ дѣдъ рѣпку изъ земли тащить: тянетъ-потянетъ, вытащить не можетъ.

Позвалъ дѣдъ на помощь бабку. Бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ, вытянуть не могутъ.

Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку: тянутъ-потянутъ—вытащили рѣпку!

Народн. сказка.

12.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся,
И весенней полонъ жаждой.

Фетъ.

13. КОМАРЪ И ЛЕВЪ.

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: «Ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? какъ бы не такъ! какая въ тебѣ сила? что царапаешь ногтями и гры-

зешь зубами?—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями, изодралъ себѣ въ кровь все лицо, изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «Сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дрянного паука погибаю».

Гр. Л. Толстой.

---

14. Солнышко.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь;
Вездѣ жъ работа — на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ:
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Итакъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: „добрый сонъ“.

Изъ стихотв. Жуковскаго.

КНИЖНЫЙ
по
И.И.С
А.Ф.РО
Б.НИКИТ

15. ОБНОВКИ.

Купилъ себѣ мужикъ новые опойковые сапоги, женѣ накупилъ колецъ, а дочери—сережки. Пришелъ праздникъ; вотъ всѣ и понадѣвали свои обновки. Мужикъ сѣлъ на покутьи [1]), выставилъ ноги и качаетъ, чтобы видѣли его сапоги, да и говоритъ женѣ: «А почему это у насъ хата не выметена?» Жена выставила впередъ руки, растопырила пальцы и говоритъ: «Развѣ я не говорила?» А дочка замотала головой и говоритъ: «Вотъ бѣда! сколько же разъ ее на день мести?»

Даль.

16. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной своей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь, — встала раньше насъ;
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ,
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать,
За то и утра невидать,
А жнецъ — съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру;
Досугъ и пѣсни — ввечеру.

Изъ стихотв. Жуковскаго.

[1]) *Покутье*—красный уголъ, почетное мѣсто.

17. ЛИСА И КОЗЕЛЪ.

Бѣжала лисица, зазѣвалась на воронъ — и попала въ колодецъ. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идетъ козелъ, умная голова; идетъ, бородищей трясетъ, рожищами мотаетъ: заглянулъ отъ нечего дѣлать въ колодецъ, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ: «Что ты тамъ, лисынька, подѣлываешь!» — «Отдыхаю, голубчикъ», отвѣчаетъ лиса: «тамъ наверху жарко, такъ я сюда забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой—сколько хочешь.» А козлу давно пить хочется. «Хороша ли вода-то?» спрашиваетъ козелъ. — «Отличная,» отвѣчаетъ лиса: «чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ.» Прыгнулъ сдуру козелъ, чуть лисы не задавилъ, а она ему: «Эхъ, бородатый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ— всю обрызгалъ.» Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца. Чуть было не пропалъ козелъ съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Нарсдн. сказка.

---

18. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь..

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой;

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ сѣтью правильныхъ аллей.

И весь день въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

Плещеевъ.

19. ЗНАХАРЬ.

Не даромъ говорится, что на ворѣ шапка горитъ.

Былъ, сказываютъ, знахарь, который взялся разъ сыскать, кто укралъ цѣлковый. Собравъ всю артель въ избу, онъ погасилъ огонь, накрылъ чернаго пѣтуха рѣшетомъ и велѣлъ всѣмъ поочередно подходить и, погладивъ пѣтуха осторожно по спинѣ, опять его накрыть: а какъ только воръ тронетъ его, то онъ де закричитъ во весь голосъ.

«Всѣ ли подходили?» — «Всѣ.» — «И всѣ гладили пѣтуха? — «Всѣ.» А пѣтухъ и не думалъ кричать! «Нѣтъ,» сказалъ знахарь, «тутъ, что-нибудь да не такъ: подайте-ка огня, да покажите руки, всѣ разомъ!» Глядь—у всѣхъ по одной рукѣ въ сажѣ, потому что знахарь чернаго пѣтуха вымазалъ сажей, а у одного молодца обѣ руки чисты.

«Вотъ онъ воръ!» закричалъ знахарь, схвативъ бѣлоручку за воротъ.

Изъ „Матросскихъ досуговъ“ Даля.

20. Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно: меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо подъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его,
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него.

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли летуньи!...
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ.

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!

Майковъ.

КНИЖНЫЙ
А.Ф.РО
Б.НИКИТ

21. НАБИТЫЙ ДУРАКЪ.

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитый. Бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ: бывало, куда дуракъ соберется идти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то!

Вотъ, однажды пошелъ дуракъ мимо гуменъ и увидалъ: молотятъ горохъ. Онъ и закричалъ: «Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна.» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопитъ: «Матушка, матушка! били меня, колотили меня!»—За что?—«Вотъ, я шелъ мимо Дормидонкинова гумна, а на гумнѣ семейные его молотили горохъ.»—Ты что же, дитятко?—«Да я имъ сказалъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили.» —Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: «Возить вамъ—не перевозить, носить—не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу.

Вотъ, навстрѣчу ему несутъ покойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, закричалъ во весь голосъ: «Носить вамъ—не переносить, таскать—не перетаскать!» Опять отколотили его. Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили.—Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: «Канунъ да ладанъ!» Эти слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ.

На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ ѣдетъ ему навстрѣчу свадьба. Какъ

только она поровнялась съ дуракомъ, онъ откашлялся и закричалъ: «Канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: «Охъ, мать моя родимая! какъ больно прибили меня!»—За что, дитятко?—Дуракъ разсказалъ. — А ты бы дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ.— «Спасибо тебѣ, матушка моя».

Ушелъ онъ опять на село, да и взялъ съ собою дудочку. Вотъ на концѣ села занялся овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда, забѣжалъ противъ овина и ну плясать и играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ пришелъ опять къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать и говоритъ: «Ты бы, дитятко, взялъ воды да заливалъ съ ними».

Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимошедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, додбѣжалъ къ мужику и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать закаялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ и понынѣ дуракъ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Изъ народной сказки.

---

22. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.
Пѣсней душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;

Мужики его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ;
Возъ растетъ, растетъ какъ домъ...
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный стоитъ.
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.
Только Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая, въ попыхахъ.

Майковъ

23. КОМУ ГОРЕ, КОМУ СМѢХЪ.

Три добрыхъ пріятеля — уголекъ, пузырекъ и соломинка — шли вмѣстѣ на чужую-дальнюю сторону. Долго шли они и видятъ на дорогѣ лошадиный слѣдъ отъ копыта, а въ немъ вода. Призадумались пріятели, какъ переправиться черезъ такое море-океанъ.

Уголекъ говоритъ пузырю: «Пузырь, давай на тебѣ переплывемъ». — «Нѣтъ, уголекъ, пусть лучше соломинка поперекъ ляжетъ, а мы и перейдемъ по ней».

Легла поперекъ соломинка. Уголекъ пошелъ впередъ; дошелъ до половины соломинки; захотѣлось назадъ оглянуться; остановился, а соломинка зажглась— и сгорѣла. Уголекъ потонулъ. А пузырекъ, видя то, началъ хохотать. Хохоталъ-хохоталъ—да и лопнулъ.

Изъ народн. сказокъ.

24. Омутъ.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,—
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:

„Дитя, подойди къ намъ поближе,
„Тебя мы научимъ летать!
„Дитя, подойди, подойди же,
„Пока не проснулася мать!

„Подъ нами трепещутъ былинки,
„Намъ такъ хорошо и тепло,
„У насъ бирюзовыя спинки,
„А крылышки точно стекло.

„Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
„Мы такъ тебя любимъ давно...
„Смотри, какой берегъ отлогій,
„Какое песчаное дно“!

Гр. А. Толстой.

25. МУЖИКЪ И ЗАЯЦЪ.

Шелъ бѣдный мужикъ по чистому полю, увидалъ зайца, обрадовался и говоритъ: «Вотъ когда заживу домкомъ-то! Убью этого зайца плетью, возьму да продамъ за четыре алтына; на тѣ деньги куплю свинушку: она принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятокъ; поросятки выростутъ, принесутъ еще по двѣнадцати: я всѣхъ выкормлю, амбаръ мяса накоплю, мясо продамъ, а на денежки домъ заведу, да самъ женюсь; родитъ мнѣ жена двухъ сыновей: Ваську да Ваньку. Дѣтки станутъ пашню пахать, а я буду подъ окномъ сидѣть да порядки давать: «Эй вы, ребятки», крикну, «Васька да Ванька! шибко людей работой не невольте! Видно сами бѣдно не живали»! Да такъ громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а домъ со всѣмъ богатствомъ, съ женой и съ дѣтьми пропалъ.

Народн. сказка.

26. Благовѣсть.

Среди дубравы
Блеститъ крестами
Храмъ пятиглавый
Съ колоколами.

Ихъ звонъ призывный
Гудитъ уныло,
Зоветъ и манитъ
Неодолимо!...

Изъ стих. гр. А. Толстаго.

---

27. Дикій и ручной оселъ.

Дикій оселъ увидалъ ручного осла, пошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь; какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, да какъ сзади сталъ погонщикъ подгонять его дубиной, дикій оселъ и говоритъ: «Нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твое житье тебѣ сокомъ достается».

Гр. Л. Толстой.

---

28. Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко....

Лермонтовъ.

29. ЛѢСТНИЦА.

Стояла у стѣны лѣстница. Хотя всѣ ступени равны между собою, но верхняя ступень гордилась передъ нижними.

Проходилъ мимо человѣкъ. Онъ улыбнулся словамъ ступени, взялъ лѣстницу, перевернулъ ее, поставилъ снова у стѣны и пошелъ своей дорогой.

Какъ бы хотѣлось теперь гордой ступени воротить назадъ свои хвастливыя рѣчи!

---

30. Капля.

Упала съ неба капля дождевая
Въ морскую зыбь, на гордую волну;
Но, тихій нравъ дождинки награждая,
Малютку Богъ безвредно свелъ ко дну.

Ее схватила раковина жадно,
Свой перламутръ мгновенно растворя [1]),
И капля та блеститъ теперь нарядно
Жемчужиной въ коронѣ у царя.

(Изъ Гёте, съ нѣм.).

---

31. ДОБРЫЙ МЕДВѢДЬ.

Въ харчевнѣ сидѣлъ медвѣжій вожакъ и ужиналъ, а на дворѣ, за кучей дровъ, былъ привязанъ медвѣдь. На верху, подъ чердакомъ играло трое маленькихъ мальчиковъ. Старшему было лѣтъ шесть, а младшему не болѣе двухъ. Вдругъ слышатъ они,—кто-то всходитъ по лѣстницѣ. Кто бы это былъ? Дверь распахнулась: это былъ Мишка! Онъ соскучился на дворѣ,

[1]) Древніе (такъ Плиній) полагали, что жемчугъ образуется изъ отвердѣвшихъ капель, поглощаемыхъ жемчужными раковинами. Такъ же объясняетъ происхожденіе жемчуга германское народное повѣрье. Новѣйшіе ученые объясняютъ его иначе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

отвязался и нашелъ дорогу на лѣстницу. Дѣти очень испугались большого мохнатаго звѣря и всѣ попрятались по угламъ. Онъ однако ихъ всѣхъ нашелъ и обнюхалъ, но ничего имъ не сдѣлалъ. «Это, должно быть, большая собака», подумали они и погладили его. Онъ разлегся на полу. Меньшой мальчикъ вскарабкался на него и сталъ играть въ прятки скрывая свою головку въ густой бурой шерсти медвѣдя. Старшій мальчикъ взялъ барабанъ и забарабанилъ. Медвѣдь поднялся на заднія лапы — и началъ плясать. Каждый изъ мальчиковъ взялъ теперь свое оружіе, медвѣдю также дали ружье, и онъ крѣпко его держалъ. Славнаго нашли товарища! Потомъ они стали маршировать: «Разъ, два! разъ, два!»

Тутъ кто-то отворилъ дверь. Вошла мать. Если бъ вы видѣли ея безмолвный ужасъ, блѣдное, какъ мѣлъ, лицо, полуоткрытыя уста и неподвижные глаза! Но самый маленькій изъ мальчиковъ кивнулъ ей головой и закричалъ: «Не мѣшай, мы играемъ въ солдаты!»

Тутъ вошелъ вожакъ.

Андерсенъ.

---

32. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;

Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ.
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;

Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю!

Лермонтовъ.

33. ДУБЪ И ОРѢШНИКЪ.

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, я отдаю ихъ людямъ».

— «Я живу 200 лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько же».

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «Такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней».

Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

Гр. Л. Толстой.

34. Игры горцевъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумной собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,

Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ;
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.

Пушкинъ.

---

35. ВѢНИКЪ.

Жилъ былъ крестьянинъ. У него было много сыновей. Сыновья жили недружно. Цѣлые дни проходили у нихъ въ ссорахъ да спорахъ, а дѣло становилось. Ужъ кое-кто изъ недобрыхъ людей замышлялъ воспользоваться ихъ раздорами и ждалъ только смерти старика, чтобъ оттягать у нихъ отцовское наслѣдіе.

Вотъ разъ старикъ призываетъ къ себѣ всѣхъ своихъ сыновей; кладетъ передъ ними вѣникъ и говоритъ: «сломайте этотъ вѣникъ».

Другъ за дружкой пробовали сыновья переломить его. Не тутъ-то было! Измучившись, каждый клалъ его обратно и говорилъ: «Нѣтъ, батюшка, не переломишь».

— «Ахъ, вы неразумные!» сказалъ имъ отецъ. «Нѣтъ ничего легче, какъ переломить эти прутья».

Съ этими словами развязалъ онъ вѣникъ и велѣлъ ломать прутья, каждый по-очереди. «Э!» воскликнули сыновья, «этакъ-то, конечно, не трудно! Такъ и малый ребенокъ переломитъ!»

Тогда старикъ сказалъ:

КНИЖНЫЙ
А.Ф.РО
Б.НИКИТ

«Вы, любезныя дѣти, то же, что эти прутья! Покуда будете дружно держаться другъ за друга, будетъ у васъ въ домѣ благодать; ни одинъ лихой человѣкъ не осилитъ васъ; но какъ только порвете дружбу, будетъ съ вами то же, что съ этими прутьями, которые, всѣ изломанные, раскиданы здѣсь по полу».

---

36. Пѣсня пахаря.

Ну тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ...

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка;
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ и косы...
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!

Кольцовъ.

---

37. СТАРАЯ ХЛѢБЪ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ.

I.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и пробирался въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «Сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ; за мной охотники гонятся». Мужикъ согласился, запряталъ волка въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ мужикъ дальше, а навстрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?»—Нѣтъ, не видалъ». Охотники проскакали мимо. «Что, ушли мои злодѣи?» спрашиваетъ бирюкъ.—«Ушли».—«Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ волка на вольный свѣтъ. А бирюкъ говоритъ мужику: «Что же, мужичокъ? я тебя съѣмъ.»—«Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! Я тебя изъ такой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!»—«Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «Ну, коли такъ, то пойдемъ дальше, и если первый, кто встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего: ѣшь меня».

2.

Вотъ идутъ мужикъ и волкъ, а навстрѣчу имъ старая лошадь. Мужикъ къ ней: «Сдѣлай милость, разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть», и разсказалъ ей все, какъ было. Лошадь подумала-подумала и гово-

ритъ: «Я жила у моего хозяина двадцать лѣтъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать, онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ [1]); насилу я оттуда вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да. Старая хлѣбъ-соль забывается.»—«Видишь, моя правда», сказалъ бирюкъ. Опечалился мужикъ и сталъ просить бирюка, чтобы обождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это.

3.

Идутъ мужикъ съ волкомъ, а навстрѣчу имъ старая собака. Вотъ мужикъ и унея о томъ же спрашиваетъ. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала лаять, онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да. Старая хлѣбъ-соль забывается». Опечалился мужикъ еще пуще и насилу упросилъ волка подождать до третьей встрѣчи. «А тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь». Согласился бирюкъ обождать до новой встрѣчи.

4.

Повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ разсказалъ ей все дѣло, какъ было. Лиса стала спорить: «Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакомъ маломъ мѣшкѣ?» И мужикъ и бирюкъ побожились, что правда, но лиса говоритъ: «Не повѣрю, пока своими глазами не увижу. А ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты сажалъ волка въ мѣшокъ!» Бирюкъ всунулъ туда голову. «Да развѣ ты одну

1) *Яръ*—обрывистый берегъ.

голову пряталъ?» закричала лиса. Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты волка завязывалъ.» Мужикъ завязалъ. «А ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты на гумнѣ хлѣбъ молотишь». Мужичокъ началъ молотить волка цѣпомъ и убилъ.

Народн. сказка.

38. Урожай.

Краснымъ поломемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя [1]) горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную.

Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой.
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко:
Напилась воды
Земля до-сыта.
На поля, сады
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома

[1]) Вм. *темень*.

Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка—
Изъ села гужемъ [1])
Въ-пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались—
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду
Полюбуюся:
Что послалъ Господь
За труды людямъ?
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко стоятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко—
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери.

Кольцовъ.

39. У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Еврея, который шелъ, по крайне нужному, т. е. денежному и торговому дѣлу, черезъ лѣсъ, застигла

[1]) *Гужемъ*—длинной веревицей, другъ за дружкою.

ночь. Думать было нечего, надо итти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе; небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ сбоку на дорогу и стоитъ; даже видно, что у него дубинка на плечахъ... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай», сказалъ онъ: «не тронь меня, я тебя не боюсь; видишь, насъ двое». А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и поднялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова; молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою; но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей [1]). «Видишь», повторилъ онъ: «ну, видишь? говори же; зачѣмъ ты молчишь? когда боишься, такъ поди прочь и дай мнѣ пройти». Но все это не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ. Наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣна дрожали и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой. Даль.

---

1) *Самъ-третей* — самъ третій.

40. Вурдалакъ [1]).

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный.
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ—шагнуть не можетъ.
„Боже“! думаетъ бѣднякъ:
„Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный:
Съѣстъ меня Упырь [1]) совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ“.
Что же? вмѣсто Вурдалака,
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ—собака
На могилѣ гложетъ кость.

Пушкинъ.

---

41. ВОРЪ И УТАЙЩИКЪ.

Тима-Эбнъ-Абейранъ укралъ сбрую конскую у сосѣда своего Китада-Эбнъ-аль-Намана и передалъ жиду Сеидъ-Эбнъ-Салему. Сбрую нашли въ домѣ у жида, по слѣдамъ: Тима сунулъ ее въ мѣшокъ съ мукою и такимъ образомъ, думая избѣгнуть подозрѣнія, внесъ ее къ жиду; но въ мѣшкѣ была дыра, мука сыпалась во всю дорогу, и бѣлая стезя вела прямо черезъ порогъ Сеидъ-Эбнъ-Салема. Воръ клялся, что

---

[1]) *Упырь*—Вампиръ (оборотень, по народному повѣрью, высасывающій кровь у людей и скота).

у него нѣтъ сбруи: утайщикъ божился, что онъ ее не укралъ. Сбруя была оцѣнена свыше четырехъ динаріевъ, а слѣдовательно, по закону ислама, вору надобно было отрубить правую руку, но воръ и утайщикъ оба ссылались другъ на друга, оба считали себя правыми, и ихъ повели судить къ Омару. «Я разсужу васъ», сказалъ Омаръ: «законъ удовлетворится, потому что виновный получитъ достойную казнь, и отвѣтчики будутъ, думаю, довольны, потому что каждый изъ нихъ останется при двухъ рукахъ». И за словомъ велѣлъ отрубить руку вору и отдать ее утайщику, а руку этого, отрубивъ, отдать тому.

(Изъ „Сельскаго чтенія“ Д а л я).

42. Рыбка.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ видна трава.

Чиста холодная струя,
Слѣжу за поплавкомъ:
Шалунья рыбка—вижу я—
Играетъ съ червякомъ.

Голубоватая спина,
Сама—какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна [1]),
Багряное перо.

Идетъ—не дрогнетъ подъ водой...
Пора! червякъ во рту.
Увы! блестящей полосой
Юркнула въ темноту.

[1]) *Бурмитское зерно*—крупная жемчужина.

Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ не вдалекѣ,
Постой! авось на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

Фетъ.

43. СПОКОЙСТВІЕ БЛИЖНЯГО.

Преподобный Іоаннъ Коловъ однажды пошелъ съ нѣкоторыми братьями изъ скита. Дорогою застигла ихъ ночь, и провожатый къ несчастію сбился съ пути... «Что намъ дѣлать?» сказали Іоанну спутники: «скитаясь здѣсь, можно погибнуть».—«Не говорите провожатому ничего», отвѣчалъ старецъ: «бѣдный устыдится и будетъ печалиться, досадовать и, можетъ быть, роптать... Лучше сдѣлаемъ вотъ что: я скажу, будто боленъ, что не могу итти далѣе, и останусь здѣсь, пока не разсвѣнетъ». Такъ и поступилъ. Прочіе объявили, что останутся съ нимъ: всѣ пробыли тутъ до утра и не причинили сокрушенія брату.

Изъ „Училища благочестія".

44. Черкесская пѣсня.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Пушкинъ.

---

15. УРОКЪ ОБМАННИКУ.

Одинъ купецъ для оборота въ торговлѣ часто занималъ деньги у святого Спиридона; когда же, возвращаясь, приносилъ ему долгъ свой, старецъ обыкновенно приказывалъ ему самому положить деньги въ ящикъ, изъ котораго взялъ. Старецъ вѣрилъ купцу и не считалъ денегъ.

Многократно купецъ, съ позволенія святого, бралъ и отдавалъ золото, и Господь благословлялъ его торговлю. Но однажды, соблазнившись, не положилъ купецъ принесенныхъ денегъ въ ящикъ и, обманувъ св. Спиридона, удержалъ у себя... Что же вышло? Не только утаенное золото не принесло ему никакого прибытка, но онъ вскорѣ обнищалъ совершенно.

Въ этой крайности приходитъ купецъ опять къ св. Спиридону и проситъ у него взаймы золота. Святой по обыкновенію послалъ его въ свою спальню за деньгами, но какъ купецъ не положилъ въ ящикъ ничего, то и взять было нечего. Возвратившись съ пустыми руками, объявилъ онъ святому, что въ ковчегѣ золота нѣтъ. «Кромѣ твоей руки, доселѣ ничьей въ ковчегѣ не было», спокойно отвѣчалъ ему старецъ: «если бы ты положилъ тогда деньги, то теперь опять взялъ бы ихъ; роптать не на кого,—самъ ви-

новать». Пораженный стыдомъ, купецъ палъ къ ногамъ Спиридона. Старецъ немедленно простилъ его, но отпустилъ въ домъ уже не съ деньгами, ибо не имѣлъ ихъ, а только съ убѣдительнымъ наставленіемъ впередъ не осквернять совѣсти корыстію и обманомъ.

Изъ „Училища благочестія."

46. Донъ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ [1]).
Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю [2]).
Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

Пушкинъ.

47. Лукъ.

У охотника былъ хорошій лукъ чернаго дерева, который стрѣлялъ далеко и мѣтко; охотникъ очень дорожилъ этимъ лукомъ. Но однажды, разсматривая его, онъ сказалъ: «А вѣдь ты ужъ очень простъ, пріятель! Вся твоя красота состоитъ въ томъ, что

1) Поэтъ возвращается изъ Арзерума послѣ турецкаго похода въ 1829 г.
2) *Арпачай*—притокъ Аракса на тогдашней русской границѣ.

ты гладокъ. Жаль!... Однакоже этому можно помочь», прибавилъ онъ: «пойду и закажу лучшему художнику вырѣзать на немъ рисунокъ». Сказано—сдѣлано. Художникъ вырѣзалъ на немъ изображеніе цѣлой охоты. Что же можно было придумать лучше для украшенія лука?

Охотникъ былъ въ восторгѣ. «Ты стоишь этого украшенія, дорогой мой лукъ!» сказалъ онъ. И вотъ идетъ онъ съ нимъ на охоту, натягиваетъ его—и лукъ ломается.

Изъ басенъ Лессинга (съ нѣмецк.)

48. Делибашъ [1]).

Перестрѣлка за холмами.
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ *лавѣ* [2])!
Пожалѣй свое житье!
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите: каковы?
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

П у ш к и н ъ.

---

1) *Делебаши*—отрядъ удальцовъ изъ 50 человѣкъ, подъ начальствомъ особаго офицера. Слово „делибашъ“ по-турецки значитъ „сумасшедшій“.

2) *Лава*—казачій строй при нападеніи, расположенный дугою въ одну шеренгу.

49. ЖИВИ СВОИМЪ УМОМЪ.

Козелъ повадился въ огородъ: бывало, какъ только пастухи выгонять стадо, Васька мой сперва какъ добрый идетъ, головой помахиваетъ, бородой потряхиваетъ: а какъ только ребятишки засядутъ въ овражкѣ гдѣ нибудь въ камушки играть, Васька и отправляется прямо въ капусту.

Разъ пошелъ онъ тѣмъ знакомымъ путемъ. Въ это время отбилась отъ стада глупая овца, зашла въ чащу, въ крапиву, да въ лапушникъ: стоитъ сердечная, да кричитъ, да оглядывается, не найдется ли кто добрый человѣкъ, чтобы вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидѣвши козла, обрадовалась она, какъ родному брату: «Пойду, дескать, хоть за нимъ. Этотъ выведетъ: не въ первый разъ мнѣ за нимъ итти; у насъ и впереди стада тоже козелъ вожакомъ ходитъ; за нимъ ступай смѣло!» Пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ—она черезъ оврагъ; онъ черезъ тынъ — она черезъ тынъ, и попала съ нимъ же въ огородъ.

На этотъ разъ огородникъ заглянулъ какъ-то пораньше въ капусту свою, да и увидалъ гостей. Схватилъ онъ хворостину предолгую, кинулся на незванныхъ. Козелъ, какъ попроворнѣй, успѣлъ перескочить опять черезъ тынъ, мемекнулъ, да и пошелъ себѣ въ чистое поле, а бѣдная овца замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во всѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ что уже она кричитъ не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. На-

конецъ огородникъ, подумавши про себя: «чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ хозяинъ привяжется», выгналъ ее въ калитку, да еще на дорогу вытянулъ во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, въ стадо, да и плачется на козла. А козелъ говоритъ: «А кто велѣлъ тебѣ за моимъ хвостомъ бѣгать? Я пошелъ въ свою голову, такъ мой и отвѣтъ; коли мужикъ отобьетъ мнѣ бока, такъ я ни на кого плакаться не стану: ни на хозяина, зачѣмъ дома не кормитъ, ни на пастуховъ, зачѣмъ не приглядѣли за мной, а ужъ буду молчать, да терпѣть. А тебя зачѣмъ нелегкая понесла за мною? Я тебя не звалъ».

Изъ „Солдатскихъ досуговъ" Даля.

50. Конь.

„Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?"

Отвѣчаетъ конь печальный:
„Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;

Что ужъ скоро врагъ суровый [1])
Сбрую всю мою возьметъ
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
Отъ того мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чепрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока."

Изъ „Пѣсенъ западныхъ Славянъ" Пушкина.

51. НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Сѣверо-американскій индѣецъ, возвратившись однажды въ свою хижину, замѣтилъ, что у него пропалъ окорокъ вядчины, который онъ повѣсилъ на дерево провялиться. Осмотрѣвъ внимательно все вокругъ, онъ пустился преслѣдовать вора и спрашивалъ у каждаго встрѣчнаго, не видалъ ли онъ стараго бѣлаго человѣка небольшаго роста, съ короткимъ ружьемъ и съ небольшой собакой, у которой длинный и мохнатый хвостъ. Многіе отвѣчали ему, что дѣйствительно встрѣтили такого человѣка, и съ удивленіемъ спрашивали, какъ могъ онъ описать такъ подробно лицо, котораго никогда не видалъ.

«Что воръ небольшаго роста», отвѣчалъ индѣецъ, «заключилъ я изъ того, что онъ, снимая вядчину, долженъ былъ подложить камень, а я повѣсилъ ее на дерево, стоя на землѣ; что онъ старикъ—я вижу по его мелкимъ шагамъ, слѣды которыхъ остались на землѣ; что онъ бѣлый—вижу изъ того, что онъ выворачиваетъ пятки; индѣйцы же никогда не дѣлаютъ этого. Ружье его должно быть коротко; это я увидѣлъ

1) Турки, отъ которыхъ много терпѣли и терпятъ Сербы (народъ славянскаго племени).

по значку на корѣ дерева, которую онъ сдернулъ немного, когда приставилъ къ нему свое ружье. Собака его не велика: это видно по ея слѣдамъ, а что у нея пушистый хвостъ — это я замѣтилъ по знаку, который она оставила на пескѣ, когда сидѣла и облизывалась, пока ея хозяинъ кралъ мою вядчину».

52. Мщеніе.

Измѣной слуга паладина [1]) убилъ;
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.
Свершилось убійство ночною порой,
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры и латы убійца надѣлъ
И въ нихъ на коня паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.
Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока—
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,
Но панцырь [2]) тяжелый его утопилъ.

Жуковскій.

53. МЕДВѢДЬ.

Въ дремучемъ лѣсу появился большой медвѣдь. Объ этомъ узнали два охотника, Иванъ и Петръ. «Не уйдетъ онъ отъ насъ!» сказали они.

Цѣлый день проходили они по лѣсу, отыскивая слѣдъ медвѣдя. Къ вечеру зашли въ кабачокъ и, не смотря на то, что денегъ у нихъ не было, порядкомъ выпили. «Мы заплатимъ тебѣ шкурой медвѣдя», уходя сказали они хозяину.

---

1) *Паладины*—странствующіе рыцари.
2) *Панцырь*—броня, металлическое одѣяніе.

Два дня спустя, видятъ они: идетъ прямо на нихъ съ страшнымъ ревомъ огромный медвѣдь.

Иванъ выстрѣлилъ, но со страху промахнулся и поспѣшно взлѣзъ на дерево. У Петра ружье осѣклось, и онъ, видя, что дѣлать болѣе нечего, легъ на землю и притворился мертвымъ: онъ слыхалъ, что медвѣди не трогаютъ мертвыхъ. Медвѣдь обнюхалъ лицо и уши Петра, не тронулъ его и пошелъ прочь.

Когда медвѣдь скрылся изъ виду, Иванъ слѣзаетъ съ дерева и шутливо спрашиваетъ Петра: «Ну-ка скажи, что тебѣ шепталъ Мишка на ухо?» — «Онъ сказалъ мнѣ», отвѣчалъ Петръ, вотъ что: «напередъ убейте медвѣдя, а потомъ уже распоряжайтесь его шкурой».

Хр. Шмидтъ (съ нѣм.).

54. Ночь.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ:
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы-хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Лермонтовъ.

55. ЧЕРЕМУХА.

Черемуха выросла въ орѣшникѣ и заглушала лещиновые [1]) кусты. Долго думалъ я — рубить иль

[1]) *Лещина*—лѣсной орѣшникъ.

не рубить ее: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вѣтвистая, кудрявая, и вся обсыпана яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ; издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ, которому я прежде приказалъ вырубить всю черемуху, безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ. «Нечего дѣлать, видно судьба», подумалъ я, взялъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше, и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, то положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, а на насъ закапало съ него росой, и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ срединѣ дерева; мы налегли, и оно какъ будто заплакало, — затрещало въ срединѣ и свалилось. Оно разодралось у надруба и покачиваясь легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія, и успокоились.

«Эхъ! штука-то важная!» сказалъ мужикъ: «жалко!»

А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Изъ „Азбуки“ гр. Л. Толстаго.

56. Ночь.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ:
Въ безмолвной тишинѣ почили даль и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

Пушкинъ.

57. Молодецъ.

Застрѣльщики наши выживали непріятеля изъ лѣсу. Егерь взялъ въ плѣнъ одного непріятеля, сдалъ офицеру; пошелъ опять въ дѣло, взялъ другого, опять сдалъ; захватилъ какого-то и третьяго, да и этого привелъ, а самъ пошелъ-было опять на свое мѣсто. «Постой», сказалъ ему офицеръ: «что ты самъ не ведешь плѣнниковъ своихъ въ штабъ [1])? Иди хоть съ ними да запишись; ты знаешь, что у насъ приказано выдавать за каждаго по червонцу; послѣ не разберутъ или позабудутъ тебя, а мнѣ тебя жаль — ты молодецъ».

— «Да какъ молодцы-то уйдутъ, такъ съ кѣмъ же вы, ваше благородіе, останетесь?» отвѣчалъ солдатъ и пошелъ опять на свое мѣсто.

Изъ „Солдатскихъ досуговъ“ Даля.

[1]) *Штабъ*—мѣсто, гдѣ присутствуютъ чины, управляющіе дѣлами войскъ.

58. Бонапартъ [1]) и Черногорцы [2]).

„Черногорцы? что такое?“
Бонапарте вопросилъ:
„Правда ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

Такъ раскаются жъ нахалы.
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ!“

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ [3]),
И своихъ мамлюковъ [4]) роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ...
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

„Стой! пали! Пусть каждый сбросить
Черногорца одного.

---

1) Наполеонъ I.

2) *Черногорцы*—сербскаго племени. Черногорія находится между Австріей и Турціей.

3) *Мортира*—орудіе для метанія бомбъ.

4) *Мамлюки*—египетское войско.

Здѣсь пощады врагъ не проситъ,
Не щадите жъ никого!“

Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ;
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ [1]) отвѣчали
Мы французамъ. „Это что?“
Удивясь они сказали:
„Эхо, что ли?“... Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ;
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ, пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

Изъ „Пѣсенъ западныхъ Славянъ“ Пушкина.

59. ВОИНЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ [2]) былъ раненъ смертельно зять Кутузова [3]) графъ Тизенгаузенъ. Онъ былъ очень храбръ и бросался въ самыя опасныя мѣста; пуля пробила ему грудь.

Когда Кутузовъ узналъ объ этомъ печальномъ событіи, то ничѣмъ не выразилъ своей скорби; онъ казался совершенно покойнымъ, и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ въ продолженіе всего сраженія отда-

1) *Залпъ*—одновременный выстрѣлъ изъ многихъ ружей или пушекъ.

2) Подъ *Аустерлицемъ* (городомъ въ Моравіи) Наполеонъ побѣдилъ австрійцевъ и русскихъ 2 дек. 1805 г.

3) Михаилъ Илларіоновичъ *Кутузовъ*—знаменитый русскій полководецъ

валъ свои приказанія. Но на другой день приближенные застали его въ невыразимой горести: слезы текли ручьями; онъ рыдалъ неутѣшно надъ трупомъ молодого человѣка.

---

60. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣриться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ [1]),
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

---

61. ЦАРЬ И РУБАШКА.

Одинъ царь былъ боленъ и сказалъ: «Половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ». Тогда со-

---

[1]) Островъ св. Елены, куда былъ сосланъ Наполеонъ I.

брались всѣ мудрецы и стали судить, какъ вылѣчить царя. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что царя можно вылѣчить. «Если найти счастливаго человѣка», сказалъ онъ, «снять съ него рубашку и надѣть на царя,—царь выздоровѣетъ». Царь и послалъ искать по всему царству счастливаго, но не было ни одного такого, который былъ бы всѣмъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да бѣденъ; кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша, или дѣти не хороши, — всѣ на что-нибудь да жалуются. Одинъ разъ поздно вечеромъ идетъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему, кто-то говоритъ: «Вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся, и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?» Царскій сынъ обрадовался и велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ; рубашку же отнести къ царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубашку, но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было и рубашки.

Съ арабскаго (перед. изъ „Азбуки“ гр. Л. Толстаго).

---

62. Пиръ Петра Перваго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что́ пируетъ царь великій

Въ Питеръ-бургѣ [1]) городкѣ?
Отъ чего пальба и клики,
И эскадра [2]) на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ [3]),
И пошелъ на встрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы [4])
Торжествуетъ государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина [5])?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

---

[1]) Петербургъ.
[2]) *Эскадра*—отрядъ судовъ.
[3]) См. отд. VI (I, 1) этой хрестоматіи.
[4]) *Полтавская битва*, 27 іюня 1709 г., въ которой Петръ Великій разбилъ шведскаго короля Карла XII.
[5]) Екатерина I, супруга Петра I.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питеръ-бургѣ городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ.
Отъ того-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Пушкинъ.

63. НЕДОВОЛЬНОЕ ДЕРЕВЦО.

Стояло въ лѣсу деревцо. Вмѣсто листьевъ оно было одѣто колючими иглами. «У всѣхъ моихъ подругъ», жаловалось деревцо, «прекрасные листочки; у меня одного гадкія иглы; никто не дотронется до меня. Если бы моя воля—пожелала бы я себѣ листьевъ изъ чистаго золота.»

Наступила ночь, и деревцо уснуло. Утромъ просыпается—и видитъ: все оно одѣто золотыми листочками. Вотъ было великолѣпіе! «Теперь я довольно», сказало деревцо: «золотыхъ листьевъ нѣтъ ни у одного дерева въ лѣсу».

Но когда наступилъ вечеръ, проходилъ черезъ лѣсъ нищій съ мѣшкомъ за плечами; онъ увидѣлъ золотые листья, оборвалъ ихъ всѣ до одного и поспѣшно ушелъ своею дорогой, оставивъ деревцо съ обнаженными вѣтками.

Плачется деревцо: «Мнѣ жаль золотыхъ листочковъ и стыдно мнѣ другихъ деревьевъ: на нихъ такіе прекрасные листья! Была бы воля—пожелало бы я себѣ листьевъ изъ прозрачнаго стекла».

Уснуло опять деревцо: утромъ просыпается снова и видитъ: все оно одѣто стекляными листочками...

Вотъ было великолѣпіе! «Теперь я довольно,» сказало деревцо: «ни одно дерево здѣсь въ лѣсу не блистаетъ такъ, какъ я!»

Вдругъ зашумѣла буря, закачала деревья: налетѣла на стекляные листья, и вотъ они лежатъ въ травѣ всѣ разбитые.

Заплакало деревцо: «Лежатъ мои стеклышки въ травѣ, а другія деревья вонъ стоятъ себѣ съ своими зелеными листьями! Если бы и мнѣ такіе зеленые листочки!»

Уснуло деревцо. Утромъ просыпается и видитъ: все оно одѣто зелеными листочками. Улыбнулось деревцо и сказало: «Вотъ и уменя такіе же листочки; мнѣ не стыдно теперь».

Вдругъ прибѣжала коза съ полнымъ выменемъ; она искала травы и зелени, чтобы принести побольше молочка своимъ козляточкамъ. Она увидѣла листочки и, не долго думая, объѣла ихъ всѣ, и съ стебельками.

И вотъ деревцо стоитъ опять обнаженное. Тогда сказало оно: «Не хочу же я болѣе никакихъ листьевъ. Будь у меня теперь мои иглы, не стало бы я бранить ихъ!»

И печально заснуло оно; печально и проснулось утромъ. Оглядѣлось оно при свѣтѣ утренняго солнышка и — долго и весело смѣялось. На немъ были опять его прежнія иглы. Смѣялись съ нимъ и всѣ другія деревья, но деревцо не сердилось на нихъ.

Рюккертъ (съ нѣм.).

64. Выборъ креста.

Усталый шелъ крутой горою путникъ.
Съ усиліемъ передвигая ноги,

По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца;
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды [1])
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ
Былъ духъ его изъ бренныя [2]) тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: „Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя [3]) души
Я исповѣдую передъ тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны:
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погибнетъ.“ Такъ въ безмолвіи онъ Бога
Всевышняго молилъ.
И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ, и его умчало

---

1) *Вѣжды*—вѣки (по-церковно-славянски).
2) 3) „*Бренныя*“, „*грѣшныя*“, вм. „бренной, грѣшной“—церк.-славянск. окончаніе прилаг. въ род. пад. ж. р.

На высоту неодолимой силой,
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Передъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми“. И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было не легко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ,
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ не легóкъ, онъ, правда: былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: „Господи, позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ“. И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

Жуковскій.

---

65. ПАВЛИНЪ.

Два деревенскіе мальчика несли ягоды въ городъ на продажу. На дворѣ большого барскаго дома видятъ они такую птицу, какой отъ роду не видывали. Это былъ павлинъ, гордо расхаживавшій по двору:

время отъ времени онъ кричалъ и распускалъ свой великолѣпный хвостъ, который чудно блисталъ на солнцѣ.

— «Вотъ дивная птица!» вскричалъ одинъ изъ мальчиковъ: «какъ отливаетъ ея золотистая шея! То она зеленая, то голубая! А какъ хорошъ хвостъ! Я ничего не видывалъ краше!»

— «Ну, не такъ же она хороша, какъ ты говоришь», возразилъ другой: «посмотри, какія у нея гадкія ноги! И какъ она кричитъ противно!»

— «Я не могу насмотрѣться на чудныя перья этой птицы», отвѣчалъ первый, «а ногъ я и не разсмотрѣлъ; не замѣтилъ и ея крику».

Въ это время проходила по двору хозяйка дома съ своей дочкой. Онѣ услыхали слова мальчиковъ, и мать спросила дѣвочку: «Кто изъ нихъ правъ по-твоему?» Дѣвочка затруднялась отвѣтить и молчала.

— «Оба они несправедливы», сказала мать: «одинъ видитъ въ нашемъ павлинѣ только хорошее, другой— только дурное».

Передѣл. съ нѣм.

---

66. На погребеніе англійскаго генерала Сира Джона Мура.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ прощальнымъ ружейнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ;
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки копали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья...
И съ валу ударилъ перунъ [1]) вѣстовой:
Тебѣ [2]) онъ не вѣстникъ сраженья!

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой,
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

Козловъ.

67. ОТЪ ЧЕГО ЗЛО НА СВѢТѢ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

1) *Перунъ*—славянскій богъ грома и молніи. Здѣсь *перунъ* означаетъ громъ пушки, выстрѣлъ.

2) Во всѣхъ изданіяхъ непонятное чтеніе: „*И намъ* онъ...“

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать—отъ чего зло бываетъ на свѣтѣ? Воронъ сказалъ: «Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь вволю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь—все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой—и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то; перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается,—такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то, и камнями въ тебя кидаютъ, и волки, и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ-за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живемъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою подружку, что нѣтъ тебѣ покоя—все объ ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ пропадешь—все думаешь: какъ бы ястребъ не унесъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду—либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь, и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «Нѣтъ, зло не отъ голода и не

отъ любви, а зло отъ злости.—Кабы жили мы смирно, не злились бы,—намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься—тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь: только шипишь, да ползешь, ищешь, кого бы укусить. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «Нѣтъ, не отъ злости, не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, а отъ большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха; забьется сердце, точно выскочить хочеть, и летишь что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется, или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь—звѣрь, да и бѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки—набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и сразмаху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ,—все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Съ индѣйскаго (изъ „Азбуки“ гр. Л. Толстаго).

68. Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна да мохъ сѣдой.

Передъ нимъ рыбачья хата;
Подъ сосной у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.

Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!
Богъ на помощь! Какъ живешь?
Много-ль ловишь ты и лова
Гдѣ добычу продаешь?“

Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало ли въ рѣкѣ?
Только нѣтъ иного сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.

Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня.“

Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты [1]) у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.

„Ну, старинушка, готово!
Смѣло въ воду челнъ содвинь,
И на счастіе Петрово
Сѣти на море закинь!“

—„На Петрово? Эко слово
Молвилъ!“ думаетъ рыбакъ:
„Съ топоромъ гляди какъ ловокъ.
А по рѣчи... Какъ же такъ?“

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

Майковъ.

[1]) *Борты*—бокъ корабля или лодки.

69. ВИНОГРАДНАЯ КИСТЬ.

Приходитъ разъ крестьянинъ къ своему государю съ великолѣпною кистью винограда; подаетъ ее и говоритъ: «Позволь мнѣ, государь, поднести тебѣ, что могу. Не великъ мой даръ, но сказать по правдѣ, я взялъ эту кисть больше за тѣмъ, чтобъ имѣть случай видѣть тебя. Да и по праву она твоя: такую кисть найти такъ же трудно, какъ трудно найти государя такого, какъ ты».

Государя привела въ восторгъ похвала, высказанная такъ простодушно, а еще болѣе понравилось ему сердце, изъ котораго она излилась. Сердечно поблагодарилъ онъ за подарокъ и, щедрый на награды, приказалъ выдать прямодушному крестьянину двѣсти талеровъ.

Возвращается крестьянинъ домой съ полнымъ кошелькомъ, разсказываетъ о случившемся своимъ братьямъ; тѣ передаютъ священнику, а священникъ ихъ помѣщику.

Дворянчикъ слушаетъ его съ изумленіемъ. «Вотъ какъ? Двѣсти талеровъ за виноградную кисть? Молодецъ же нашъ государь! Вотъ посмотрите, какую штуку сыграю я съ нимъ!»

Выбираетъ онъ лучшаго изъ своихъ коней, садится на него и ѣдетъ во дворецъ. Государь видитъ его изъ окна и громко хвалитъ прекраснаго коня.

«Если ты», сказалъ дворянинъ, «сочтешь его достойнымъ твоей конюшни, то прикажи—и онъ твой. Сочту это за великую честь для себя».

— «Благодарю», отвѣчалъ государь: «но я теряюсь и не знаю, чѣмъ могу отблагодарить тебя». (Онъ

слыхалъ уже о корыстолюбіи этого хитреца.) «Ты богатъ, и неприлично мнѣ платить тебѣ деньгами; мы помѣняемся съ тобой: есть у меня вещь, въ своемъ родѣ такая же рѣдкость, какъ и твой конь. Я пришлю ее тебѣ».

«Что же это была за вещь?» спросите вы: «Алмазъ?»—О, нѣтъ: знакомая намъ виноградная кисть.

Николаи (съ нѣм.)

70. Бородино [1]).

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя!
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“
—„Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было; боя ждали;
Ворчали старики:
„Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!

[1]) Знаменитая битва у с. Бородина, въ 108 верстахъ отъ Москвы, 26 августа 1812 года, между русскими и французами.

Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,—
Французы тутъ-какъ-тутъ
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: „угощу я друга!
Постой ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить? Пожалуй къ бою,
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною;
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!“
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи“.
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось.
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:

[1]) Небольшое укрѣпленіе въ полѣ, обведенное земляннымъ валомъ и рвомъ.

„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена, какъ тѣни;
Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала;
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да! были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля:
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

Лермонтовъ.

71. ПРИВИДѢНІЕ.

Знаю, что вы не вѣрите больше въ привидѣнія; не вѣрю въ нихъ и я. Но есть одно привидѣніе, которое я самъ видѣлъ, и не одинъ разъ: оно является и тому, кто сидитъ на жесткой скамьѣ, и тому, кто покоится на мягкихъ подушкахъ; видалъ я его и среди бѣла дня, и при одинокой лампѣ, и при сотнѣ свѣчъ.

Вы слыхали конечно, будто тѣнь убитаго блуждаетъ привидѣніемъ и мститъ своему убійцѣ. Многіе убиваютъ время праздностью или такимъ дѣломъ, которое ничѣмъ не лучше бездѣлья. Къ нимъ-то является привидѣніе убитаго времени. *Скука*—имя этому привидѣнію. Незамѣтно приближается оно къ убійцѣ, гдѣ бы ни застало его, и заставляетъ его зѣвать. Если не хочешь повстрѣчаться съ этимъ привидѣніемъ, то ты долженъ всегда быть занятъ или полезнымъ дѣломъ, или дѣльной мыслью.

Ауэрбахъ (съ нѣм.)

72. Гонецъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь:
Казакъ не хочетъ отдохнуть

Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло [1]), булатъ [2]) его блеститъ;
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой,

Червонцы нужны для гонца;
Булатъ—потѣха молодца;
Ретивый конь—потѣха тоже,
Но шапка для него дороже,

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
—Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ:
Доносъ на гетмана [3]) злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея [4]).

Пушкинъ.

---

74. ЧЕЛОВѢКЪ И ВЕРБЛЮДЪ.

(Аллегорія).

Черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ

---

1) *Стекло*—по-ц.-слав. „стекло“.

2) *Булатъ*—азіатская узорчатая сталь.

3) Гетманъ (правитель малороссійскихъ казаковъ) *Мазепа* измѣнилъ Петру Великому.

4) *Кочубей* былъ войсковымъ генеральнымъ судьей.

Ужасной глубины, но безъ воды.
Изъ нѣдра темнаго его торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугѣ прянулъ: онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой: его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустого водоема:
Тамъ змѣй ворочался и на него
Зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ,—двѣ мыши, бѣлая одна,
Другая черная, сидѣли рядомъ
На корнѣ, и его поочередно
Съ большою жадностію грызли, землю
Со всѣхъ сторону скребли и обнажали
Всѣ вѣтви корня, а когда земля
Шумѣла, падая на дно, оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень

Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кусть
Къ нему на дно обрушится. Но что же?
Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
На ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ
Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
Желаніе полакомиться ими
Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
И грознаго верблюда надъ собою,
И подъ собой на днѣ далекомъ змѣя,
И двухъ мышей коварную работу;
Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
Внизу зіять голодной пастью змѣя,
И въ сторонѣ грызть корень и копаться
Въ землѣ мышей, а самъ, рукой добравшись
До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
И ѣсть,—и страхъ его пропалъ...

Ты спросишь,
Кто это жалкій путникъ?— *Человѣкъ.*
Пустыня жъ съ водоемомъ—*свѣтъ;* а путь
Черезъ пустыню—наша *жизнь* земная;
Гонящійся за путникомъ верблюдъ
Есть врагъ души, тревогъ создатель—*грѣхъ.*
Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно
На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной,
Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *смерть*—
Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
А мыши? Ихъ названье *день* и *ночь:*
Безъ отдыха, смѣняясь, онѣ
Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,

Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть:
Прилежно черная грызетъ всю ночь,
Прилежно бѣлая грызетъ весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утомленьемъ,
Забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ,
И смерть—внизу зіяющаго змѣя,
И быструю работу дня и ночи—
Мышей, грызущихъ тонкій корень жизни;
Ты все зибылъ—тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь, и смертный человѣкъ!

Жуковскій (изъ „Сказки о мудрецѣ Керимѣ")

---

74. Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,

И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно все; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ.
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

П у ш к и н ъ (Изъ поэмы „Цыганы")

75. ЦАРСКОЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Одинъ царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему разъ двое портныхъ и говорятъ: «Мы можемъ сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только если кто глупъ и къ своей должности не годится, тотъ платья нашего не можетъ видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ, тотъ рядомъ будетъ стоять — и не увидитъ платья нашей работы». Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сшить на себя платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и дали имъ бархату, шелку, золота,— всего, что̀ нужно было для платья. Когда прошла недѣля, царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово, и показали министру пустое мѣсто. Министръ похвалилъ ихъ работу. Царь велѣлъ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто; царь тоже притворился,

что видитъ новое платье, снялъ свое старое и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда онъ пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу, — всѣ видѣли, что на царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ его, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только, что онъ одинъ не видитъ его, а что другіе всѣ видятъ. Такъ царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачокъ увидалъ царя и закричалъ: «Смотрите, царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!» И царю стало стыдно, что онъ не одѣтъ, и всѣ увидали, что на царѣ ничего не было.

По Андерсену.

76. Переходъ цыганъ на другое кочевье.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ.
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ.
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собаки лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,—
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,

Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ, однообразной.

Пушкинъ (Изъ поэмы „Цыганы").

---

77. КАННИТФЕРШТАНЪ.

Часто
Мы на свою негодуемъ судьбу, а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься,
и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой, до-
брался
Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ.
Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ. Городъ
богатый,
Пышный, зданья огромны, тьма кораблей... заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались. Вдругъ онъ
увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ по-
клономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: «Чей это домъ, въ которомъ
такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?» Но вид-
но прохожій
Или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки,

Сколько тотъ по-голландски, то-есть не зналъ ни полъ-слова,—
Какъ бы то ни было: «*Каннитферштанъ!*» отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ—есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значатъ они: «не могу васъ понять». Простодушный
Нѣмецъ напротивъ вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. «Видно богатъ не на шутку
Этотъ «*Каннитферштанъ*», сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ.

—

Приходитъ на пристань—
Новое диво! Тамъ кораблей числа нѣтъ: ихъ мачты
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего,—такъ много онъ разомъ увидѣлъ.
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи. Много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы,
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ.
Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ, и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ, какъ назывался

Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало. Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:
«*Каннитферштанъ*».—«Опять! смотри пожалуй! Какой же
Этотъ *Каннитферштанъ* молодецъ! Мудрено ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?»
Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ, и задумался; горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ, и какъ онъ бѣденъ...
Но только что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда бъ онъ
Самъ былъ *Каннитферштанъ*, какъ вдругъ передъ нимъ—погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу на вѣки отвозятъ;
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча
Въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной
Доброй душѣ при видѣ мертваго тѣла, и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный. Потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ,

Шедшихъ за гробомъ, который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу; тихонько
Дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: «Конечно, покойникъ
Былъ вашъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? Кто онъ?»
—«*Каннитферштанъ!*» былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и, вздохнувши, сказалъ онъ:
«Бѣдный, бѣдный *Каннитферштанъ!* отъ такого богатства
Что̀ осталось тебѣ? Не то же ль, что̀ рано иль поздно
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Савань и тѣсный
Гробъ». И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ родной покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой.
И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его, и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей,—онъ всегда утѣшался,

Вспомнивъ о *Каннитферштанѣ*, его несмѣтномъ богатствѣ:

Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ—и тѣсной могилѣ.

Жуковскій.

---

78. Осенняя пѣсня.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни.

Опустѣли злачны нивы;
Хладенъ ручеекъ игривый;
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ.

Изъ стих. Пушкина.

---

79. Въ римскомъ циркѣ.

Былъ вѣкъ Траяна [1]); въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ [2]) и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ

---

1) *Траянъ*—римскій императоръ (98—117 г. по Р. Х.)—2) *Гладіаторъ*—боецъ.

Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ.
Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ,—и что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей, тамъ собранныхъ? Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани [1]),
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ не прощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены [2]) блѣдный трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья.
Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій, съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье добровольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,

[1]) Древніе цирки не имѣли крышъ. — [2]) *Арена*—мѣсто боя, усыпанное пескомъ, въ циркѣ.

Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
«Тебя», запѣли тихо, «Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»... О! это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ,
Съ кипѣньемъ злобы, здѣсь мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ...
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ—и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже кидался къ намъ
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, кротко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди...»
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня Ему
Передавая... О, животворящій,

На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя; когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; и усталый
Терзаніемъ, лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ—и скрылся
Въ своемъ заклѣтѣ [1]). Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ: а я
Отъ мѣста крови, плача удалился,
И изъ воротъ амфитеатра вышелъ.

Жуковскій.

80. Зима.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы;

1) *Заклѣтъ*—клѣтка.

Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ;
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой...

Баратынскій.

---

81. ПРЕДАНІЕ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Черезъ песчаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежемъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ: и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ;
Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился: и чудно освѣжила

Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало,
Цвѣсти земному счастію; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
«Туда! туда! съ мечемъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской».
И онъ велѣлъ гремѣть трубѣ военной.
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Велъ Александръ свои полки.
Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Къ воротамъ
Эдема [1]). Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ: былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечемъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. «Стой», сказалъ привратникъ чудный:
«Кто бъ ни былъ ты,—сюда дороги нѣтъ».
—«Я царь земли!» воскликнулъ Александръ,

[1]) *Эдемъ*—рай.

Прогнѣванный нежданнымъ запрещеньемъ:
«Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ—
Я—Александръ!»
—«Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ. Одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ». На это Александръ:
«И такъ назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ? По крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ».
На это стражъ:
«Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разумѣньемъ;
Возьми».
Онъ взялъ и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,
Передъ собою знаменье велѣлъ
Имъ изъяснить. «Мнѣ», повторялъ онъ въ гнѣвѣ,
«Мнѣ, Александру, даръ такой призрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости!»
—«Сынъ Филипповъ»,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
«Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить—и дастъ тебѣ отвѣтъ».
Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы.

Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И... чудо! золото перетянула
Кость. Изумился Александръ. Онъ вдвое
Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу:
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронѣ царь могучій,
И онъ спросилъ: «Какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ее возможно возвратить?»
—«Щепоткою земли», сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку—
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: «Великій Государь!
Былъ нѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ: въ немъ же эта кость
Была частицей впадины, въ которой
Глазъ, твоему подобный, заключался.
Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ,
Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
Онъ все, что̀ насъ здѣсь, въ области видѣній,
Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
Онъ міръ готовъ пожрать голоднымъ взоромъ.
Все золото земное всыпьте въ чашу,
Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
На золото—все будетъ мало: но
Покрой его щепоткою земли—
И пропадетъ его ненасытимость.

Ненасытимости передъ тобою
Лежитъ символъ [1]) въ истлѣвшей этой кости».
Но царь внималъ съ поникшей головой,
Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ,
Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва—
И возгласилъ такъ громко, что скалы
Окрестныя ужасный дали голосъ:
«Греми труба! впередъ мои дружины!
Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ!»
И вихрями взвился песокъ пустыни;
И рать великая, какъ змѣй съ отверстымъ
Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками лилъ кровь и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Сильнѣйшей жаждою побѣды новой —
И наконецъ они ему щепоткой
Земли глаза покрыли... онъ утихъ.

Жуковскій.

---

82. Зима.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы.
На солнцѣ искрится снѣжокъ.
Пошли съ товарами обозы
По Руси вдоль и поперекъ.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ;
Рѣка ли, степь ли,—нѣтъ нужды:
Вездѣ проложатся слѣды!
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ; идетъ, кряхтитъ,
Казну на холодѣ копитъ.

Никитинъ.

---

[1]) *Символъ*—видимый знакъ.

83. СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Сербское преданіе).

Именинникъ былъ царь Лазарь.
Собрались къ нему всѣ баны
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохлаждались
Во честномъ-почетномъ пирѣ.

Пиръ ужъ былъ во полу-пирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица,
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ вѣнецъ поверхъ покрова.
Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:
«Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бъ не слѣдъ къ тебѣ входити,
Не подобно бъ говорити:
Да не терпитъ больше сердце!
Сонъ я видѣла—и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и черной рясѣ.
Осіянъ небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья:
На одномъ-то словно поле;

Только все дымится кровью;
Словно воинство какое
Полегло на немъ побито.
На другомъ изображеньи—
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жъ лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что̀ велитъ по ней исполнить—
Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я—
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной Сербской,
Собирали сребро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыя:
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь серебро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,—
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви».

Призадумался царь Лазарь,
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
«Храмъ построю я, какого
Не бывало въ Сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,

Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменьемъ самоцвѣтнымъ,—
Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяетъ землю!»

Повставали съ мѣстъ всѣ баны,
И князья, и воеводы;
Похваляли мысль цареву:
«Съ Богомъ, царь, благое дѣло!»
Только Милошъ-воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошъ;
Посылалъ къ нему онъ чашу:
«Буди здравъ, князь славный Милошъ!
Что̀ сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по сердцу рѣчь наша?»

И поднялся славный Милошъ,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
«Государь ты, свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще [1]) царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,
Словно воинство какое

[1]) *Вотще* (нар.)—напрасно.

Полегло на немъ, побито:
Прочиталъ ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ
Что̀ стоитъ про наше время?
Наше время—на исходѣ:
«Близокъ часъ, во онъ же [1]) Турокъ
«Пріидетъ на нашу землю,
«Царство Сербское порушитъ,
«Поплѣнитъ народъ въ работу».
Вотъ кровавое-то поле!
Если жъ ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтныя каменья:
Пріидетъ поганый турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ;
Изъ свинцу польетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ;
Самоцвѣтные каменья
Вправитъ въ сабельны ефесы [2]),
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинямъ
На мониста [3]) и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,

---

[1]) *Во онъ же*—въ который.—[2]) *Ефесъ*—рукоять.—[3]) *Монисто*—ожерелье.

Чтобъ ни огнь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли.
Вмѣсто жъ злата и каменьевъ
Да сіяетъ благочестьемъ
И небесной свѣтлой славой!
Пусть тогда приходитъ турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство Сербское нарушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ-камень не польстится.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю;
И стоять въ сердцахъ у сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство Сербское подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньи старецъ».

Майковъ.

---

84. Первая пчелка.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?

Пушкинъ.

---

85. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ!»
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собрался званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «Будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ сходитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло:
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный.
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ.
«Въ Реинской башнѣ спасусь!» говоритъ.

Башня отъ реинскихъ водъ поднималась:
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты:
Были рѣшетками окна забиты;
Ставни чугунныя; каменный сводъ;
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ: кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ.
Мечется кошка; не весело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили;
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

Жуковскій.

---

86. Къ нянѣ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.

Пушкинъ.

87. ЗАСТУПНИКЪ.

(Звенигородское преданіе).

Какъ любилъ Государь, православный Царь,
Алексѣй—Государь—свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ Государь, крѣпко жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную,
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго [1])
Аль расправить плечо неподатное
И медвѣдя поднять на рогатину.

Вотъ и было къ веснѣ, о Грачевникѣ [2]),
Пріѣзжалъ Государь со боярами
Въ свою отчину, городъ Звенигородъ.
Помолиться святому Угоднику.
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ такъ—о полуднѣ на третій день
Мужичокъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
«Для Царя Алексѣя Михайловича.
«Тотъ медвѣдь матерой да породливый,
«Только царской рукѣ и угодливый».

Доложили Царю—усмѣхается,
А самимъ съ собой думушку думаетъ:
«Аль пойти—въ одиночку помѣриться
«Въ молодецкой удачѣ провѣриться?»
И пошелъ: за плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный.

---

[1]) *Сохатый*—лось.—[2]) День Св. Герасима (*Герасима-Грачевника*)—4 марта, когда прилетаютъ грачи.

Онъ идетъ монастырскою пущею.
Видитъ—тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломлены.
«Быть сюда!» И пошелъ не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что̀ ни шагъ—то нога оступается,
Въ снѣгъ уходитъ по бе́рцу... а бахбень
Заметаетъ сугробы, и инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана.

Засвѣтилась поля́нка... Подъ соснами
Куча хворосту снѣгомъ надавлена;
Бѣлый паръ такъ и валитъ въ отдушины:
Тутъ берлога... И царь сноровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелкòвый подтягивалъ;
Съ плечъ спускалъ соболиный свой бахабень,
И такъ про себя онъ загадывалъ:
«Быть не быть, а свалить косолапаго!
«Не управлюсь—и Русь не управится;
«А управлюсь—на вѣки прославится».

И поднялъ онъ корягу изъ-по̀дъ снѣга
И ударилъ корягой по хворосту:
И медвѣдь заревѣлъ—инда дерево
Надъ берлогой его закачалося;
Показалъ онъ башку желтоглазую;
Лѣзетъ вонъ изъ берлоги съ оглядкою.
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника;
А полѣзъ—угодилъ на рогатину:
Подъ косматой лопаткою хрустнуло;
Чернобурая шерсть побагровѣла...

Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ пополамъ, словно жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника—
И налегъ на него всею тушею.

Не сробѣлъ Государь—руку къ поясу...
Хвать! анъ ножъ-то его златокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной.

Воздохнулъ Государь—и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменьемъ.

Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая,
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на̀ бокъ колодою....

Гля́нулъ царь—видитъ старца маститаго:
Ряса инока; взглядъ благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный...
Поднялся Государь—нѣту инока...
Какъ во снѣ приходилъ—и никѣмъ-никого
На полянкѣ и между деревьями!
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена..

Постоялъ Государь, поглядѣлъ кругомъ,
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись.
А пришелъ, все сказалъ настоятелю.
И велѣлъ привести че́стныхъ иноковъ
Передъ очи свои Государевы:
Всѣ пришли—а его избавителя

Между честными старцами не было.
Царь и крѣпче того призадумался.
«Помощь свыше: десница Господня!»
Молвилъ онъ—и пошелъ въ церковь Божію.
И на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молитися
Передъ образомъ свѣтлымъ Угодника—
Да какъ глянулъ на ликъ Преподобнаго,
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ, *кто* былъ его избавителемъ!

На другой день, за ранней обѣднею
Отслужилъ онъ молебенъ Угоднику,
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.

А вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ Государь—не откладывалъ
Въ терема къ государынѣ ласковой,
Что своей ли Настасьѣ Кирилловнѣ,
Слезно съ ней обнимался-здоровался.
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣна меньшого царевича,
Государя Петра Алексѣича—
Цѣловалъ-миловалъ-приговаривалъ:
«Охъ ты, дитятко, сердце строптивое,
«Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитятко,
«Расходилася кровь богатырская—
«На румяныхъ щекахъ заалѣлося,
«Въ соколиныхъ очахъ загорѣлося.
«Подростешь ты: случится безвременье,
«Разобидятъ завистники-недруги,

«Аль наступятъ на Русь, на кормилицу,
«И пойдешь ты войною на вороговъ,—
«Не надѣйся на силу могучую,
«А надѣйся на милость Господнюю,
«Да попомни ты слово отцовское:
«Охраняютъ святые Угодники,
И Господь благодатью пожаловалъ
Домъ честно́й Пресвятой Богородицы,
«Вседержавную Русь православную».

Мей.

---

88. Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское *ура*
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Прогреми жъ до граней свѣта
И по всѣмъ сердцамъ ударь
Наша пѣсня: „Многи лѣта,
Православный русскій царь!“

Изъ стих. Жуковскаго.

II.

БАСНИ.

1. Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно ль“, говоритъ, „средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло!“
Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

Крыловъ.

---

2. Ворона и кувшинъ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.

—

Ворона бѣдная отъ жажды умирала,
И гдѣ-то на полѣ она
Кувшинъ съ водой сыскала.
Но вотъ бѣда:
Низка для ней была въ колодцѣ томъ вода.
Какъ станешь пить? Не можно влѣзть туда;
Кувшинъ великъ—нельзя его Воронѣ сдвинуть,
Не только опрокинуть.
А надобно воды достать!
Вотъ стала камушки она въ него бросать:
Съ краями наравнѣ вода приподнялася—
И тутъ уже моя Ворона напилася.

Измайловъ.

---

3. Соловей и Чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только Соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
„Ну“, говоритъ, „узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?“
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
„Вотъ, батюшка, она!“ сказалъ.
И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньѣ.
„Какія перышки! куда какъ онъ пригожъ!“
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!“

—

Ребячье [1]) разсужденье!

Хемницеръ.

4. Лисица и Виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись...
А кисти сочныя какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда: висятъ онѣ высоко!
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь!“

Крыловъ.

[1]) *Въ подл.*: Вотъ дѣтско.

5. Волкъ и Журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить
И просить горю пособить.
Журавль свой долгій носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь?“ звѣрь вскричалъ коварный:
„Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!“

Крыловъ.

---

6. Кукушка и Пѣтухъ.

„Какъ, милый Пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!“
—„А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!“
—„Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова!“
—„А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтобъ начала ты снова....
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!....
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
А пѣсни—что твой соловей!“

—„Спасибо, кумъ; за то, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.“
Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: „Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!“

—

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

Крыловъ.

7. Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья-Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! Съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ:
Стрекоза ужъ не поетъ.
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она.
„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!“
—„Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала ль ты лѣто?“
Говоритъ ей Муравей.
— „До того ль, голубчикъ, было?

Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило."
—„А! такъ ты..." —„Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла."
—„Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ пойди же, попляши!"

Крыловъ.

---

8. Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

—

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

---

9. Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ—
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться,"
Ей шавка говоритъ: „тебѣ ль съ Слономъ возиться?

Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ."
—„Эхъ, эхъ!" ей Моська отвѣчаетъ,
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
„Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!"

Крыловъ.

---

10. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили—
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ;
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба! ты, косой!"
Кричатъ ему, „пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ."
—„Вотъ, братцы!" Заяцъ отвѣчалъ:
—„Да изъ лѣсу-то кто жъ?—все я его пугалъ
И къ вамъ поставилъ въ поле
Сердечнаго дружка".
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

—

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Крыловъ.

---

11. Прохожіе и Собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой,

Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая... тамъ еще двѣ-три—я вмигъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
—„И, полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю.
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю“.
И подлинно: прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по-малу затихать...
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Хулители [1] на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

Крыловъ.

---

12. Лошадь и Оселъ.

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

—

Случилось Лошади въ дорогѣ быть съ Осломъ,
И Лошадь шла порожнякомъ,
А на Ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
„Нѣтъ мочи!“ говоритъ, „я, право, упаду,
До мѣста не дойду“.
И проситъ Лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье—
Хоть часть поклажи снять съ него.
„Тебѣ не стоитъ ничего,

---

[1]) 1819: Завистники.

А мнѣ бъ ты сдѣлала большое облегченье,“
Онъ Лошади сказалъ.
—„Вотъ! чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!“
Сказала Лошадь—и помчалась.
Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ.
И Лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

Хемницеръ.

---

13. Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: „спасибо! исполать!“
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться.
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ,
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

14. Бѣлка.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился:
На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже Дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,
И раздувался пышный хвостъ.
„Землячка старая,“ спросилъ тутъ Дроздъ, „нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“
—„Охъ милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть“.
И Бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
—„Да“, улетая, Дроздъ сказалъ: „то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь—а все на томъ же ты окнѣ“ [1]).

—

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочетъ, мечется; ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ Бѣлка въ колесѣ.

Крыловъ.

---

15. Муравей.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,

---

1) *Рукоп.*: „Что ты бѣжишь“ — сказалъ ей Дроздъ, — „то ясно мнѣ,
Да только все на томъ же ты окнѣ“.

И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ Муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ,
И ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно.
Но ахъ! какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ,
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконецъ тянутся, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
„Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ:
А кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ“.
И со стыдомъ отправился домой.

—

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,

Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ—дивитъ
Свой только муравейникъ.

Крыловъ.

---

16. Мышь и Крыса.

„Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
— „Не радуйся, мой свѣтъ,“
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ,
„И не надѣйся по-пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

—

Я сколько разъ слыхалъ—примѣтьте это сами, —
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

Крыловъ.

---

17. Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А Лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ!
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень... Косо, криво!
Смѣлѣе! вотъ толчокъ опять.

А тутъ бы влѣво лишь принять!
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ! какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася Лошадка съ возомъ въ путь:
Но только подъ-гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, Коня толкаетъ вбокъ;
Пустился Конь со всѣхъ четырехъ ногъ,
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй,—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ,
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Крыловъ.

---

18. Орелъ и Кротъ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

—

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орелъ съ Орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,

Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится:
Такъ чтобъ Орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли Орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ Крота! А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?
И что̀ за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря.
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у Орлицы.
Но что жъ?... Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ Орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!“ онъ сказалъ [1]): „за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
—„Когда бы ты не презрѣлъ мною“,
Изъ норки Кротъ сказалъ, „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй!“

Крыловъ.

---

[1]) Съ 1816: За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.

19. Двѣ бочки.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется:
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ [1]) истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Крыловъ.

20 Водопадъ и Ручей.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ [2]):
Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ затѣмъ идутъ?“—„Лѣчиться“,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

Крыловъ.

1) Краткая форма прилагат. „дѣловой“.
2) Такъ въ трудахъ Общ. Люб. Русск. Слов. 1816, гдѣ басня напечатана впервые. Въ послѣдующихъ изданіяхъ за этимъ стихомъ слѣдуетъ стихъ: „Но силой славился лѣчебною своей“, излишній послѣ эпитета „цѣлебному“ во 2-мъ стихѣ.

21. Орелъ и Пчела.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду?
Какая разница между нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться!“
Пчела отвѣтствуетъ: „Тебѣ хвала и честь.
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть“.

Крыловъ.

---

22. Левъ и Мышь.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья
По близости его въ дуплѣ завесть селенье,
И такъ примолвила: „Хотя де здѣсь въ лѣсахъ
Ты и могучъ, и славенъ,
Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ:
Но будущее кто угадывать возьмется?

Какъ знать? кому въ комъ нужда доведется?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подъ-часъ тебѣ и пригожусь".
—„Ты?" вскрикнулъ Левъ, „ты, жалкое созданье?
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива—
Иль твоего не будетъ праху!"
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ—простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ.
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался
И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.
Про Мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ:
Что бы помочь она ему сумѣла [1]),
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель, истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я,—и то не отъ себя:
Не по-пусту въ народѣ говорится:
„Не плюй въ колодецъ, пригодится
Воды напится".

Крыловъ.

---

23. Левъ и Комаръ.

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.
Послушай басню здѣсь о томъ,

---

[1]) Вм: „*Что* помочь она ему сумѣла *бы*".

Какъ больно Левъ за спесь наказанъ комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:

—

Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара. Обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ,
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва спустился
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и махнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не труситъ!
Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ,
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами,
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ взялися ноги.
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ.
И кто жъ?—Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался Левъ и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ;
Изъ Ахиллеса [1]) вдругъ становится Омиромъ [2]),

---

1) *Ахиллесъ*—извѣстный греческій герой.

2) *Омиръ*, или *Гомеръ*—извѣстный греческій поэтъ, прославлявшій подвиги героевъ.

И самъ
Летитъ трубить побѣду по лѣсамъ.

Крыловъ.

---

24. Левъ состарѣвшійся.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ; нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй:
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды Льва въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ столь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ—
Какъ видитъ, что Оселъ туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
„О боги!“ возопилъ, стеная, Левъ тогда:
„Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла,
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды—отъ Осла!“

Крыловъ.

---

25. Лисица и Оселъ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
—„Сейчасъ лишь ото Льва.
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила!

Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти, бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами...
—„Но ты коснуться Льву, конечно не дерзнулъ?“
Лиса Осла перерываетъ.
—„Вотъ на!“ Оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды:
Но упади лишь съ высоты,
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

Крылов.

---

26. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,—
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!“
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!“

—„Мнѣ только тысячу мою додайте!“
Шумитъ другой:
„Я съ мѣста не сойду долой!“
—„Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!“
Еще одинъ кричитъ:—„Нѣтъ, нѣтъ! мы не согласны!
Да какъ, за что, и почему!“
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываемъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

Крыловъ.

---

27. Скупой и Курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
—Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь,—такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупого.
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Которая яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого Скупому мало:

Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

Крыловъ.

28. Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жила
Лиса у проруби пила въ большой морозъ,
Межъ тѣмъ,—оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),—
Но кончикъ хвостика Лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй:
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать—вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ авось и оттепель придетъ,—
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ все болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ;
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя Лиса
Туда-сюда метаться,
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, Волкъ бѣжитъ. „Другъ милый! кумъ, отецъ!“
Кричитъ Лиса: „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“
Вотъ кумъ остановился
И въ спасенье Лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.

Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ Лиса не пожалѣй,
Остался бъ хвостъ у ней.

Крыловъ.

29. Мельникъ.

У Мельника вода плотину прососала.
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить,
А течь день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
„Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!“
А Мельникъ говоритъ: „Далеко до бѣды!
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата.“
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ; мельница не служитъ.
Хватился Мельникъ мой: и охаетъ и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя!“ кричитъ, „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать,
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать!“
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Крыловъ.

30. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла въ дородствѣ съ нимъ сравняться
(Она завистлива была)
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
„Смотри-ка квакушка, что? буду ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ.—„Нѣтъ, кумушка, далеко!“
— „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“—„Почти что ничего.“
— Ну, какъ теперь?“—„Все то жъ“. Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула—и околѣла.

—

Примѣръ на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ?

Крыловъ.

---

31. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ негоденъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

—

Какой-то смолоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью,

Но Скворушка услышь, что хвалятъ Соловья
(А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью)
И думаетъ: „Постойте же, друзья,
Спою не хуже я,
И соловьинымъ ладомъ!“
И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ,
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньёмъ.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

Крыловъ.

---

32. Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать,
А безъ ума перенимать—
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.

—

Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
—„Смотрите-ка на удальца!
Затѣямъ у него такъ право нѣтъ конца:
То кувыркнется,

То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать.
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ"... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ.
„Что жъ," говорятъ онѣ: „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!"
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стережъ
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

Крыловъ.

---

33. Трудолюбивый Медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло!
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“
—„Въ томъ“, отвѣчалъ сосѣдъ,
„Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ“.

Крылов.

---

34. Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да полно. знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.

—„И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.“
—„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить!

Крыловъ.

---

35. Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ; Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перышки, какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была Царь-птица!“
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,—
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крылосъ.

36. Левъ, Серна и Лиса.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной.
Уже ее онъ настигалъ
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;
Но Серна легкая всѣ силы натянула—
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула—
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой Левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ—Лиса.
„Какъ!“ говоритъ она: „съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь Сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса.
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости, и легкости твоей“.
Тутъ кровь во Львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однако жъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ и—до смерти убился.

А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихоньку въ оврагъ спустился
И, видя, что ужъ Льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ на просторѣ и на волѣ
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

Крыловъ.

---

37. Волкъ и Ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ,
А вотъ. о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

—

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться.
И надобно жъ такой бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится,
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву“!
— „Когда Свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ Свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить его никакъ я не могу“.
— „Поэтому я лгу?
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ;
Я этого, пріятель, не забылъ!“

— „Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году“,
Ягненокъ говоритъ. — „Такъ это былъ твой братъ“.
— „Нѣтъ братьевъ у меня“.—Такъ это кумъ иль сватъ,
И—словомъ—кто нибудь изъ вашего же роду!
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи“.
— „Ахъ, я чѣмъ виноватъ?“—„Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“.
Сказалъ—и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

Крыловъ.

---

38. Левъ на ловлѣ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить
И, что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ.
Добыча, право, не дурная!
Пришли. Пришелъ и Левъ. Онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ
И говоритъ: „Мы, братцы, вчетверомъ“,
И на-четверо онъ оленя раздираетъ.
„Теперь давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ спору;

Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ“!

Крыловъ.

---

39. Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота,—
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной“!—„Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ“, Котъ-Васька говоритъ.
— „То такъ, да у него я ободралъ барана“.
— „Ну попытайся жъ у Демьяна“.
— „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка“.
— „Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
— „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка“!
— „Ну плохо жъ!... Но авось тебя укроетъ Климъ“!
— „Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка“!
— „Что вижу, кумъ? Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ“!
Сказалъ тутъ Васька Волку:
„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себи вини:
Что ты посѣялъ, то и жни“.

Крыловъ.

40. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ“!
И въ мигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
„Огня“! кричатъ, „огня“! Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое! уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“—„Послушай-ка, сосѣдъ,“
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.“
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

41. Крестьянинъ и Змѣя.

Къ Крестьянину вползла Змѣя
И говоритъ: „Сосѣдъ! начнемъ жить дружно!
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно:
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я,
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.“
Однако жъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: „Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же.“
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Крылова.

---

42. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость, и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то, вмѣстѣ всѣ отправясь на охоту.
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились.
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя,—
Какъ вдругъ изъ лѣсу—шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
И Человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился,
Но вѣрный Песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,

И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А Человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ Собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

—

На языкѣ легка и ласка, и услуга.
Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный Песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

Крыловъ.

43. Крестьянинъ и Работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться:
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ-Крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой въ деревню съ сѣнокосу,

И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ,
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
„Степанушка, родной, не выдай, милый!“
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ новый Геркулесъ [1]), со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полъ-черепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ.
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда. Крестьянинъ всталъ
И онъ же Батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй,“ говоритъ, „за что?“—„За что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру!
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

Крыловъ.

44. Собачья дружба.

У кухни, подъ окномъ,
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ,
Но какъ они ужъ понаѣлись,
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
—„Что можетъ,“ говоритъ Полканъ, „пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить,

1) *Геркулесъ*—греческій герой, извѣстный своею силой.

Во всемъ оказывать взаимную услугу,
Не спитъ [1]) безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьи все свое блаженство ставить!
Вотъ еслибъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась!
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло".
—„А что же? Это дѣло!"
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки.
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же право стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней,
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно".
—„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!"
Вскричалъ Полканъ: „дай лапу!"—„Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться.
„Орестъ мой!"—„Мой Пиладъ [2])! прочь свары, зависть, злость!"
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся;
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

---

[1]) Ви. *испить*.—[2]) *Орестъ и Пиладъ*—греческіе юноши, извѣстные своею дружбой.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:
Послушать,—кажется, одна у нихъ душа,
А только кинь имъ кость,—такъ что твои собаки!

Крыловъ.

---

45. Два мальчика.

Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!“
—„Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!“
—„И, милый! да на что жъ догадка?
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся
И до-сыта каштановъ наѣдимся.“
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался
И Ѳедѣ наконецъ вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть, —
Не перечесть!
Найдется, чѣмъ и поживиться,
И съ другомъ подѣлиться.
Что жъ? Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, нанизу облизывалъ лишь губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали!

Крыловъ.

---

46. Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
„Что̀, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ,
Собаки злы, пастухъ не спитъ:
Пришло хоть удавиться!“
— „Неужли?“—„Право, такъ.“—„Бѣдняжка куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ—цѣлый стогъ!
Я куму услужить готова“.
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного,—
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

Крыловъ.

---

47. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ Крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,

Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ Мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру пойди съ сумою.
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли,“ говоритъ, „помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ Мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.“
Сватъ Климычъ говоритъ: „Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.“
—„Эхъ, братцы, это все не такъ!“
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить“.
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ,
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

Крыловъ.

48. Чужая бѣда.

Ужель чужой бѣдѣ не должно помогать?

—

Мужикъ везъ сѣно продавать.
Случился косогоръ; возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ, одному ему не совладать.
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
— „Вотъ! чортъ на косогоръ занесъ!“
Проѣзжій отвѣчаетъ—
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ и, всѣ напрягши силы, возъ,
Кое-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ.
Спустилъ—анъ видитъ: тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же Мужику: „ой, помоги!“ кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ.
„Знать врагъ
Занесъ въ оврагъ!“
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ:
„Ты мнѣ не захотѣлъ помочь, —
Лежи жъ и самъ теперь. Прощай, братъ, добра ночь!“

Хемницеръ.

---

49. Добрая Лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ—за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.

„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя,
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей!
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите;
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните!
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй?
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка,—твои птенцы ужъ подросли:
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей,—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ,—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ [1]) ихъ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца и что...“ При сихъ словахъ,

---

1) *Зефиръ* (слово греческое)—западный вѣтеръ, легкій вѣтерокъ.

Малютки бѣдные всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ на низъ:
Что жъ кумушка?... Тотчасъ ихъ съѣла—
И поученья не допѣла.

—

Читатель, не дивись!
Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ
Съ-родни моей Лисѣ.

Крыловъ.

---

50. Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ,“ говоритъ, „что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко;
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь—такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо.
Не знаешь вѣкъ, что̀ есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что̀ тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ...
Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору.“
—„Что за диковинка!“ пріятель отвѣчалъ:
„На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ пожалуй хоть въ каретѣ“.
—„А какова у васъ рѣка?“
—„Да не мелка...
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ...
Вѣдь съ гору? кажется, ты такъ сказалъ о немъ?“
—„Гора хоть не гора, но—право—будетъ съ домъ.“
—„Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной—
Диковинка, коль это справедливо“.
—„Ну, не такое еще диво!
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы.
Что тамъ за домы!
Въ одинъ двоимъ за-нужду влѣзть,

И то ни стать, ни сѣсть!
—„Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно...
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ“...
—„Послушай-ка“, тутъ перервалъ мой Лжецъ:
„Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду“.

Крыловъ.

III.

СКАЗКИ.

КНИЖН
И.
А.Ф.
Б.МИК

1. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкой,
Съ не простою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь!“
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.

Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
„Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось!“

—

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.
Воротился старикъ ко старухѣ.
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?

Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу."

—

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?"
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба".
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ".
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты [1]).
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой".

—

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рубку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?

[1]) Вм.: воротами.

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась;
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“
Воротился старикъ ко старухѣ.
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, барыня-сударыня, дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?“
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

—

Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей“.
Испугался старикъ, взмолился:
„Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство“.
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.

„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью:
Не пойдешь, поведутъ поневолѣ!“
Старичокъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!“
Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна“.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;

А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
Не садися не въ свои сани!“

—

Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ“.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ“.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула —
И ушла въ глубокое море.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха.
А предъ нею разбитое корыто.

Пушкинъ.

2. Спящая царевна.

(Сказка).

I.

Жилъ былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ;
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ—ползетъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
„Мнѣ тебя, царица, жаль,
Но забудь свою печаль;
У тебя родится дочь".
— „Благодарствуй, добрый ракъ;
„Не ждала тебя никакъ...."
Но ужъ ракъ уполз въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ конечно былъ пророкъ;
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.

II.

Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать их:
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ,
А двѣнадцатаго нѣтъ!
(Кѣмъ украдено оно,

Знать объ этомъ не дано).
„Что жъ тутъ дѣлать?“ царь сказалъ:
„Такъ и быть“! И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собрался пировать
Гостьи, званныя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
„Будешь въ золотѣ ходить;
„Будешь чудо красоты;
„Будешь всѣмъ на радость ты
„Благонравна и тиха;
„Дамъ красавца жениха
„Я тебѣ, мое дитя;
„Жизнь твоя пройдетъ шутя,
„Межъ знакомыхъ и родныхъ...“
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова—глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
„На пиру я не была,
„Но подарокъ принесла:
„На шестнадцатомъ году
„Повстрѣчаешь ты бѣду;
„Въ этомъ возрастѣ своемъ
„Руку ты веретеномъ
„Оцарапаешь, мой свѣтъ,
„И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ“.
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: „Не дамъ
„Безъ пути ругаться ей
„Надъ царевною моей;
„Будетъ то не смерть, а сонъ;
„Триста лѣтъ продлится онъ;
„Срокъ назначенный пройдетъ,
„И царевна оживетъ;
„Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
„Будутъ внуки веселить
„Вмѣстѣ съ нею мать, отца,
„До земнаго ихъ конца“.

III.

Скрылась гостья. Царь груститъ:
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ.
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
„Запрещается отъ насъ
„Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
„Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
„Духу не было въ домахъ:
„Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
„Всѣхъ изъ царства выслать вонъ“.

Царь, издавъ такой законъ, Началъ жить да поживать,
Началъ пить и ѣсть и спать, Какъ дотолѣ, безъ заботъ.

IV.

Дни проходятъ; дочь растетъ; Вьется лѣстница винтомъ
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ; Вкругъ столба, по ступенямъ
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ... Всходитъ вверхъ, и видитъ
Что-то, что-то будетъ съ ней? тамъ:
Разъ съ царицею своей Старушеночка сидитъ;
Царь отправился гулять; Гребень подъ носомъ тор-
Но съ собой царевну взять читъ;
Не случилось имъ; она Старушеночка прядетъ
Вдругъ соскучилась одна И за пряжею поетъ:
Въ душной горницѣ сидѣть „Веретенце, не лѣнись;
И на свѣтъ въ окно глядѣть. „Пряжа тонкая, не рвись;
„Дай,“ сказала наконецъ, „Скоро будетъ въ добрый
„Осмотрю я нашъ дворецъ.“ часъ
По дворцу она пошла: „Гостья жданная у насъ“.
Пышныхъ комнатъ нѣтъ чи- Гостья жданная вошла;
сла; Пряха, молча, подала
Всѣмъ любуется она; Въ руки ей веретено;
Вотъ, глядитъ, отворена Та взяла, и въ мигъ оно
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ Укололо руку ей...

V.

Все исчезло изъ очей; И на спящемъ спитъ конѣ
На нее находитъ сонъ; Передъ ней хоружій самъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ Неподвижно по стѣнамъ
Весь огромный царскій домъ; Мухи сонныя сидятъ;
Все утихнуло кругомъ. У воротъ собаки спятъ;
Возвращаясь во дворецъ, Въ стойлахъ, головы скло-
На крыльцѣ ея отецъ нивъ,
Пошатнулся и зѣвнулъ, Пышны гривы опустивъ,
И съ царицею заснулъ. Кони корму не ѣдятъ,
Свита вся за ними спитъ; Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Стража царская стоитъ Поваръ спитъ передъ огнемъ;
Подъ ружьемъ въ глубокомъ снѣ, И огонь, объятый сномъ,

Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ.
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ:
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда слѣда;
И приблизиться—бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.

VI.

Вотъ ужъ полный вѣкъ протекъ:
Словно не жилъ царь Матвѣй—
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ)—
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить;
Даже бились объ закладъ,
И ходили—но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ поръ
Въ неприступный, страшный боръ
Ни старикъ, ни молодой
За царевной ни ногой.

VII.

Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній, царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ—онъ видитъ—теменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
„Разскажи про этотъ боръ
„Мнѣ, старинушка честной!“
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ:

Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня;
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье—тамъ...
Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго?—Заборъ.
Ограждавшій темный боръ—
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой; вотъ наконецъ
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье—чудо старины;
Ворота отворены.
Въ ворота въѣзжаетъ онъ.
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопанный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ;
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ;
Сонъ *волшебный* овладѣлъ
Прежде сна *простого* имъ:
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ
И, упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;

Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти, но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь наверхъ загороженъ.
„Какъ же быть?“ подумалъ онъ,

„Гдѣ пробраться во дворецъ!“
Но рѣшился наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ.
Пышно все, повсюду сонъ,
Гробовая тишина...

VII.

Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба. По ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ...
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя, лежитъ она,
Распылалася отъ сна;
Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
Межъ рѣсницами блеститъ

Пламя сонное очей;
Ночи темныя [1]) темнѣй;
Заплетенныя косой
Кудри черной полосой
Обвились кругомъ чела;
На воздушный, тонкій станъ
Брошенъ легкій сарафанъ...
Неподвижно спитъ она.
Что жъ разрушитъ силу сна?
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.

IX.

Вмигъ проснулася она,
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все—какъ было: словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ;
Нагулявшися, ведетъ

Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ песъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И треща огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.

[1]) Вм. темной.

Онъ съ царевной наконецъ
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
—
Что жъ осталось досказать?

Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

Жуковскій.

---

3. Снѣгурочка.

(Украинская сказка.)

Жилъ да былъ старикъ со старухой;
Не было у нихъ дѣтей.
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба;
А на улицѣ, надъ рѣчкой,
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
„Не пойти ли, человѣче,
„Намъ на улицу съ тобою?“
—„А и въ самомъ дѣлѣ, баба!“
Отвѣчаетъ дѣдъ на это.
И шары лѣпить изъ снѣгу
Начинаютъ дѣдъ и баба.
„Что вы дѣлаете, старцы?“
Молвилъ, кланяясь, прохожій—
Старый, дряхлый, съ бородою.
„Лѣпимъ дитятко!“ съ усмѣшкой
Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
„Помогай же Богъ вамъ, старцы!“
Молвилъ, кланяясь, прохожій
И за рѣчкой исчезаетъ...
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Теплый паръ повѣялъ струйкой;
Глазки синіе раскрылись—
И красавица Снѣгурка,
Отряхая мягкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась какъ живая.
„Крошка!“ молвила старуха,
„Будь отнынѣ нашей дочкой!“
И въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла Снѣгурку въ хату.
Вотъ идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ:
Не по днямъ, а по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой-рѣзвушкой
Русокудрая Снѣгурка.

Не успѣлъ старикъ съ старухой
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,—
Стала пышною невѣстой
Русокудрая Снѣгурка.
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота!
Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да еще бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сестрамъ,
Вольнымъ бурямъ да метелямъ,
Будто сватьямъ да золовкамъ,
А туману, словно брату...

Только вотъ пахнуло жаромъ,
Потянулъ весенній вѣтеръ,
И затаяли потоки...
И когда пахнуло жаромъ,
Потянулъ весенній вѣтеръ,
И затаяли потоки,—
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка...
Разъ—зарей вечерней было—
Все кругомъ лилося, плыло;
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
„Посмотри, какою павой
„Выступаетъ наша дочка!“
А красавица-Снѣгурка,
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысла взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь,
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась—
И тихонько стала таять,
Стала таять, словно свѣчка;
Заклубилась легкимъ паромъ,
Тихо въ облачко свернулась
И въ лучахъ зари исчезла...
Прибѣжали дѣдъ и баба,
Громко ахнули и долго,
Долго, слѣдъ ея теряя,
Въ небо темное глядѣли.

Г. Данилевскій.

---

4. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

(Сказочка).

Жилъ маленькій мальчикъ. Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ, лицомъ былъ красавчикъ: какъ искры глазенки, какъ

пухъ волосенки. Онъ жилъ межъ цвѣточковъ; въ тѣни ихъ листочковъ въ жары отдыхалъ онъ, и ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался, живой умывался росой, наряжался въ листочекъ атласный лилеи прекрасной, проворную пчелку въ свою одноколку изъ легкой скорлупки потомъ запрягалъ онъ, и съ пчелкой леталъ онъ, и жадныя губки съ ней вмѣстѣ впивалъ онъ въ цвѣты луговые. Къ нему золотыя цикады [1]) слетались и съ нимъ забавлялись, кружась съ мотыльками, жужжа и порхая, и ярко сверкая на солнцѣ крылами.

Ночною жъ порою, когда темнотою земля покрывалась, и въ небѣ съ луною одна за другою звѣзда зажигалась, на лугъ благовонный, съ лампадой зажженной, лазурно-блестящій къ малюткѣ являлся свѣтлякъ, и сбирался къ нему въ круговую, на пляску ночную, рой эльфовъ [2]) летучій. Они, какъ бѣгучій источникъ волнами, шумѣли крылами, свивались, сплетались, проворно качались на тонкихъ былинкахъ, въ перловыхъ купались на травкѣ росинкахъ, какъ искры сверкали и шумно плясали предъ нимъ до полночи. Когда же на очи ему усыпленье подъ пляску, подъ пѣнье сходило,—смолкали и въ мигъ исчезали плясуньи ночныя. Тогда, подъ живые цвѣты угнѣздившись и въ сонъ погрузившись, онъ спалъ подъ защитой ихъ кровли, омытой росой, до восхода зари лучезарной съ границы янтарной небеснаго свода.

Такъ милый красавчикъ жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ.

Жуковскій.

5. СОЛОВЕЙ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилось то, о чемъ я хочу разсказать тебѣ, но потому-то и стоитъ послушать эту исторію: къ счастію, она еще не забылась.

Дворецъ китайскаго императора былъ великолѣпнѣйшій

1) Cicade, крылатое насѣкомое—*кобылка.*

2) Духи, по народному вѣрованію германцевъ, являющіеся въ видѣ крылатыхъ прекрасныхъ дѣтей или въ образѣ прекрасныхъ бѣлыхъ дѣвъ.

въ цѣломъ свѣтѣ: весь изъ тонкаго фарфора, очень дорогого, но до того ломкаго, что страшно было до него дотронуться. Въ саду цвѣли чудеснѣйшіе цвѣты, и къ самымъ лучшимъ изъ нихъ были привѣшены серебряные колокольчики, которые постоянно звенѣли для того, чтобы никто не могъ пройти мимо этихъ цвѣтовъ, не замѣтивъ ихъ. Да, въ саду императора все было устроено съ такимъ разсчетомъ! И тянулся онъ такъ далеко, что самъ садовникъ не зналъ, гдѣ его конецъ. Садъ этотъ выходилъ въ густой лѣсъ, съ высокими деревьями и глубокими озерами. Лѣсъ тянулся до самаго моря, синяго и глубокаго. Большіе корабли могли стоять подъ вѣтвями лѣса, а въ вѣтвяхъ жилъ соловей. Онъ пѣлъ такъ хорошо, что даже бѣдный рыбакъ, у котораго такъ много дѣла, оставлялъ свою работу и слушалъ соловья, выѣзжая ночью на рыбную ловлю. „Господи, какъ это хорошо!“ говорилъ онъ, но тотчасъ же долженъ былъ приниматься опять за работу и забывалъ о птичкѣ; когда же на слѣдующую ночь раздавалась снова ея пѣсня, онъ опять говорилъ: „Господи, какъ это хорошо!“

Изъ всѣхъ странъ свѣта пріѣзжали путешественники въ городъ императора и дивились городу, дворцу и саду; но когда удавалось имъ услышать пѣніе соловья, всѣ говорили: „это лучше всего!“

И, по возвращеніи домой, путешественники разсказывали обо всемъ, что видѣли въ Китаѣ; ученые писали цѣлыя книги о городѣ, дворцѣ и о садѣ; не забывали и соловья: его хвалили больше всего. Кто могъ только сочинять стихи, писалъ отличнѣйшія стихотворенія о соловьѣ, поселившемся въ лѣсу, у глубокаго моря.

Книги ходили по свѣту, и нѣкоторыя изъ нихъ попали въ руки китайскаго императора. Онъ сидѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ, читалъ, качалъ ежеминутно головою, потому что ему было очень пріятно читать про свой городъ, дворецъ и садъ. „Но лучше всего этого—соловей!“ говорилось въ книгахъ.

„Что же это значитъ?“ сказалъ, наконецъ, императоръ: „вѣдь, я совсѣмъ не знаю этого соловья! Неужели такая птица живетъ въ моей имперіи, и даже въ моемъ саду? Какъ же мнѣ никто не доложилъ объ этомъ, и мнѣ пришлось узнать о немъ изъ чужихъ книгъ?“

И онъ позвалъ своего камергера. Этотъ человѣкъ былъ такъ гордъ, что когда кто-нибудь, ниже его званіемъ, осмѣливался заговорить съ нимъ и о чемъ нибудь спросить, онъ отвѣчалъ только: „гмъ!“ — а это ровно ничего не значило.

„Здѣсь есть какая-то чудная птица, которую зовутъ соловьемъ; въ книгахъ пишутъ, что она лучше всего, что только есть въ моей имперіи... Отчего же до сихъ поръ никто мнѣ не говорилъ объ этой птицѣ ни слова?“

—„Я тоже въ первый разъ слышу о ней“, отвѣчалъ камергеръ: „она никогда не была представлена ко двору“.

„Я желаю, чтобы сегодня же вечеромъ она была здѣсь и пѣла въ моемъ присутствіи“, сказалъ императоръ. „Цѣлый свѣтъ знаетъ о такой рѣдкости, и только я одинъ ровно ничего о ней не знаю!“

— „Въ первый разъ слышу!“ повторилъ камергеръ. „Сейчасъ пойду искать ее!“

Но гдѣ найти? Камергеръ избѣгалъ всѣ лѣстницы, залы и галлереи, но никто изъ жившихъ во дворцѣ не слыхалъ о соловьѣ. И камергеръ возвратился къ императору и сказалъ, что, безъ сомнѣнія, разсказъ о птицѣ — басня, придуманная сочинителями. „Ваше Величество не должны вѣрить тому, что пишется въ книгахъ“, прибавилъ онъ: „все это сказки и чернокнижіе!“

— „Но книга, въ которой я прочелъ объ этомъ, прислана мнѣ самимъ великимъ тибетскимъ далайламою [1])! Значитъ, написанное въ ней не можетъ быть неправдою. Я хочу слышать соловья. Онъ долженъ быть здѣсь сегодня же вечеромъ. Онъ удостоился моей высочайшей ми-

---

[1]) *Далайлама*—духовный владыка, живущій въ Тибетѣ.

лости, и если его не отыщутъ, то послѣ ужина я велю наказать бамбуками [1]) весь дворъ мой!“

— „Слушаю-съ!“ сказалъ камергеръ, и побѣжалъ опять по всѣмъ лѣстницамъ и галлереямъ; придворные тоже бѣжали за нимъ и разспрашивали, потому что никому не хотѣлось отвѣдать бамбуковой палки. Всѣ спрашивали о чудесномъ соловьѣ: его зналъ цѣлый свѣтъ, а при дворѣ никто не имѣлъ о немъ понятія!

Наконецъ нашли на кухнѣ маленькую бѣдную дѣвочку, которая сказала:

„О, Боже ты мой! Какъ же мнѣ не знать соловья? какъ мнѣ не знать его пѣсенъ? Каждый вечеръ поваръ позволяетъ мнѣ относить остатки отъ стола къ моей бѣдной больной матушкѣ (она живетъ тамъ, на берегу моря), и когда я возвращаюсь домой и сажусь отдыхать въ лѣсу, тогда слушаю, какъ поетъ этотъ соловей. Какъ запоетъ онъ—слезы текутъ изъ глазъ: точно матушка ласкаетъ и цѣлуетъ меня!“

— „Дѣвочка“, сказалъ камергеръ: „я дамъ тебѣ хорошую должность при кухнѣ и выпрошу тебѣ позволеніе видѣть, какъ обѣдаетъ императоръ, если ты сведешь насъ къ соловью!“

И всѣ они пошли въ лѣсъ, гдѣ жилъ соловей.

2.

Когда были они на полъ-дорогѣ и навострили уши, неподалеку замычала корова.

„А!“ сказали мандарины [2]), „вотъ что! Однако, какая удивительная сила въ такомъ маленькомъ животномъ! Но мы его слыхали и прежде“.

„Нѣтъ, это мычитъ корова“, сказала дѣвочка: „до того мѣста, гдѣ живетъ соловей, еще далеко“.

Заквакали лягушки въ болотѣ.

— „Прелестно!“ сказалъ придворный музыкантъ: „теперь я слышу его: точь-въ-точь какъ колокольчики!“

---

[1]) *Бамбукъ*—индѣйскій тростникъ огромныхъ размѣровъ.

[2]) *Мандарины*—китайскіе дворяне.

„Нѣтъ, это лягушки!“ отвѣчала дѣвочка: „но я думаю, что теперь мы скоро его услышимъ“.

Тогда запѣлъ соловей.

— „Вотъ онъ!“ вскричала дѣвочка: „слушайте! слушайте! А вотъ онъ и самъ сидитъ на вѣткѣ!“ И она указала на маленькую сѣренькую птичку.

„Неужели это соловей?“ спросилъ камергеръ. „Никогда бы я не повѣрилъ, что у него такая невзрачная наружность! Вѣроятно, онъ потерялъ свои краски отъ того, что видитъ передъ собою такое множество знатныхъ особъ“.

— „Соловушко!“ закричала дѣвочка: „нашему милостивому государю угодно, чтобы ты спѣлъ что нибудь въ его присутствіи“.

— „Съ большимъ удовольствіемъ!“ отвѣчалъ соловей и запѣлъ такъ, что любо было слушать. „Точь-въ-точь какъ стекляные колокольчики!“ сказалъ камергеръ: „посмотрите, пожалуйста, какъ работаетъ это маленькое горлышко! Странно, что мы его прежде не слыхали! О, онъ будетъ имѣть большой успѣхъ при дворѣ“.

— „Прикажетъ ли императоръ продолжать?“ спросилъ соловей, думая, что тутъ самъ императоръ.

— „Драгоцѣнный мой соловушко!“ обратился къ нему камергеръ: „я исполняю пріятнѣйшее порученіе — и приглашаю васъ сегодня вечеромъ на придворный праздникъ, гдѣ вы должны восхитить его величество своимъ чуднымъ пѣніемъ“.

— „Я люблю больше пѣть въ лѣсу“, отвѣчалъ соловей, но все-таки охотно отправился съ ними, узнавши, что императоръ зоветъ его.

3.

Во дворцѣ все было освѣщено и убрано. Фарфоровыя стѣны и потолокъ сіяли при свѣтѣ нѣсколькихъ тысячъ золотыхъ лампъ; превосходнѣйшіе цвѣты стояли въ галлереяхъ, и серебряные колокольчики звенѣли такъ, что трудно было слышать разговоръ.

Посреди большой залы, передъ тономъ, гдѣ сидитъ императоръ, стоялъ золотой шестъ для соловья. Собрался весь дворъ, и дѣвочкѣ, отыскавшей птицу, было позволено стоять за дверями, такъ какъ она получила теперь должность придворной кухарки. Всѣ были въ парадныхъ платьяхъ и смотрѣли во всѣ глаза на сѣрую птичку, которой императоръ кивнулъ благосклонно.

Запѣлъ соловей. Онъ пѣлъ такъ хорошо, что слезы показались въ очахъ императора и ручьемъ покатились по щекамъ его. Тогда соловей запѣлъ еще лучше; пѣсня его шла прямо къ сердцу. Императоръ развеселился и объявилъ, что жалуетъ соловья золотою туфлей. Но соловей поблагодарилъ за эту честь и сказалъ: „Я ужъ и безъ того вознагражденъ много. Я видѣлъ слезы въ глазахъ императора—вотъ для меня лучшая награда. Слезы императора имѣютъ особенную силу. Видитъ Богъ, что я награжденъ щедро“. И онъ запѣлъ снова, еще лучше, еще слаще...

„Вотъ самое милое кокетство!“ говорили дамы и стали набирать воду въ ротъ, чтобы, когда кто-нибудь заговоритъ съ ними, она переливалась въ горлѣ по соловьиному. Даже лакеи и горничныя объявили, что всѣ они довольны, а это много значитъ: потому что угодить прислужникамъ труднѣе, нежели всякому другому. Однимъ словомъ, соловей сдѣлалъ всѣхъ счастливыми.

По окончаніи пѣнія было рѣшено, что соловей останется при дворѣ съ правомъ имѣть особую клѣтку и пользоваться свободою, вылетая гулять два раза въ день и одинъ разъ ночью. Тогда же къ нему приставили двѣнадцать лакеевъ. Каждый изъ нихъ привязалъ къ его ногѣ шелковый снурокъ, чтобы соловью было удобнѣе летать на волѣ.

Весь городъ заговорилъ объ удивительной птицѣ, и если двое встрѣчались, то забывали спросить другъ друга о здоровьѣ, и едва одинъ начиналъ только: „соло“... какъ другой подхватывалъ тотчасъ: „...вей“. Двѣнадцать купцовъ назвали даже по имени соловья дѣтей своихъ, но

у всѣхъ этихъ ребятъ не было въ горлѣ ни малѣйшаго музыкальнаго звука.

4.

Однажды императоръ получаетъ большой пакетъ съ надписью: „соловей".

„Должно быть, новая книга о нашей знаменитой птичкѣ", сказалъ императоръ.

Но въ пакетѣ была не книга, а маленькая рѣдкая вещица: искусственный соловей, съ виду похожій на живого, но весь украшенный алмазами, рубинами и сапфирами. Какъ только эту игрушку заводили, она начинала пѣть прекрасную пѣсню; при этомъ она поводила хвостомъ и блистала ослѣпительно. На ея ошейникѣ была надпись: „Соловей далайламы тибетскаго ничто въ сравненіи съ соловьемъ императора китайскаго".

— „Чудесно!" вскричали всѣ въ одинъ голосъ, и тотъ, кто принесъ игрушку, получилъ тотчасъ же титулъ „императорскаго оберъ-соловейщика".

— „Ну" сказалъ императоръ, „теперь пусть-ка они споютъ вмѣстѣ; воображаю, какой выйдетъ отличный дуэтъ!"

И они должны были пѣть вмѣстѣ. Но дуэтъ у нихъ не шелъ, потому что живой соловей пѣлъ по своему, а искусственный насвистывалъ вальсъ. „Не этотъ виноватъ", сказалъ оберъ-соловейщикъ; „онъ особенно вѣренъ въ тактѣ и поетъ по моей школѣ". Тогда искусственнаго соловья заставили спѣть одного. Онъ имѣлъ такой же успѣхъ, какъ и живой соловей; притомъ же онъ былъ красивѣе, блистая драгоцѣннымъ убранствомъ.

Тридцать три раза пѣлъ онъ одно и то же и не уставалъ. Придворные охотно послушали бы и еще нѣсколько разъ, но императоръ захотѣлъ, чтобъ и живой соловей спѣлъ что-нибудь... Но куда дѣвался онъ? Никто и не замѣтилъ, какъ онъ вылетѣлъ въ открытое окно и помчался въ свои зеленые лѣса.

„Однако, что же это такое"? сказалъ императоръ, и всѣ качали головою и говорили, что соловей пренеблагодарное

животное. „Впрочемъ лучшая-то птица осталась у насъ!“ говорили они, и опять завели искусственнаго соловья. Въ тридцать четвертый разъ пропѣлъ онъ одно и то же, но они все еще не знали пѣсни наизусть, потому что она была претрудная. Притомъ же и оберъ-соловейщикъ разсыпался въ похвалахъ своей птицѣ; онъ увѣрялъ, что она поетъ лучше живого соловья, да и видомъ гораздо красивѣе.

„Потому что“, говорилъ онъ, „изволите ли видѣть, государи мои и Ваше Императорское Величество! у живого соловья никогда не узнаете наперед, что будетъ онъ пѣть, а у искусственнаго все заранѣе извѣстно; его можно растворить, разсмотрѣть, какъ въ немъ лежатъ валики, какъ они движутся, какъ слѣдуютъ другъ за другомъ“.

„Это совершенно моя мысль!“ воскликнули всѣ въ одинъ голосъ, и оберъ-соловейщику было разрѣшено въ слѣдующій праздникъ показать птицу народу, чтобъ и онъ слышалъ ее. И всѣ слышали и были такъ восхищены, какъ будто упились опіумомъ, что̀ постоянно дѣлаютъ въ Китаѣ. Всѣ говорили: „о!“ и поднимали вверхъ указательный палецъ и качали головою; только бѣдные рыбаки, слыхавшіе не разъ живого соловья, говорили: „Онъ поетъ хорошо, но все одно и то же: чего-то недостаетъ въ немъ... а чего?—мы и сами не знаемъ“.

Живой соловей осужденъ былъ на изгнаніе изъ предѣловъ имперіи.

Искусственная птица стояла всегда на шелковой подушкѣ, у самой головы императора; всѣ дары, ей пожалованные, золото и драгоцѣнные камни, лежали вокругъ; при этомъ ей пожалованъ былъ титутъ „придворнаго пѣвца ночного столика“, и по чину она считалась первой съ лѣвой стороны, потому что лѣвая сторона считалась важнѣе правой, какъ сторона сердца, которое и у китайскаго императора также на лѣвой сторонѣ. Оберъ-соловейщикъ написалъ о птицѣ книгу въ двадцать пять томовъ. Сочиненіе это было очень ученое и длинное, наполненное

самыми мудрёными словами, такъ что всѣ утверждали, что прочли его: иначе ихъ сочли бы за дураковъ.

5.

Такъ прошелъ цѣлый годъ. Императоръ, придворные и всѣ китайцы уже знали наизусть каждый звукъ птицы, но именно поэтому-то она и нравилась имъ теперь еще больше, чѣмъ прежде; они могли пѣть то же, что и она, и пѣли безъ умолку. Уличные мальчишки напѣвали ци-ци-ци! клюкклюккюккъ! и весь дворъ напѣвалъ это; напѣвалъ и самъ императоръ.

Но разъ вечеромъ, только-что птица распѣлась, и императоръ, лежа на постели, слушалъ ее, что-то треснуло внутри птицы... пружины лопнули—и музыка замолкла.

Императоръ вскочилъ съ постели и послалъ за придворнымъ медикомъ. Но что могъ тутъ сдѣлать медикъ? Послали за часовщикомъ, и тотъ, повертѣвши машину со всѣхъ сторонъ, починилъ птичку, но замѣтилъ, что ее надо поберегать, потому-что винтики поистерлись, а поставить новые, чтобъ музыка играла вѣрно, невозможно. Сильно опечалились всѣ китайцы. Только разъ въ годъ можно было заводить птицу,—и того было для нея много. Но оберъ-соловейщикъ произнесъ рѣчь, наполненную самыми мудрёными словами, въ которой доказалъ, что птица поетъ ничуть не хуже прежняго,—и всѣ согласились съ нимъ.

6.

Прошло пять лѣтъ, и страну посѣтило ужъ настоящее горе. Китайцы любили своего императора, а тутъ онъ вдругъ занемогъ, и доктора объявили, что ему не выздоровѣть. Придворные уже выбрали себѣ новаго императора, а народъ стоялъ передъ дворцомъ и спрашивалъ камергера, какъ здоровье стараго государя.

— „Тсъ! отвѣчалъ онъ и покачалъ головою“.

Холоденъ и блѣденъ лежалъ императоръ на своей широкой великолѣпной постели. Весь дворъ считалъ его уже

умершимъ. Камердинеры безъ умолку болтали объ этомъ происшествіи, а у горничныхъ собралось множество гостей. Кругомъ въ залахъ были постланы ковры, чтобы не было слышно шаговъ, и потому во дворцѣ было тихо, тихо. Но старый императоръ еще не умеръ: онъ только неподвижно лежалъ въ своей великолѣпной постели, украшенной бархатными занавѣсами съ большими золотыми кистями; окно было раскрыто, и луна смотрѣла въ него на императора и на птицу.

Бѣдный императоръ едва дышалъ, точно какъ будто тяжелый камень лежалъ на его груди. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ, что на его груди сидитъ смерть; она надѣла на себя его золотую корону и держитъ въ одной рукѣ золотую его саблю, въ другой—его великолѣпное знамя. Изъ за складокъ бархатныхъ зановѣсокъ выглядываютъ головы: однѣ отвратительныя, другія — милыя и кроткія; то были злыя и добрыя дѣла императора.

— „Помнишь ли ты вотъ это?“ шептали они: а этого не забылъ?“ И они разсказывали ему такъ много, что холодный потъ выступилъ на лбу его.

— „Такой муки я не испытывалъ еще никогда!“ простоналъ императоръ: „Музыку скорѣй, музыку сюда! Бейте въ большой китайскій барабанъ“, вскричалъ онъ, „чтобы мнѣ не слышно было, что онѣ говорятъ!“

— Но злыя и добрыя дѣла продолжали говорить, и смерть, точно китаецъ, кивала головою на ихъ рѣчи.

— „Музыку, музыку!“ кричалъ императоръ. „Моя милая, хорошая птичка, пой же, пой теперь! Вѣдь я подарилъ тебѣ такъ много драгоцѣнностей, я повѣсилъ тебѣ на шею мою золотую туфлю! Отчего же ты не поешь?“

Но птичка молчала. Въ комнатѣ не было никого, кто бы завелъ ее, а безъ того пѣть она не умѣла. Смерть же продолжала смотрѣть неподвижно на императора своими огромными глазными впадинами,—и кругомъ все было такъ тихо, такъ мучительно тихо!

Вдругъ за окномъ раздалась чудная пѣсня: то былъ жи-

вой соловей, сидѣвшій на вѣткѣ ближняго дерева. Онъ услыхалъ о тяжкой болѣзни своего императора и прилетѣлъ пропѣть ему пѣсню утѣшенія и надежды. И по мѣрѣ того, какъ онъ пѣлъ, блѣднѣе и блѣднѣе становились призраки, быстрѣй и быстрѣй обращалась кровь въ слабыхъ членахъ императора, и даже смерть заслушалась и шептала: „Пой, соловушко, пой!“

— „А отдашь мнѣ золотую саблю? отдашь мнѣ богатое знамя? отдашь мнѣ императорскій вѣнецъ?“

И смерть, одно за другимъ, отдавала сокровища за дивныя пѣсни, а соловей пѣлъ все громче и громче: онъ пѣлъ о тихомъ кладбищѣ, гдѣ растутъ бѣлыя розы, гдѣ благоухаетъ сирень, и гдѣ свѣжая могильная травка орошается слезами живыхъ. Тогда, объятая тоской по родинѣ, смерть вылетѣла въ окно въ видѣ холоднаго, бѣловатаго тумана.

— „Благодарю!“ вскричалъ императоръ, „благодарю, небесная птичка! Я тебя узналъ! Я выгналъ тебя изъ моего государства, а ты отогнала страшные призраки отъ моего ложа и смерть отъ моего сердца. Чѣмъ мнѣ наградить тебя?“

— „Ты уже наградилъ меня!“ отвѣчалъ соловей: „я исторгъ слезы изъ очей твоихъ, когда—помнишь ли?—въ первый разъ пѣлъ передъ тобою. Этого я не забуду никогда. Такія слезы—драгоцѣнный жемчугъ для пѣвца! Усни теперь спокойно и встань завтра свѣжимъ и здоровымъ. Я убаюкаю тебя“.

И онъ пѣлъ. Императоръ заснулъ сладкимъ сномъ. Это былъ сонъ тихій и благодатный.

7.

Солнце ярко свѣтило въ окна императорской спальни, когда онъ проснулся свѣжій и здоровый. Никто изъ слугъ еще не входилъ въ комнату, потому что всѣ считали его уже умершимъ, но соловей продолжалъ сидѣть подъ окномъ на вѣткѣ и пѣлъ.

„Останься навсегда при мнѣ!“ сказалъ императоръ: „ты

будешь пѣть тогда только, когда захочешь самъ, а искусственную птицу я разобью на тысячу кусковъ".

„Не трогай ее", сказалъ соловей, „вѣдь она вѣрно служила тебѣ, сколько могла. Держи ее по прежнему при себѣ; я не могу жить во дворцѣ и вить здѣсь свое гнѣздышко, но позволь мнѣ прилетать сюда, когда захочется. Вечеромъ я буду садиться у окна на вѣтку и пѣть, чтобы навѣвать на тебя радость и думы. Стану пѣть о счастливыхъ и страждущихъ, о томъ, что люди, тебя окружающіе, скрываютъ отъ тебя: птичка летаетъ вездѣ—и надъ бѣднымъ рыбакомъ, и надъ кровлей земледѣльца, вдали отъ тебя и твоихъ придворныхъ. Сердце твое я люблю болѣе, нежели вѣнецъ твой! Поэтому я буду прилетать къ тебѣ и пѣть... Но ты долженъ мнѣ дать одно обѣщаніе".

— „Все, что ни захочешь!" вскричалъ императоръ и, вставъ во всемъ царственномъ величіи, въ царскомъ одѣяніи, которое въ тотъ день надѣлъ на себя самъ,—прижалъ къ груди саблю, въ знакъ клятвы.

— „Объ одномъ я прошу тебя!... Не разсказывай никому, что есть у тебя птичка, которая обо всемъ говоритъ тебѣ правду,—и дѣло пойдетъ еще лучше".

Тутъ соловей улетѣлъ. Въ комнату вошли придворные для того, чтобы взглянуть на своего покойнаго императора... А онъ стоялъ передъ ними, здоровый и ясный, и сказалъ имъ: „здравствуйте!"

Андерсенъ (съ датск.)

6. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
„Сказка ложь, а пѣсня быль", говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изподлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.

—

Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы. Началося. Ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ. Солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нами четыре такихъ же, но въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и—казалось—
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала. Вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: „Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій [1]), когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка“!
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю; изъ лѣса де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ

---

1) *Дарій*—персидскій царь.

Пьютъ. А кто и откуда они — неизвѣстно. Съ десяткомъ
Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго [1]) Пышку провѣдать,
Кто незваные гости; когда непріятели—взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,—
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ.
„Это мыши. Не важное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это мнѣ чудно. Смотрите жъ“,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, „никого не обидѣть! Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ
бѣлый“.
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ,
приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ.
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ.
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: „Здравствуй,
почтенный
Воинъ“, сказалъ онъ ему: „прошу не взыскать, что безъ
спросу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ, и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ“. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: „Милости просимъ
Къ намъ, благородные гости. Нашъ царь, о прибытіи
вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ?
Кто вы, и какъ васъ зовутъ? Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода, а платы не требуемъ: воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и
солнце“.

---

[1]) *Хорунжій*—казачій офицерскій чинъ.

Бѣлая Шуба учтиво отвѣтствовалъ: „Царская воля
Будетъ исполнена. Радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою:
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго“. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая Шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ; глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая Шубка.
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: „Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни. Ты изъ дальняго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось“.
Бѣлая Шубка, царю поклоняся опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ, а царь продолжалъ:
„Разскажи намъ:
Кто ты? кто твой отецъ, кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся.
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
Будетъ намъ сладко почтить дорогого гостя дарами“.

—

„Нѣтъ никакой мнѣ причины“, отвѣтствовалъ Бѣлая Шубка,
„Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой: отецъ мой изъ дома
Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ и двѣ трети вядчинни
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью Бѣлую Шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ

Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи; вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ-запуски. Я, какъ шальной, раззадорясь,
Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ, какъ мошка.
Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ подъ лапы.
„Левъ государь“, ему я сказалъ, „мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить: пощади, не губи; неравенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся“. Левъ улыбнулся (конечно,
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: „Ты, вижу, забавникъ:
Льву услужить ты задумалъ—добро; мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Ступай“. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я давай Богъ ноги. Но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона. Я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налились;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ: и было
Все то напрасно; лишь болѣ себя онъ запутывалъ. „Видишь,
Левъ-государь“, сказалъ я ему, „что и я пригодился.
Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ“. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся.

Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность: такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцою голодный
Волкъ, собака съ волкомъ, съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ,
Сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе—козни людскія. И тяжко подъ-часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: „Бѣды насъ смиренью
Учатъ: съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь“.
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
„Гость дорогой“, сказалъ онъ ему, „признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали?“

—

— „Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый двуногій злодѣй-человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ: онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими

Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа—широкій и узкій:
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье
Намъ же съ-дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостиницу. Жирный
Кусъ вядчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ. Вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались въ домикъ забраться, безъ платы
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только-что начали дружно висячій
Кусъ вядчины тормошить, какъ подъемная дверь съ пре-великимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ вядчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ и расклалъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ. Народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки: бросились жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнишь — морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ! Какъ будто шальные,
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ, и друзей, и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье: и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ.

—

Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился

Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый котище, Ѳедотъ Мурлыка, для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться.
Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ: широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.

Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ," онъ сказалъ мнѣ:
„Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ: вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ-пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка.
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги. А пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало,
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бъ съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ; тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею! Будь же впередъ остороженъ".
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно.

—

Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье:
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ. Такое прозванье
Дали ему мы за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ.
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы: и вправду
Котъ Мурлына въ вядчиннѣ виситъ на бревнѣ, и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы

Словно какъ мерзлые; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: „Повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный! Довольно ты, котъ, погулялъ: погуляемъ
Нынче и мы!“ И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать, но
лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ раз-
бѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и
не дышитъ;
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ—мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали. Кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему пригрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ, а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Берегитесь“, тогда намъ
сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), „берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него.“ То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. „Смѣйтесь, чтобъ послѣ не
плакать!“
Мышь Степанида сказала опять, „а я не товарищъ
Вамъ“. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы же при каждомъ стихѣ хохотать. И вотъ что про-
челъ онъ:

„Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
„Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у турка;
„Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
„Радуйся, наше подполье!..“ Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было: тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу: но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою!“

Жуковскій.

---

7. СКАЗКА ПРО БУРУЮ МЕДВѢДИЦУ.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися да кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ;
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,

Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
„Ахъ вы, дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня.
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо выѣмъ!“
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ,—онъ догадливъ былъ,—
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклалъ,
А поклавши-то, домой пошелъ.
„Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
А что вотъ тебѣ подарочекъ,
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ“.

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобураго,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударушку,
Чернобурую медвѣдиху:
„Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!

На кого меня покинула?....
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!"
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю, ко боярину.
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе,
Прибѣгалъ тутъ воевода-волкъ...
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость [1]).
У него-то бобра жирный хвостъ.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подъячиха,
Подъячиха, казначеиха!
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ [2]),
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій;
Приходилъ цѣловальникъ-ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится...

Пушкинъ.

---

8. Животныя передъ судомъ Миноса [3]).

Предъ судилище Миноса
Собрался для допроса,
Подлѣ Стиксовыхъ береговъ [4])
Души блѣдныя скотовъ.

Воронъ, моська, котъ, телушка,
Попугай, пѣтухъ, индюшка,
Соловей, баранъ съ свиньей
Стали предъ Миносомъ въ строй.

---

[1]) *Гость* (стар.)—купецъ.—[2]) *Смердъ* (стар.)—холопъ.—[3]) *Миносъ*—по вѣрованіямъ древнихъ грековъ—судья въ подземномъ мірѣ, сынъ Зевса, бывшій при жизни царемъ критскимъ.—[4]) *Стиксъ*—рѣка въ подземномъ мірѣ (въ греч. миѳологіи).

„Говорите: какъ вы жили?
Много ль въ свѣтѣ вы грѣшили?“
Такъ сказалъ имъ судія:
„Начинай хоть ты, свинья“.

—Я нисколько не грѣшила!
Не жалѣя морды, рыла
Я на свѣтѣ томъ навозъ:
Въ этомъ нѣтъ грѣха, Миносъ!

—Я баранъ, жилъ тихомолкомъ,
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ—
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ!

—Я смиренная корова;
Нраву я была простого!
Грѣхъ мой право не великъ:
Ободралъ меня мясникъ!

—Хоть слыву я попугаемъ,
Но на свѣтѣ былъ считаемъ
Съ человѣкомъ наравнѣ;
Этотъ грѣхъ прости ты мнѣ!

—Я котомъ служилъ на свѣтѣ
И имѣлъ одно въ предметѣ:
Билъ мышей и сыръ таскалъ:
Этотъ грѣхъ по чести малъ!

—Я, пичужка, вѣчно пѣла;
По-эллински [1])—филомела,
А по-русски—соловей.
Не грѣшна ни въ чемъ, ей-ей!

—Я курносая собака,
Моська, родомъ забіяка,
И зовутъ меня Барбосъ.
Пощади меня, Миносъ!

—Я пѣтухъ, будильникъ ночи;
Съ крику выбился изъ мочи
И принесъ на Стиксъ-рѣку
Я свое кукареку.

—Я индюшка-хлопотунья,
Пустомеля и болтунья:
У меня махровый носъ.
Не покинь меня, Миносъ!

—Воронъ я, вѣщунъ и плакса;
Былъ я черенъ такъ, какъ вакса;
Каркалъ часто на бѣду,
Радъ я каркать и въ аду!

Царь Миносъ сердитымъ взглядомъ
На скотовъ, стоящихъ рядомъ,
Разъяренный засверкалъ...
И—ни слова не сказалъ.

Жуковскій.

---

[1]) *Эллины*—греки.

IV.

ПРОЗА ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНАЯ.

1. ЗАПИСКИ ИНДѢЙСКАГО ПЛѢННИКА [1].

1.

„Отецъ мой [2]) отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ".

2.

„Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость индѣйцевъ, которые, вѣроятно, рыщутъ по лѣсу. „Джонъ", прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, „ты сегодня сиди дома". Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими неграми и старшимъ моимъ братомъ".

3.

„Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачеха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился... Мачеха стала его кормить грудью, а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ

[1]) Джонъ Теннера провелъ 30 лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки между дикими Индѣйцами.

[2]) Отецъ Джона Теннеръ былъ священникъ.

не быть замѣчену ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: „Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть индѣйцевъ!“

4.

„Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся—индѣйцы! Старикъ и молодой схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно, я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ.

5.

„Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ индѣйцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свою дубину и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался, но молодой индѣецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моею головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе индѣйца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ, ужасный индѣецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты“.

6.

„Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою и переправились на другой берегъ у самаго устья

рѣки. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были кожаныя одѣяла и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще виденъ; они смотрѣли на него и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили".

7.

„Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по-прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали мнѣ бѣжать съ ними. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна".

8.

„Настала ночь. Старикъ и молодой Индѣецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индѣйцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно. Я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ пару кожаныхъ лаптей, которые облегчили меня немного".

9.

„Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ индѣйцемъ. Мы встрѣтили широкую рѣку. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ее перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе".

10.

„Два или три дня послѣ того встрѣтили мы отрядъ индѣйцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ, что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ навстрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ“.

11.

„Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индѣйцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево, срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки и вышли на берегъ у большой индѣйской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ навстрѣчу“.

12.

„Повидимому, я часто бывалъ предметомъ ихъ разговоръ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ“.

13.

„Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ индѣйской деревни находилась американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить, но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшили меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи“.

14 [1]).

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Изъ деревяннаго шалаша вышла старуха и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своему маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

15.

Похититель Джона назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына, то-есть она требовала молодаго невольника съ тѣмъ, чтобъ его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ со старшимъ сыномъ и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобъ только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Огіо. Наканунѣ похищенія индѣйцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома.

16.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, похититель на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ дикаря.

17.

Была весна. Индѣйцы оставили свои селенія, и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать

[1]) Здѣсь прерывается переводъ подлинныхъ записокъ Джона Теннера и начинается изложеніе ихъ. То же повторяется не разъ и ниже: вотъ почему повѣствованіе ведется то въ 1-мъ лицѣ, то въ 3-мъ.

листья съ той стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своей дубиной и бросилъ замертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: „Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему не годенъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ, въ кустахъ“. Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Джона еще живого и привели его въ чувства.

18.

Зимою начались военныя приготовленія. Старикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Джону: „Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ...“ Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился и показалъ Джону бѣлую старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя старый индѣецъ и все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчить его участь.

19.

Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени отавуавовъ, родственница стараго индѣйца, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

20.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ

индѣйцемъ; и теперь, когда черезъ тридцать лѣтъ судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ оторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

21.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація [1]) европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ними за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

22.

„Я отъ роду еще не стрѣлялъ. Мать моя [2]) только-что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобъ итти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: „Пора тебѣ быть охотникомъ“. Мнѣ дали заряженный пистолетъ и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ“.

23.

Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу, прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ. Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ“.

---

1) Образованность.

2) Такъ называетъ онъ усыновившую его начальницу отавуавовъ.

24.

„Дичь становилась рѣдка. Толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто“.

„Наканунѣ назначеннаго для похода дня мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудости, насъ постигшей. Я легъ спать, но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи“.

25.

„Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впередъ и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ.

„Не говоря никому ни слова, я зарядилъ ружье пулею и воротился назадъ. Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ, вѣроятно, нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое пространство посреди лѣса. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно, русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу. Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы индѣйцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и, въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему дуло ружья между глазами и выстрѣлилъ. Какъ скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ“.

26.

„Я вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: „Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса,

которое мнѣ дали сегодня, да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился и сегодня ничего не ѣлъ“... Я съѣлъ свой кусокъ и, видя, что старуха одна, подошелъ къ ней и сказалъ ей на ухо: „Мать! я убилъ медвѣдя!“—„Что ты говоришь?“—„Я убилъ медвѣдя!“—„Точно ли онъ убитъ?“—„Точно“. Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно, потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ, и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю индѣйцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами“.

27.

„Вотъ какъ индѣйцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль, но индѣйцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей“.

38.

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя индѣйцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ

гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

29.

„Однажды, рано утромъ, я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ достигнуть, но вдругъ лишился и силъ и надежды. Одежда моя была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мое платье изорвалось въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣла дремота, обыкновенный признакъ предшествующей смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю и кружился на одномъ мѣстѣ.

Я сталъ искать своихъ слѣдовъ и вдругъ вдали увидѣлъ огонь, но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выйти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены“...

30.

Подвергаясь такимъ трудамъ и опасностямъ, индѣйцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напит-

камъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные индѣйцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности.

31.

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ американцевъ. Убійство между ними не почитается преступленіемъ, но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или не нарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца.

32.

„Молодой человѣкъ изъ племени Оттовуа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ индѣйцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: „Смотрите за нимъ; молодой человѣкъ напроказилъ“. Мы разложили огонь и увидѣли молодого человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна онъ ничего не помнилъ и сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка!“

33.

„Онъ очень опечалился и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего, но переводчикъ американскаго губернатора сильно его упрекалъ.

Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки: кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ; потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: „Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата, но я самъ не зналъ, что дѣлалъ... Я бѣденъ и живу у чужихъ, но они готовы отвести меня къ моему семейству и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите; друзья мои жаловаться не станутъ".

При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать раненаго вышла впередъ и сказала ему: „Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожъ подарки твои принимаю и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось не нарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ и я?"

На другой день раненый умеръ.

34.

Многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и проч. (что, по обычаю индѣйцевъ, должно было быть схоронено съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того, чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою".

35.

„Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и проч. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: „Молодой человѣкъ! Сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать: я была

бы счастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто и любилъ, и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа". Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ".

36.

Джонъ Теннеръ былъ женатъ. Онъ оставилъ жену и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничьей, одичалый американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ; наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе и отправился къ берегамъ той рѣки, на берегахъ которой жилъ его отецъ съ семьей.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго индѣйца и узналъ въ немъ молодого дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индѣецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: „правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство стало жертвою индѣйцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? индѣецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

37.

„Годъ спустя послѣ похищенія Джона, старый индѣецъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индѣйцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индѣйцы утащили молодого Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Огіо. Плѣнника привязали къ де-

реву веревками, но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узлы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индѣйцы, услыхавъ шумъ, проснулись и погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ свою шляпу".

38.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Отца уже не было въ живыхъ. Братъ его обнялъ, обрѣзалъ ему волосы и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали; онъ рѣшился оставить индѣйцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, къ которому принадлежалъ по праву рожденія.

39.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначала ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индѣйцы не соглашались выдать ему дѣтей; жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти американскія принуждены были вмѣшаться въ семейственныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индѣйцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ.

Индѣйцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью.

40.

„Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй рѣкѣ. Близъ устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ,

или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился одинъ молодой индѣецъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челнокѣ. Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался моими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду; вдругъ приблизился къ нему и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: „Братъ мой“ (такъ называлъ онъ меня самъ), „если у тебя не достаетъ пороху, пуль и кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится“. Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ ненуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои увеличились“.

41.

„Поутру молодой человѣкъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно. Мы поѣхали. Онъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, и онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

На семъ мѣстѣ рѣка широка, и близъ поворота находится маленькій утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою; я почувствовалъ какъ бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты, но со второго взгляда я узналъ убѣгающаго молодого индѣйца.

Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать индѣйца, но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно понесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него и, вытащивъ лѣвой рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье, но упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на островѣ. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію".

42.

„Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но по захожденіи солнца сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега; вышелъ изъ воды, могъ стать на ноги. Вскорѣ увидѣлъ я индѣйца, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ; поплылъ внизъ по рѣкѣ и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобъ схватить и задавить его въ водѣ, но я не понадѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь".

43.

„Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненной руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы.

Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль тѣла, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва рвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвой рукою сталъ ихъ обвивать около руки, сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты вокругъ меня были всѣ окровавлены."

44.

„Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пень служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что около того времени должна была проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ лодка, принадлежащая купцамъ; отъ нихъ-то я ждалъ помощи.

Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что индѣецъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и итти къ нимъ на помощь".

45.

„На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ на нихъ впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, французы перестали грести и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и звукъ мой на индѣйскомъ языкѣ не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту

весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и, вѣроятно, страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами.

Вскорѣ узнали, кто я таковъ, и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постель въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ томъ направленіи, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ разысканія были тщетны"...

46.

„Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю: она была очень сплющена. Оленьи жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Какъ скоро увидѣлъ я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе".

47.

„Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но всѣ разысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ дру-

гихъ индѣйцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливалась въ этой деревнѣ на пути своемъ къ Дождевому озеру".

48.

„Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Какъ скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ, но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели. Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству молодого индѣйца и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ и запретили бъ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти, но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія".

49.

„Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу"...

—

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными соотечественниками.

Изъ Пушкина (Современникъ 1836 года).

II. ИЗЪ „СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ".

1. Намѣреніе дѣдушки переселиться.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ царей московскихъ. Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ Уфимскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописанномъ изобиліи дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ. Разсудилъ онъ, что можно купить тамъ обширную землю за сходную плату, что можно перевесть туда половину родовыхъ своихъ крестьянъ и переѣхать самому съ семействомъ, т. е. достигнуть главной своей цѣли: ибо съ нѣкотораго времени до того надоѣли ему безпрестанныя ссоры за общее владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище сдѣлалось любимою его мыслію.

Переправившись чрезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка переѣхалъ поперекъ степную ея сторону, называемую луговою. Чѣмъ дальше углублялся онъ въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Абдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ по высокой горѣ, остановился Степанъ Михайловичъ, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ.

---

2. Новыя мѣста.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ Бугуруслана купилъ онъ землю по рѣчкѣ Большой Бугурусланъ, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугуруслана до казеннаго селенія Красный Яръ, оба берега его были не заселены. Что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную денежку! Мѣстами росла

густая *урема* [1]) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвѣшанная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами росла тучная, высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спесь) скарлозубецъ (царскія кудри) и кошечья трава (валерьяна). Бугурусланъ течетъ по долинѣ; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякій черный лѣсъ. Поднимешься на гору, — тамъ равнина, непочатая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превращавшихся въ равнины, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенными свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица: дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кипѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду: щуки, окуни, головли, язи; всякаго звѣря и въ степяхъ и въ лѣсахъ было невѣроятное множество. Словомъ сказать: это былъ—да и теперь есть—уголокъ обѣтованный. Дѣдушка купилъ около пяти тысячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ,—по полтинѣ за десятину. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма.

---

3. Приготовленія къ переселенію.

Совершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣніе, весело воротился онъ въ Симбирскую губернію къ

---

[1]) *Урема* называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по мѣстамъ, которыя заливаются полою водою.

ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялся за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію, ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ.

Въ ту же осень двадцать тяголъ отправились въ Бугурусланскій уѣздъ, взявъ съ собою сохи, бороны и сѣмянной ржи; на любыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимого посѣву [1]), то есть переломали не паренный залогъ [2]), и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови [3]) еще двадцать десятинъ для ярового сѣва [4]); поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человѣкъ отправились туда же и съ наступившею весною посѣяли двадцать десятинъ ярового хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняныя печи и опять воротились въ Симбирскую губернію; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу: тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь.

4. Переселеніе.

Наконецъ, въ половинѣ іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телѣги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ *стариною*, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку;

1) *Озимый посѣвъ*—хлѣбъ, который сѣютъ осенью (рожь).
2) *Паритъ*—вспахивать. *Залогъ*—пашня, долго непаханная.
3) *Новь*—мѣсто, никогда не паханное.
4) *Яровой сѣвъ*—хлѣбъ, который сѣютъ весною (овесъ, ячмень и др.).

но переселяться тогда въ неизвѣстную басурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными—казалось дѣломъ страшнымъ!

За крестьянами отправился и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвалъ Знаменскимъ, давъ обѣтъ, современемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божіей Матери, празднуемаго 27-го ноября, что и было исполнено уже его сыномъ.

5. Водвореніе на новыхъ мѣстахъ.

Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: во-время убрался съ сѣнокосомъ, во-время сжалъ яровое и ржаное и во-время свезъ въ гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже поспѣлъ небольшой господскій флигель. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, не смотря на дальнее разстояніе, охотно пріѣзжали на *помочи* [1]) къ новому разумному и ласковому помѣщику,—попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать.

Зимой дѣдушка отправился въ симбирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевесть еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ.

6. Постройка водяной мельницы.

Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу, ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ

[1]) *Помочь* – работа обществомъ за угощеніе.

вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны; на огромный водяныя колеса деревянныя трубы кауза [1]) должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше дна кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка [2]), дѣдушка сдѣлалъ помочь [3]) на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, телѣгами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, новозу и свѣжаго дерна были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, при восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать заимку*, т. е. запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и то же мгновенье, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчного дна; связанныя копны соломы съ каменьями по-

---

1) *Каузомъ* называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ ее *дворецъ* (дворецъ), а въ иныхъ мѣстахъ—*скрыни*.

2) *Вешнякъ*—творило съ подъемнымъ заслономъ въ запрудахъ для спуска лишней вешней (весенней) воды.

3) См. стр. 205.

летѣли туда же; за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякій проѣзжій или прохожій испугался бы, услыхавъ его, если бъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія степи и темные лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе; остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и ~~къ вечеру~~ уже образовался прудъ, или, лучше сказать, всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ.

На другой день затолкла толчея, замолола мельница — и мелетъ и толчетъ до сихъ поръ.

---

7. Оренбургскій край.

Чудесной растительностью блистаютъ тучные черноземные, роскошные луга и поля Оренбургской губерніи, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвой награждается лѣнивый и невѣ-

жественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ [1]) плодоносную почву. Свѣжи, зелены и могучи стоятъ разнородные черные лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти [2]), занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой. Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева этой стороны, кочевыя башкирскія племена. Много уменьшились, но еще велики, многочисленны конскіе табуны, и коровьи и овечьи стада ихъ. Еще по-прежнему, послѣ жестокой буранной зимы, отощалые, исхудалые, какъ зимнія мухи, башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мѣста, на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ и гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка! Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой и вымя, и сосцы ихъ. Но что̀ башкирцу до ароматнаго коровьяго молока! Уже поспѣлъ живительный кумысъ [3]), закисъ въ кобыльихъ турсукахъ [4]), и все, что̀ можетъ пить, отъ грудного младенца до дряхлаго старика, пьетъ до-пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя впалыя щеки. Но странный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ ничего подобнаго не видавшій, заѣзжій путешественникъ

1) *Сабанъ* — русскій двухъ-колесный плугъ на 2, 3... и даже на 6 лошадей.

2) *Борть* — дуплистое дерево, въ которомъ водятся пчелы.

3) *Кумысъ* — напитокъ изъ кобыльяго молока.

4) *Турсукъ* — мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги.

и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни. Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу—и никого больше, ни одной души человѣческой.

---

8. Жизнь дѣдушки въ новыхъ мѣстахъ.

Съ легкой руки Степана Михайловича, переселеніе въ Уфимскій, или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околоткѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ сосѣдей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающимъ переселенцевъ, которые нерѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовя хлѣбныхъ запасовъ, и даже иногда не имѣя на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ—бери что́ угодно. „Сможешь — отдай при первомъ урожаѣ; не сможешь—Богъ съ тобой:“ съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбные запасы на *сѣмены* и *пѣмены*. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ,—онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей. Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ

примирилъ онъ, много тяжебныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали и шли къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ, — и свято исполнялись они! Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Не удивительно, что крестьяне любили горячо такого барина.

С. Аксаковъ.

III. ИЗЪ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Мщенія Ольги.

1.

Ольга, родомъ изъ Пскова, жена Игоря, осталась послѣ его смерти съ маленькимъ сыномъ Святославомъ. Древляне, убивъ ея мужа, сказали: „Вотъ русскій князь убитъ; пусть его жена выходитъ за нашего князя Мала, а что сдѣлать со Святославомъ, мы послѣ подумаемъ“—и послали они къ Ольгѣ въ лодкахъ лучшихъ мужей, числомъ двадцать. Ольга ласково встрѣтила посланныхъ: „Пришли добрые гости“.—„Пришли, княгиня“, отвѣчали древляне.—„Ну, скажите, зачѣмъ же вы пришли?“ Древляне начали говорить: „Насъ прислала Древлянская земля съ такою рѣчью: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ, какъ волкъ, расхищалъ и грабилъ, а наши князья всегда были добрыми пастухами своей земли; выходи замужъ за нашего князя Мала“. Ольга отвѣчала: „Люба мнѣ рѣчь ваша... Что дѣлать? мужа уже мнѣ не воскресить! Хочу я завтра почтить васъ предъ народомъ моимъ; идите теперь въ лодку; утромъ, какъ пошлю за вами, вы разляжтесь тамъ съ важностью и скажите: ни на коняхъ не поѣдемъ, ни пѣшкомъ не пойдемъ; несите-ка насъ въ лодкѣ“. Между тѣмъ Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму на дворѣ теремномъ. На другой день, сидя въ теремѣ, Ольга послала за гостями. Посланные стали звать ихъ на великую честь. „Не поѣдемъ ни на коняхъ, ни на повоз-

кахъ", отвѣчали они: „несите-ка насъ въ лодкѣ". Кіевляне сказали: „Не наша воля: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти за вашего князя"—и подняли ихъ въ лодкѣ. Они же сидѣли съ великою важностью. Вотъ принесли ихъ на теремный дворъ и бросили въ яму и съ лодкою. Ольга наклонилась къ нимъ и спросила: „Что? хороша ли вамъ честь?"—„Пуще Игоревой смерти!" отвѣчали они. Ольга велѣла засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

2.

Ольга послала сказать древлянамъ: „Если вы зовете меня взаправду, то пришлите за мною знатнѣйшихъ мужей, чтобы мнѣ итти къ вашему князю съ великимъ почетомъ, а то меня не пуститъ народъ кіевскій". Древляне собрали лучшихъ мужей, управляющихъ Древлянской землей, и послали за нею. Для прибывшихъ гостей Ольга приказала истопить баню. Когда древляне вошли въ нее и начали мыться, баню заперли и зажгли отъ дверей: такъ они всѣ и сгорѣли тамъ.

3.

Послѣ этого Ольга послала сказать древлянамъ: „Вотъ иду къ вамъ; приготовьте много меду въ томъ городѣ, гдѣ убили моего мужа: хочу плакать на его могилѣ и справить тризну [1]) по немъ". Съ малой дружиной пришла она на могилу мужа, и потомъ велѣла своимъ людямъ насыпать большой могильный холмъ. Когда холмъ насыпали, она велѣла начать тризну. Послѣ и древляне сѣли пить, а Ольга приказала отрокамъ своимъ служить имъ. „Гдѣ же наша дружина, что мы послали за тобою?" спросили древляне.—„Идетъ вслѣдъ за мною съ дружиною моего мужа", отвѣчала Ольга. Когда древляне понапились, Ольга отошла въ сторону и велѣла своей дружинѣ перебить ихъ. И перебили ихъ пять тысячъ. Ольга же вернулась въ Кіевъ.

[1]) *Тризна*—языческія поминки.

4.

Ольга собрала много храбрыхъ воиновъ и отправилась съ сыномъ своимъ Святославомъ въ Древлянскую землю. Древляне вышли навстрѣчу. Когда оба войска снялись съ мѣста и двинулись другъ къ другу, бросилъ Святославъ копье въ древлянъ; копье пролетѣло мимо ушей коня и упало у его ногъ; Святославъ былъ еще ребенокъ. Тогда Свѣнельдъ и Асмольдъ сказали: „Князь уже началъ; послѣдуйте, дружина, за княземъ!“ Древлянъ побѣдили. Они побѣжали и затворились въ своихъ городахъ.

5.

Цѣлое лѣто стояла Ольга подъ Искоростенемъ и не могла взять его. Вотъ что придумала она наконецъ: послала къ городу сказать: „До чего вы хотите досидѣться? Всѣ ваши города предались мнѣ и платятъ дань; за то спокойно пашутъ свою землю, вы же хотите умереть отъ голода, не желая платить дани“. Древляне отвѣчали: „Рады бы и мы заплатить дань, но ты станешь мстить за своего мужа“. — „Я уже отомстила за него“, отвѣчала Ольга, „во-первыхъ, когда ваши послы были въ Кіевѣ; затѣмъ во второй и третій разъ, когда правила тризну по мужѣ; больше мстить не буду; хочу только получить небольшую дань и, помирившись съ вами, уйду назадъ. — „Чего же хочешь отъ насъ?“ спросили древляне: „мы рады дать тетѣ и меду, и мѣховъ.“ Ольга отвѣчала имъ: „Теперь нѣтъ у васъ ни меду, ни мѣховъ, потребую съ васъ немногаго: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья съ каждаго двора; тяжкой дани я не требую съ васъ потому, что вы и такъ изнемогли въ осадѣ“. Древляне обрадовались, собрали по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга приняла дань и отпустила древлянъ. Тѣ возвратились въ городъ, разсказали обо всемъ народу, и народъ радовался.

Между тѣмъ Ольга раздала своимъ воинамъ голубей и воробьевъ и велѣла къ каждому ниткою привязать сѣры,

обернувъ въ тряпку. Когда смерклось, она велѣла зажечь сѣру и пустить голубей и воробьевъ. Голуби полетѣли въ свои гнѣзда и въ голубятни, воробьи же подъ застрѣхи— и загорѣлись голубятни, клѣти и все строеніе. Не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло. Народъ побѣжалъ изъ города, а Ольга велѣла своимъ воинамъ ловить его.

Когда Искоростень былъ такимъ образомъ взятъ и сожженъ, Ольга велѣла старшинъ города схватить, а изъ прочихъ жителей—кого избить, а кого отдать въ рабство своимъ воинамъ, и наложила на древлянъ тяжкую дань.

По Нестору.

---

2. Святославъ.

Въ 955 году пошла Ольга на Грецію, и пришла въ Царь-градъ. Тамъ приняла христіанскую вѣру и возвратясь въ Кіевъ, уговаривала и сына своего Святослава креститься; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говаривала сыну: „Я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его“. Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!“ Тогда Ольга говорила ему: „Если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же“. Но Святославъ не слушался матери и жилъ по языческимъ обычаямъ.

Когда онъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса, но изрѣзавъ тонкими ломтями конину или мясо какого-нибудь другого звѣря, или говядину, пекъ самъ на углѣхъ и такъ ѣлъ. Шатра у Святослава также не было, а спалъ онъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точно такъ же жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ

къ разнымъ народамъ сказать имъ: „хочу итти на васъ“. Ходилъ на Оку и на Волгу. На Окѣ нашелъ вятичей и спросилъ ихъ: „Кому дань даете?“ Вятичи отвѣчали: „Козарамъ“. Тогда пошелъ Святославъ на козаръ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ ясовъ и касоговъ; наконецъ пошелъ на Дунай, на болгаровъ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

---

3. Спасеніе Ольги.

Между тѣмъ пришли въ первый разъ печенѣги на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогалъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но никому нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Выступили тогда кіевляне и стали говорить: „Нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону и сказать имъ: если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся печенѣгамъ“. Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: „я перейду“, и точно, пошелъ съ уздою изъ города; ходилъ между печенѣгами и спрашивалъ, не видалъ ли кто его лошади. (Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, такъ что печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ. Увидавъ это, печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли ему ничего сдѣлать, потому что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то жители его сдадутся печенѣгамъ“. Тогда воевода, именемъ Претичъ, сказалъ: „Подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ въ нашу сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Свя-

тославъ погубитъ насъ". На другой день, сѣвъ въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить, а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что самъ князь пришелъ, и побѣжали отъ города въ разныя стороны; а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: „Кто это пришелъ?" Ему отвѣчали: „Лодки съ той стороны". Князь печенѣжскій спросилъ опять у Претича: „А ты князь ли?" Претичъ отвѣчалъ: „Я его воевода, и пришелъ съ передовыми, а за мною идетъ полкъ съ княземъ — безчисленное множество народа". Все это насказалъ, чтобы испугать печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: „Будь мнѣ другомъ". Претичъ отвѣчалъ: „пожалуй". Печенѣжскій князь подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а воевода подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда Кіевляне послали сказать Святославу: „Ты, князь, ищешь чужой земли и бережешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ чуть было не взяли печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ опять возьмутъ печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родной земли, ни матери старухи, ни дѣтей". Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ же сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ: радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; онъ очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда отъ печенѣговъ, и, собравъ войско, прогналъ ихъ въ степи. Послѣ того настало мирное время.

4. Смерть Ольги.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ; онъ сталъ говорить матери своей: „Не нравится мнѣ здѣсь. Хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей: туда привозится всякое добро: изъ Греціи идутъ туда золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи серебро

и кони; изъ Руси звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы". Ольга отвѣчала ему на это: „Развѣ не видишь, что я уже больна? куда же ты хочешь уйти отъ меня? Похорони меня по крайней мѣрѣ, а тамъ уже ступай, куда хочешь". Черезъ три дня послѣ этого разговора Ольга умерла; сынъ, внуки и весь народъ горько плакали по ней; потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертію не велѣла дѣлать надъ собою тризны, потому что при ней былъ священникъ. Онъ и похоронилъ ее.

5. Битва Святослава съ греками.

Когда возвратился Святославъ къ Переяславцу, то болгары затворились въ городѣ и не пустили его; потомъ вышли они изъ города на сѣчу противъ русскаго князя. Сѣча была злая, и болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: „Видно уже намъ здѣсь умереть; станемъ же биться мужественно, братья и дружина!" Къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ приступомъ и послалъ сказать грекамъ: „Хочу на васъ итти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ". Греки отвѣчали: „Мы не сможемъ бороться съ вами; но возьми съ насъ дань и на дружину свою; для этого скажите, сколько васъ, чтобы намъ разсчесться по числу людей". Греки говорили такимъ образомъ, желая обмануть русскихъ. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Насъ двадцать тысячъ". Десять тысячъ онъ прибавилъ, потому что русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава и не дали ему дани; Святославъ пошелъ на грековъ. Когда же русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались. Святославъ сказалъ: „Уже намъ теперь некуда дѣваться; волею и неволею должны биться; не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ здѣсь костьми; мертвымъ не стыдно, а если побѣжимъ, то будетъ стыдъ великій; отъ него некуда уйти; станемъ же крѣпко: я пойду передъ вами, а ког-

да голова моя ляжетъ, тогда думайте о себѣ сами". Воины отвѣчали ему: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ". Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча злая. Святославъ одолѣлъ; греки побѣжали. Тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и разбивая города по дорогѣ.

6. Испытаніе Святослава.

Царь греческій созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: „Что намъ дѣлать? не можемъ никакъ одолѣть русскихъ". Бояре отвѣчали: „Пошли къ Святославу дары, поизвѣдать, на что онъ больше падокъ: на золото или на дорогія ткани?" Такъ и сдѣлали: послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавши послу: „Смотри, замѣчай хорошенько, какими глазами онъ будетъ глядѣть на подарки".—Посолъ, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки съ поклономъ. Тогда онъ сказалъ: „Введите ихъ сюда." Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани; Святославъ, глядя равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: „спрячьте это". Послы возвратились. Царь созвалъ опять бояръ; послы сказали имъ: „Какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ,—велѣлъ только спрятать". Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „Попытайся еще, пошли къ нему оружіе". Совѣтъ былъ принятъ. Послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе; когда же принесли къ нему, то онъ взялъ, началъ хвалить, любоваться и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ о такомъ пріемѣ, бояре сказали царю: „Долженъ же быть храбръ этотъ человѣкъ, когда пренебрегаетъ имѣніемъ, а беретъ только одно оружіе! Дѣлать нечего: приходится дать ему дань". Тогда царь послалъ сказать Святославу: „Не ходи къ городу, но возьми дань, сколько хочешь". Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ.

7. Крещеніе Владиміра и кіевлянъ.

Въ 988 году пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій. Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: „Если не сдадитесь, то три года простою здѣсь“. Но они не слушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города, но корсунцы, подкопавъ городскую стѣну, уносили насыпанную землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „На востокъ отъ тебя колодецъ; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ: откопай колодецъ и перейми воду“. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда, изнемогши отъ жажды, они сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ сказать императорамъ Василію и Константину: „Вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и стольному городу вашему будетъ то же, что и Корсуню“. Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились и отвѣчали: „Не прилично христіанамъ выдавать сестеръ своихъ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, а съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры“. Владиміръ отвѣчалъ посламъ императорскимъ: „Скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что я прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе“. Цари, услыша это, обрадовались и послали къ Владиміру сестру свою именемъ Анну, которую насилу уговорили итти. Она сѣла на корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла чрезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія женился на Аннѣ и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедъ туда, онъ велѣлъ повѣстить народу: „Кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ“. Услы-

хавъ это, люди шли съ радостію, говоря: „Если бъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ея“. На другой день Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли въ ней—одни по шею, другіе по грудь, малолѣтніе у берега, взрослые же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

8. Русскій богатырь.

Въ 991 году пришли печенѣги. Владиміръ пошелъ противъ враговъ и встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежи. Русскіе стали на этой сторонѣ, а печенѣги на той, и не смѣли ни наши перейти на печенѣжскую сторону, ни печенѣги на нашу. Тогда пріѣхалъ князь печенѣжскій къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра и сказалъ ему: „Выпусти ты своего воина, и я выпущу своего—пусть борются: и если твой осилитъ моего, то не будемъ воевать три года; если же нашъ одолѣетъ, то будемъ разорять вашу землю цѣлые три года“. Послѣ этого разговора князья разошлись розно. Владиміръ, пришедши къ себѣ въ станъ, послалъ кликать по шатрамъ: „Нѣтъ ли такого, кто бы взялся биться съ печенѣгомъ?“ и не сыскался никто. На другое утро пріѣхали печенѣги и привели своего бойца, а у нашихъ никого не было. Сталъ тужить князь Владиміръ и послалъ опять кликать по всему войску. Тогда пришелъ къ князю старикъ и сказалъ ему: „Князь! вышелъ я сюда на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; съ самаго дѣтства не было человѣка, кто бы одолѣлъ его; однажды онъ мялъ воловью кожу, а я сталъ его за что-то бранить; такъ онъ, разсердясь на меня, перервалъ кожу руками“. Князь, слыша это, обрадовался и послалъ за силачемъ. Когда онъ пришелъ, то князь разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Тотъ отвѣчалъ: „Не знаю, князь, могу ли биться съ печенѣгомъ; но пусть испытаютъ меня: нѣтъ ли здѣсь большого и сильнаго быка?“ Нашли быка, большого

и сильнаго, велѣли разъярить его горячимъ желѣзомъ и пустили на волю. Когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. Владиміръ, видя это, сказалъ ему: „Можешь биться съ печенѣгомъ“. На другое утро пришли печенѣги и начали опять кричать: „Что же? нашелся ли боецъ? а нашъ уже готовъ!“ Владиміръ еще за ночь велѣлъ своему бойцу вооружиться, и вотъ оба показались. Съ печенѣжской стороны вышелъ великанъ, страшный видомъ; выступилъ и Владиміровъ богатырь: онъ былъ средняго роста, и потому печенѣгъ, увидавъ его, началъ смѣяться. Размѣрили мѣсто между обоими полками, пустили борцовъ; тѣ схватились и начали крѣпко щемить другъ друга. Нашъ стиснулъ печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю. Тогда съ обѣихъ сторонъ раздался крикъ. Печенѣги побѣжали; русскіе ударили вслѣдъ за ними и прогнали ихъ. Владиміръ былъ очень радъ, сдѣлалъ богатыря знатнымъ человѣкомъ и отца его тоже; потомъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

---

9. Пиры Владиміра.

Въ 995 году опять пришли печенѣги къ городу Василеву. Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, и когда вступилъ въ битву, то не могъ удержаться, побѣжалъ и едва укрылся отъ враговъ подъ мостомъ. Тутъ обѣщался Владиміръ поставить церковь св. Преображенія. Избавившись отъ бѣды, Владиміръ точно поставилъ церковь и сдѣлалъ большой праздникъ, наварилъ меду и созвалъ бояръ своихъ и посадниковъ, и старшинъ изо всѣхъ городовъ, и всякихъ людей много, а нищимъ роздалъ триста гривенъ. Праздновавъ восемь дней, Владиміръ возвратился въ Кіевъ на Успеніе Богородицы и тутъ опять сдѣлалъ большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Онъ приказывалъ всякому, нищему и убогому, приходить на княжій дворъ и брать все, что надобно: питье,

кушанье и деньги изъ казны. Князь говорилъ также: „Вѣдь больные и слабые не могутъ дойти до моего двора“, и потому велѣлъ сдѣлать телѣги, накладывать на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разные, медъ, квасъ и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, кто ходить не можетъ?“ Имъ раздавали все это. Каждое воскресенье завелъ онъ на дворѣ своемъ пиры, куда приходили бояре, дворяне, сотскіе, десятскіе, при князѣ и безъ князя. На тѣхъ пирахъ бывало множество мяса—говядины и дичины, было много всего. Вотъ бывало какъ подопьютъ, то и начнутъ роптать на князя, говоря: „Что это наше здѣсь за житье горькое! даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ подавать серебряныя ложки и сказалъ: „Съ серебромъ и золотомъ не найдешь дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра“. Владиміръ любилъ свою дружину и думалъ съ нею обо всѣхъ дѣлахъ.

10. Хитрость бѣлгорода.

Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ на печенѣговъ, потому что войны были безпрестанныя. Въ это время печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода, не давая никому выхода, отчего сдѣлался вдругъ большой голодъ. Въ такой бѣдѣ граждане собрали вѣче и сказали: „Пришлось помереть съ голода, а отъ князя нѣтъ помощи; сдадимся печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ; намъ все равно: помирать же голодною смертію“. Такъ и рѣшили. На этомъ вѣчѣ не было одного старика, и когда онъ послѣ спросилъ: „зачѣмъ это собирали вѣче“? то ему отвѣчали, что завтра хотятъ сдаться печенѣгамъ. Старикъ послалъ за городскими старшинами и сказалъ имъ: „Что это я слышалъ, будто вы хотите сдаться печенѣгамъ“. Тѣ отвѣчали: „Да что же будешь дѣлать? люди не

хотятъ терпѣть голода". Тогда старикъ сказалъ имъ: „Послушайте же меня, не сдавайтесь еще денька три и сдѣлайте такъ, какъ я вамъ скажу". Когда тѣ обѣщали слушать его, старикъ продолжалъ: „Сберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей". Старшины исполнили его волю. Тогда онъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать растворъ, на чемъ кисель варятъ; велѣлъ также выкопать колодецъ, вставить въ него кадку и налить ѥе растворомъ; велѣлъ выкопать и другой колодецъ и въ него вставить кадку. Потомъ велѣлъ сыскать гдѣ-нибудь меду. Ему принесли его цѣлое лукошко: спрятано оно было въ княжескомъ погребѣ. Старикъ приказалъ сдѣлать изъ него сыту пресладкую и вылить въ кадку, которая стояла въ другомъ колодцѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за печенѣгами. Граждане пошли и сказали имъ: „Возьмите у насъ заложниковъ, а сами пойдите, человѣкъ съ десять, въ городъ и посмотрите, что у насъ дѣлается". Печенѣги обрадовались, думая, что хотятъ имъ сдаться; взяли заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ провѣдать, что тамъ такое дѣлается. Когда печенѣги пришли въ городъ, то жители сказали имъ: „Зачѣмъ вы себя губите? хоть десять лѣтъ стойте подъ нашимъ городомъ, ничего намъ не сдѣлаете: у насъ сама земля даетъ кормъ; если же не вѣрите, посмотрите своими глазами". Сказавъ это, привели ихъ къ колодцу, гдѣ былъ растворъ, почерпнули изъ него ведромъ и налили въ котлы; когда сварили кисель, то взяли печенѣговъ и привели къ другому колодцу, почерпнули сыты и начали ѣсть сперва сами, а потомъ дали и печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: „Ни за что не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ". Тогда граждане налили горшокъ раствора и сыты изъ колодца и дали печенѣгамъ; тѣ пошли къ своимъ и разсказывали имъ все, что съ ними случилось. Князья печенѣжскіе сварили себѣ кесель, поѣли, подивились, потомъ собрались и пошли прочь отъ города.

11. Убіеніе Св. Бориса.

По смерти Владиміра въ Кіевѣ сѣлъ старшій сынъ его Святополкъ. Онъ созвалъ кіявлянъ и началъ давать имъ подарки. Кіевляне брали, но сердце ихъ не лежало къ Святополку, потому что братья ихъ были съ Борисомъ въ походѣ противъ печенѣговъ. Борисъ уже возвратился съ войскомъ назадъ, не нашедъ печенѣговъ, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть: „Отецъ у тебя умеръ“. Борисъ горько плакалъ, потому что онъ былъ у Владиміра сынъ любимый. Отцовская дружина сказала ему: „Вотъ у тебя отцовская дружина и войско; поди сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ“. Борисъ отвѣчалъ: „Не подниму руки на брата старшаго: если отецъ у меня умеръ, то пусть Святополкъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Услыхавъ такой отвѣтъ, воины разошлись отъ Бориса, который остался на рѣкѣ Альтѣ съ одними своими отроками. Между тѣмъ Святополкъ задумалъ беззаконное дѣло, и послалъ сказать Борису: „Хочу съ тобою любовь имѣть: придамъ тебѣ еще къ той волости, которую получилъ ты отъ отца“. Но все это была лесть: онъ хотѣлъ погубить его. Ночью пришелъ Святополкъ въ Вышегородъ, тайно призвалъ Путшу, городскихъ старшинъ и сказалъ имъ: „Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ Путша и другіе вышегородцы отвѣчали: „Головы свои за тебя сложимъ“. Тогда онъ сказалъ имъ: „Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса“. Тѣ обѣщали немедленно исполнить его волю. Ночью пришли они къ рѣкѣ Альтѣ, и когда подступили поближе, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню: къ нему же пришла вѣсть, что собираются погубить его. Помолившись, онъ легъ на постель, — и вотъ убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прокололи Бориса; вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая тѣломъ своимъ защитить господина. Это былъ любимецъ Бориса; звали его Георгіемъ; родомъ онъ былъ изъ Венгріи. Бо-

рисъ его очень любилъ и надѣлъ на него большую золотую цѣпь, въ которой онъ всегда находился при князѣ. Тутъ же было побито и много другихъ отроковъ Борисовыхъ. Самъ Борисъ еще дышалъ, когда убійцы завернули его въ шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышитъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его. Когда посланные пришли и увидали, что князь еще живъ, то одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ. Тѣло его принесли тайно въ Вышегородъ и положили въ церкви с. Василія.

12. Убіеніе св. Глѣба.

Окаянный Святополкъ началъ думать: „Вотъ я убилъ Бориса: какъ бы убить Глѣба? Для этого онъ послалъ съ лестію къ Глѣбу сказать ему: „Пріѣзжай сюда поскорѣе; отецъ тебя зоветъ: онъ очень боленъ“. Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною, потому что былъ послушливъ отцу. Въ это же время пришла вѣсть въ Новгородъ къ Ярославу отъ сестры его Предславы объ отцовской смерти, и Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: „Не ходи; отецъ у тебя умеръ, и братъ твой убитъ Святополкомъ“. Услыхавъ это, Глѣбъ горько заплакалъ объ отцѣ, но еще больше плакалъ онъ о братѣ. Когда Глѣбъ молился со слезами, внезапно пришли убійцы, посланные Святополкомъ. Отроки Глѣбовы обмерли отъ страха. Окаянный Горясѣръ, одинъ изъ посланныхъ Святополкомъ, велѣлъ тотчасъ же зарѣзать князя. Поваръ Глѣбовъ торчинъ, вынувъ ножъ, зарѣзалъ своего господина. Злодѣи возвратились назадъ и сказали Святополку: „Мы исполнили твою волю“.

13. Первое нашествіе татаръ.

Въ 1224 году явился народъ незнаемый; пришла неслыханная рать, безбожные татары, о которыхъ никто хо-

рошо не зналъ, кто они и откуда пришли, и что у нихъ за языкъ, и какого они племени, и какая у нихъ вѣра. Поплѣнивши многія страны, пришли они въ землю Половецкую. Половцы не могли противиться имъ и побѣжали къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ былъ тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому: онъ пришелъ съ поклономъ къ князю Мстиславу, зятю своему, и ко всѣмъ князьямъ русскимъ, поднесъ имъ богатые дары, коней, верблюдовъ, буйволовъ и невольницъ и сказалъ: „Татары отняли нынче нашу землю, а завтра вашу возьмутъ; такъ защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы нынче изсѣчены будемъ, а вы будете завтра изсѣчены“. Котянъ умолялъ о пособіи зятя своего; а Мстиславъ сталъ умолять князей русскихъ, братью свою, говоря: „Если мы, братья, имъ не поможемъ, то они передадутся татарамъ, и у тѣхъ будетъ больше силы“. Князья думали, думали и, наконецъ, рѣшились помогать Котяну. Совѣтъ у нихъ былъ въ городѣ Кіевѣ, гдѣ говорили такъ: „Лучше намъ принять татаръ на чужой землѣ, чѣмъ на своей“, и начали строить войско, каждый свои полки. Совокупивъ всю землю Русскую противъ татаръ, князья пришли къ рѣкѣ Днѣпру. Тутъ татары прислали къ нимъ пословъ съ такими словами: „Слышимъ, что вы идете противъ насъ, послушавшись половцевъ; а мы вашей земли не занимали, ни городовъ, ни селъ вашихъ, и на васъ не приходили; пришли мы, попущеніемъ Божіимъ, на холоповъ своихъ и конюховъ, на поганыхъ половцевъ; возьмите съ нами миръ; а намъ съ вами рати нѣтъ; если побѣгутъ къ вамъ половцы, то вы бейте ихъ оттуда, а имѣнье ихъ берите себѣ, потому что, какъ слышно, они вамъ много зла дѣлаютъ; оттого мы ихъ бьемъ отсюда“. Князья русскіе не послушались пословъ, но перебили ихъ; пошли противъ Татаръ и стали на Днѣпрѣ.

Пѣсня.

Что въ полѣ за пыль пылитъ?
Что за пыль пылитъ, столбомъ валитъ?
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру коню;
А какъ зятю [1]) теща доставалася.
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кудель прясти,
А третье дѣло—дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кудель пряду,
И я ноженьками дитя качаю.
Ты баю-баю, мило дитятко!
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ;
А по матушкѣ—родной внученокъ.
У меня вѣдь есть примѣточка:
На бѣлой груди, что копѣечка.

Какъ услышала моя доченька,
Закидалась, заметалася:
„Ты родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра!“
— Ахъ, ты милое мое дititко!
Мнѣ не надо твоей золотой казны:
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать мнѣ здѣсь пѣнья церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

Лермонтовъ.

---

[1]) Татарину, мужу русской плѣнницы.

14. Второе нашествіе татаръ.

1.

Въ 1237 году пришли отъ восточной страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожные татары съ царемъ Батыемъ и послали пословъ своихъ, жену чародѣйку, да двухъ мужей съ нею, къ князьямъ рязанскимъ, прося у нихъ десятины со всего: съ князей, и съ людей, и съ коней бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. Князья рязанскіе отвѣчали имъ: „Если насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ“. И послали рязанскіе князья къ князю Юрію Владимірскому просить помощи; но князь Юрій самъ не пошелъ и не послушалъ мольбы князей рязанскихъ: онъ хотѣлъ одинъ воевать особо. Тогда иноплеменники обступили городъ Рязань и огородили острогомъ, а князь рязанскій затворился въ городѣ съ людьми. Татары взяли Рязань, князя Юрія убили.

Преданіе прибавляетъ, что жена его, княгиня Евпраксія прекрасная, оставалась тогда дома: она все стояла въ своемъ высокомъ теремѣ, держа въ бѣлыхъ рукахъ сына, и смотрѣла—не возвращается ли князь. Вдругъ узнаетъ о его гибели. Горько заплакала княгиня и вмѣстѣ съ сыномъ бросилась изъ своего высокаго терема. Такъ и убилась до смерти Евпраксія прекрасная. Съ тѣхъ поръ это мѣсто называется „Заразъ“ [1]).

Многихъ мужей, женъ и дѣтей разсѣкали татары мечами, другихъ разстрѣливали стрѣлами, иныхъ въ огонь бросали, остальныхъ вязали; многія святыя церкви огню предали, монастыри и села пожгли; имѣніе немалое собрали, и потомъ пошли на Коломну. Въ ту же зиму пошли князья съ своею ратью изъ Владиміра противъ татаръ; тогда же князь Юрій Владимірскій послалъ Еремѣя Глѣбовича въ сторожахъ воеводою. Обступили ихъ татары у Коломны и бились крѣпко. Была сѣча великая. Татары пошли къ Москвѣ, взяли ее, убили воеводу, и князя Владиміра, сына

[1]) *Заразиться* прежде значило „убиться“.

Юрьева, руками взяли; людей перебили отъ старцевъ до младенцевъ и, взявши много имѣнія, пошли прочь. Князь Юрій выѣхалъ изъ Владиміра, урядивъ вмѣсто себя сыновей своихъ; поѣхалъ на Волгу и сталъ станомъ на рѣкѣ Сити, поджидая къ себѣ братьевъ, князя Ярослава и Святослава съ полками.

2.

Третьяго февраля, татары какъ саранча обсѣли Владиміръ. Владимірцы затворились въ городѣ. Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, взявъ съ собою княжича Владиміра Юрьевича, и начали спрашивать: „Великій князь Юрій въ городѣ ли?“ владимірцы пустили по стрѣлѣ на татаръ; тѣ пустили также по стрѣлѣ на городъ и на Золотыя ворота, потомъ сказали владимірцамъ: „Не стрѣляйте!“ Когда владимірцы перестали стрѣлять, татары подъѣхали поближе къ воротамъ, показали гражданамъ Владиміра и спросили: „узнаете ли своего княжича?“ потому что онъ былъ унылъ лицомъ и изнемогъ отъ бѣды и нужды. Всеволодъ и Мстиславъ стояли на Золотыхъ воротахъ и узнали брата своего Владиміра. Князья, бояре и и всѣ граждане стали плакать, смотря на него. Князья сказали своей дружинѣ и воеводѣ: „Братья! лучше намъ умереть предъ Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую вѣру, нежели быть въ ихъ волѣ“. Татары, урядивъ станы свои около города Владиміра, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, дворъ княжескій огнемъ пожгли, а людей старыхъ и молодыхъ изсѣкли. Былъ тогда трепетъ великій всюду. Множество полона свели татары въ станы свои, а сами пришли ко Владиміру и начали лѣса и пороки [1]) ставить отъ утра до вечера, а ночью огородили тыномъ весь городъ. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли въ церковь Св. Богородицы и постриглись въ монахи отъ владыки Митрофана. Седьмого февраля, послѣ заутрени, татары присту-

[1]) Стѣнобитныя орудія.

пили къ городу. Они зашли отъ Золотыхъ воротъ у Св. Спаса и вошли по примету въ городъ черезъ стѣну, взяли до обѣда Новый городъ и запалили его огнемъ. Князья бѣжали въ Печерный городъ. Епископъ Митрофанъ, княгиня Юрьева съ дочерью, со снохами и со внучатами, и прочія княгини, множество бояръ и людей затворились въ церкви Св. Богородицы. Татары отбили двери, наволочили лѣсовъ около церкви и въ церковь и зажгли: всѣ бывшіе здѣсь люди задохлись отъ великаго зноя; другіе погибли въ огнѣ, иные отъ оружія; св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери ободрали. Оттуда пошли на великаго князя Юрія. Одни шли къ Ростову, другіе къ Ярославлю, иные на Волгу, поплѣнили всю страну поволжскую и много городовъ.

3.

Князь Юрій, узнавъ о взятіи Владиміра, послалъ Дорожа съ 3000 человѣкъ провѣдать про враговъ. Дорожъ прибѣжалъ и сказалъ: „Князь! уже татары насъ обошли“. Услыхавъ это, Юрій сѣлъ на коня съ братомъ своимъ Святославомъ, племянниками, мужами и пошелъ противъ поганыхъ. Князь началъ ставить полки, и вотъ внезапно приспѣли татары на Сить. Юрій, отложивъ всю печаль, пошелъ къ нимъ. Обои полки соступились. Была сѣча злая, и наши побѣжали предъ иноплеменниками. Тутъ убитъ былъ великій князь Юрій Всеволодовичъ на рѣкѣ Сити, и воины его многіе погибли. А Василька Константиновича руками взяли и повели въ станы свои съ большою нуждою. Дошедши до Шеренскаго лѣса, татары остановились и стали нудить Василька быть въ ихъ волѣ и воевать вмѣстѣ съ ними. Но онъ не повиновался ихъ обычаю, не бралъ ни пищи ихъ, ни питья и говорилъ противъ нихъ такъ: „О, глухое царство и скверное! не отлучить вамъ меня отъ христіанской вѣры. Если я теперь и въ большой бѣдѣ, то Богъ навелъ ее на меня за грѣхи мои. Какой отвѣтъ дадите Богу, что погубили столько душъ безъ правды? За нихъ Богъ будетъ мучить васъ въ безконечные вѣ-

ки“. Они скрежатали на него зубами, желая насытиться его кровію, и убили его въ томъ лѣсу. Былъ князь Василько красивъ лицомъ, очами свѣтелъ, взоромъ грозенъ, необыкновенно храбръ, на охотѣ отваженъ, сердцемъ легокъ, и кто служилъ ему, тотъ не могъ забыть его до смерти.

4.

Только ста верстъ не дошли татары до Новгорода. Воротился Батый и пришелъ къ городу Козельску, гдѣ былъ молодой князь, именемъ Василій. Поганые свѣдали, что у людей въ городѣ умъ крѣпкодушевный, что словами льстивыми нельзя взять города. Жители Козельска рѣшили не сдаваться Батыю, говоря: „Хотя князь нашъ и молодъ, но положимъ животъ свой за него; принявъ здѣсь славу этого свѣта, тамъ примемъ отъ Христа Бога вѣнцы небесные.“ Татары разбили стѣны и взошли на валъ; граждане рѣзались съ ними ножами; потомъ положили выйти на полки татарскіе и, вышедши изъ города, побили четыре тысячи враговъ, но и сами были всѣ перебиты. Батый взялъ наконецъ Козельскъ и истребилъ всѣхъ, до грудныхъ младенцевъ; а о князѣ Василіи неизвѣстно; говорятъ, будто онъ утонулъ въ крови, потому что былъ молодъ. Съ тѣхъ поръ татары не смѣли называть этого города Козельскомъ, но звали его „злымъ городомъ“, потому что они бились около него семь недѣль и потеряли троихъ сыновей Темниковыхъ; они искали ихъ, но не нашли во множествѣ труповъ.

5.

Батый, взявши Козельскъ, пошелъ въ землю Половецкую. Отсюда началъ онъ посылать воеводъ своихъ на города русскіе; взятъ былъ городъ Переяславль копьемъ [1]); жители избиты. Въ то же время послалъ и на Черниговъ: обступили городъ въ силѣ тяжкой; князь Мстиславъ Глѣбовичъ, услыхавъ о нападеніи иноплеменныхъ, пришелъ

[1]) Т. е. приступомъ.

на нихъ со всѣмъ войскомъ своимъ, но былъ побѣжденъ; множество воиновъ его побито, городъ взятъ и запаленъ огнемъ. Воевода татарскій пришелъ осмотрѣть Кіевъ и удивился красотѣ и величеству его; онъ прислалъ пословъ къ князю Михаилу и къ гражданамъ, желая прельстить ихъ, но они его не послушали.

6.

Пришелъ Батый къ Кіеву въ силѣ тяжкой. Окружила городъ и остолпила сила татарская, и не было ничего слышно отъ скрипѣнія телѣгъ, отъ рева верблюдовъ, отъ ржанія коней; наполнилась земля русская ратными. Батый поставилъ пороки подлѣ воротъ Лядскихъ. Пороки били безпрестанно день и ночь и выбили стѣны. Граждане взошли на остатокъ стѣны: и тутъ-то было поглядѣть лома копейнаго! Стрѣлы омрачали свѣтъ. Воевода Димитрій былъ раненъ. Татары взошли на стѣны; но граждане построили другой городъ, около церкви Богородичной. На другой день татары напали на нихъ, и была брань лютая. Люди взбѣжали на церковь съ имуществомъ своимъ. Отъ тягости стѣны церковныя повалились вмѣстѣ съ ними, и городъ былъ взятъ. Воеводу Димитрія вывели раненаго и не убили за его мужество.

Димитрій сказалъ Батыю: „Не мѣшкай въ этой землѣ; время уже тебѣ итти въ Венгрію; если же будешь медлить здѣсь, то соберутся тамъ на тебя и не пустятъ въ свою землю“. Онъ говорилъ ему такъ потому, что видѣлъ, какъ земля Русская гибла отъ нечестиваго. Батый послушалъ Димитріева совѣта и пошелъ въ Венгрію.

По „Р. Лѣтописи“ Соловьева.

IV. РАЗСКАЗЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

1. Дѣдушка русскаго флота.

Петръ еще мальчикомъ съ горячею любознательностію все выспрашивалъ, высматривалъ, не могъ ни на минуту успокоиться.

Разъ, въ селѣ Измайловѣ [1]), забрелъ онъ въ амбаръ, гдѣ свалены были старыя вещи послѣ его дяди, и видитъ какой-то особенный ботъ. „Что это за ботъ? Какъ на немъ ѣздятъ?“ спрашивалъ мальчикъ. Иноземецъ, бывшій съ нимъ, растолковалъ ему, что на этомъ ботѣ можно лавировать: ѣздить и противъ вѣтра на парусахъ. Какъ такъ? Сейчасъ надо узнать это на дѣлѣ. Кто бы показалъ, какъ это сдѣлать? Царю сказали, что въ Нѣмецкой слободѣ еще живетъ старикъ Карстенъ-Брандтъ, вызванный изъ Голландіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для постройки судовъ. Брандтъ принялся за работу, и скоро царь съ наслажденіемъ катался по Яузѣ въ исправленномъ ботѣ. Послѣ Петръ назвалъ этотъ ботикъ *Дѣдушкою русскаго флота.*

Водовозовъ.

2. Петръ на Переяславльскомъ озерѣ.

Въ 1689 году Петръ уже усердно работаетъ съ Брандтомъ и другими мастерами на большомъ Переяславльскомъ озерѣ, за 120 верстъ отъ Москвы, самъ рубитъ топоромъ, смолитъ, вяжетъ канаты. То-то радость! нѣсколько судовъ спущено на воду. Года черезъ два весь дворъ ѣдетъ въ Переяславль смотрѣть неслыханное на Москвѣ зрѣлище: спускаютъ на озеро цѣлый корабль; все лѣто катаются и пируютъ на судахъ. Да что! это все еще игрушки.

Водовозовъ.

3. Петръ на Бѣломъ морѣ.

Матушка Петра не надивится сыну; со страхомъ узнаетъ, что онъ уже замышляетъ ѣхать въ Архангельскъ, къ Бѣлому морю. Тогда это было единственное море, которымъ мы владѣли. Съ горемъ отпускаетъ она сына и пишетъ ему письмо за письмомъ, чтобы не оставался долго. Но Петръ въ первый разъ увидѣлъ настоящее море и не могъ на него наглядѣться: къ морю съ тѣхъ поръ болѣе

[1]) *Измайлово*—село близъ Москвы.

всего лежала его душа, и эта страсть загорѣлась въ немъ не напрасно, потому что море всего нужнѣе было для Россіи. Съ восторгомъ встрѣчалъ онъ и осматривалъ приходившіе изъ Голландіи и Англіи корабли, всякій день бесѣдовалъ и пировалъ съ ихъ шкиперами [1]) и капитанами, какъ равный, потому что, смастеривъ своими руками на Москвѣ-рѣкѣ хату и нѣсколько лѣтъ упражняясь въ плаваніи, онъ считалъ себя въ правѣ принять названіе шкипера.

Наконецъ онъ построилъ въ Архангельскѣ верфь [2]), заложилъ въ ней корабль, заказалъ другой корабль въ Голландіи и провожалъ въ море отплывавшія иноземныя суда.

Ведовозовъ.

4. Петръ въ Саардамѣ.

Весною въ 1697 году снаряжено большое посольство къ европейскимъ государямъ для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. Главнымъ посламъ предоставлены были всѣ почести во время торжественныхъ встрѣчъ и пріемовъ; остальные набраны какъ будто для пущей важности посольства, а на дѣлѣ для того, чтобы учиться; самъ царь записался въ число волонтеровъ [3]) подъ именемъ преображенскаго урядника [4]) Петра Михайлова.

Спѣша въ Голландію, Петръ нигдѣ не останавливался долго, опередилъ свое посольство и съ немногими изъ спутниковъ явился въ Саардамъ. Это былъ маленькій голландскій городокъ у морского залива, близъ главнаго города Голландіи, Амстердама. Въ немъ находилось много частныхъ верфей, гдѣ строили торговыя суда, особенно для китовой ловли. Толпы народа цѣлый день сновали по улицамъ Саардама; вездѣ слышался стукъ, шумъ, гамъ; городокъ биткомъ набитъ былъ работниками, которые жи-

1) *Шкиперъ*—корабельщикъ, управляющій купеческимъ судномъ.
2) *Верфь*—мѣсто постройки и починки судовъ.
3) Т. е. пошелъ охотою.
4) *Урядникъ*—унтеръ-офицеръ.

ли въ маленькихъ домикахъ въ двѣ комнаты. Мѣсто казалось очень неудобнымъ для ученья, но Петру наговорили про Саардамъ его московскіе знакомцы, голландскіе мастера и плотники. Желая скорѣе приняться за дѣло, онъ долго не раздумывалъ. Вотъ, бродитъ онъ въ нетерпѣніи по городу и видитъ: у берега на лодкѣ сидитъ знакомый ему кузнецъ Кистъ, бывшій прежде въ Москвѣ, и ловитъ угрей. Царь его окликнулъ. Кистъ и глазамъ не вѣритъ. Царь просилъ его никому не сказывать, кто онъ такой, и удѣлить комнату въ его домѣ. Нечего дѣлать: Кистъ уступаетъ Петру свою заднюю каморку; царь тотчасъ одѣлся голландскимъ плотникомъ, накупилъ плотничьихъ инструментовъ и записался работникомъ на одну верфь. Встанетъ онъ ранымъ-рано, усердно работаетъ наравнѣ съ другими плотниками, потомъ идетъ въ трактиръ закусить, или посѣщаетъ семейства своихъ московскихъ знакомцевъ: гдѣ пообѣдаетъ, гдѣ выпьетъ джину [1]). Обступивъ его въ трактирѣ, рабочіе спрашиваютъ: „что вы за люди?“ Царь отвѣчаетъ: „мы простые плотники, пришли работать“.

Въ то же время вездѣ съ любопытствомъ разсматриваетъ онъ бумагопрядильни, маслобойни, лѣсопильни, всякіе фабрики и заводы; обо всемъ допытывается, не зная покоя ни на минуту.

Водовозовъ.

5. Петръ совершенствуется въ строеніи судовъ.

Услышавъ наконецъ, что посольство пріѣхало въ Амстердамъ; царь поспѣшилъ оставить безпокойный городокъ Саардамъ, гдѣ пробылъ всего 8 дней и не имѣлъ возможности заняться, какъ хотѣлъ.

Въ Амстердамѣ сначала шли пиры и угощенія для пословъ. Петръ здѣсь уже не скрывался, да и было бы напрасно. Съ провожатыми, данными ему отъ города, онъ

1) *Джинъ*—можжевеловая водка.

и здѣсь осматривалъ фабрики и мастерскія; такъ быстро и неутомимо ходилъ, съ такимъ жаромъ обо всемъ разспрашивалъ, что голландцы совсѣмъ измучились, бѣгая за нимъ, и едва успѣвали отвѣчать ему. У амстердамскаго бургомистра [1]) онъ просилъ похлопотать, чтобы торговое остъ-индское общество дозволило ему работать на своей верфи, гдѣ строились корабли, отправляемые въ Индію. Общество не только разрѣшило это, но и приказало заложить новый корабль, чтобы царь съ самаго начала видѣлъ весь ходъ постройки. Петръ узналъ объ этомъ рѣшеніи на пиру, данномъ отъ города, въ самую полночь, и тотчасъ же на своемъ буерѣ [2]) поѣхалъ водою изъ Амстердама въ Саардамъ за оставленными инструментами, уложилъ ихъ, и къ утру былъ уже на верфи остъ-индскаго общества, гдѣ поселился у взморья, въ домикѣ канатнаго мастера. Здѣсь проработалъ онъ плотникомъ четыре мѣсяца, пока не былъ конченъ заложенный корабль. Горячо занимаясь дѣломъ, онъ не терпѣлъ, чтобы ему докучали любопытные, откликался не иначе, какъ если его называли „мастеръ Петръ“ или просто „Петръ Саардамскій“, а не отвѣчалъ ни слова, когда къ нему обращались со словами „Ваше Величество“. По окончаніи работъ, ему дано свидѣтельство, что Петръ Михайловъ „во время своего здѣсь пребыванія былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ и въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиливаніи, мощеніи и смоленіи—поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ“. Все это царь прошелъ до тонкости и былъ недоволенъ: ему мало было этой науки „сплачиванія, сколачиванія“, а хотѣлось узнать, какъ строить судно по правильному чертежу, т. е. какіе придавать размѣры постройкѣ, слѣдуя извѣстнымъ постояннымъ правиламъ; какъ приготовлять самый планъ постройки. Въ Голландіи же строили безъ

---

1) *Бургомистръ*—начальникъ города.

2) *Буеръ*—большая лодка.

общаго плана, какъ кому вздумается, по одному навыку. Сильно скучалъ объ этомъ Петръ, какъ ему сказали, что въ Англіи можно научиться и правильнымъ чертежамъ. Онъ тотчасъ отправился въ Англію, гдѣ король Вильгельмъ принялъ его чрезвычайно радушно. Тутъ на королевской верфи, въ Дептфордѣ, еще проработалъ онъ два съ половиною мѣсяца, и послѣ того уже не слишкомъ высоко цѣнилъ мастерство голландцевъ.

Водовозовъ.

6. Рѣшительность Петра Великаго.

Еще до путешествія Петра по Европѣ, три злодѣя: окольничій [1]) Алексѣй Соковнинъ, стрѣлецкій полковникъ [2]) Иванъ Циклеръ и стольникъ [3]) Ѳедоръ Пушкинъ, составили заговоръ на жизнь Петра. Они положили погубить царя во время общаго смятенія на пожарѣ.

Вечеромъ 2 февраля 1697 года, заговорщики собрались въ домѣ Соковнина и, въ ожиданіи урочнаго часа ночи, когда набатъ [4]) возвѣститъ имъ о произведенномъ пожарѣ, подкрѣпляли виномъ свое мужество. Между тѣмъ Петръ весело проводилъ вечеръ въ Преображенскомъ у любимца своего Лефорта [5]), у котораго тогда было большое собраніе.

Вдругъ извѣщаютъ Петра, что двое неизвѣстныхъ желаютъ немедленно говорить съ нимъ о какомъ-то чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Они были приведены въ сосѣднюю комнату. Это были двое изъ участниковъ заговора, стрѣлецкій пятисотенный Елизаровъ и пятидесятникъ Силинъ, которыхъ раскаяніе привлекло въ Преображенское. Увидѣвъ государя, они бросились къ ногамъ его, чистосердечно признались въ своемъ преступленіи и открыли ему умыселъ злодѣевъ.

---

[1]) *Окольничій*—приближенный къ царю.

[2]) *Стрѣльцы*—войско.

[3]) *Стольникъ*—придворный санъ.

[4]) *Набатъ*—тревога, колокольный звонъ.

[5]) *Лефортъ*—швейцарецъ изъ Женевы.

Недолго думалъ Петръ о мѣрахъ къ отвращенію опасности. Онъ написалъ приказъ капитану гвардіи Лопухину: немедленно и безъ шума собрать свою роту, ровно въ 12 часовъ окружить домъ Соковнина и связать всѣхъ, кого тамъ застанетъ. Потомъ съ покойнымъ видомъ возвратился къ собранію и продолжалъ прерванную бесѣду, какъ бы ничего важнаго не случилось. Въ 10-мъ часу оставилъ онъ своихъ собесѣдниковъ, говоря, что долженъ исправить одно неважное дѣло и, обѣщаясь скоро возвратиться, просилъ не прерывать веселія.

Позабывъ, когда приказалъ Лопухину окружить домъ Соковнина, и полагая, что въ 10 часовъ, Петръ прибылъ въ Москву, въ сопровожденіи только одного деньщика, и явился прямо въ домъ заговорщиковъ. Не мало удивился онъ, не нашедши здѣсь ни Лопухина, ни его роты, и, можетъ быть, смутился духомъ, видя себя одного среди злодѣевъ. Но еще болѣе смутились и ужаснулись заговорщики, при столь неожиданномъ его появленіи. Мысль, что имъ измѣнили, что Петръ знаетъ уже все, первая пришла имъ въ голову. Но непринужденность и привѣтливость, съ которыми Петръ обратился къ хозяину, скоро ихъ успокоили. „Проѣзжая мимо и увидя въ окнахъ большой свѣтъ“, сказалъ царь, „я угадалъ, что у хозяина пирушка; а какъ мнѣ спать еще рано, то и заѣхалъ на перепутьѣ“. Съ знаками величайшей радости принялъ хозяинъ высокаго гостя. Подали вина. Всѣ должны были пить за здоровье государя, который не отставалъ отъ прочихъ. Въ ожиданіи прибытія Лопухина, Петръ старался продлить время, поддерживая виномъ веселость собесѣдниковъ; но злодѣйскій умыселъ, таившійся въ сердцахъ ихъ, разстраивалъ бесѣду.

Съ каждою минутой положеніе Петра становилось опаснѣе. Онъ видѣлъ, что нельзя уже притворяться, видѣлъ, что одна только рѣшительность можетъ спасти его. Уже взоры и движенія злодѣевъ выражали ихъ нетерпѣніе. Уже знаками и взглядами они давали знать другъ другу, что пора приступить къ дѣлу. „Пора, братецъ!“ шепнулъ одинъ изъ нихъ хозяину.

— „Нѣтъ еще“, возразилъ этотъ, колеблясь...

„Такъ мнѣ теперь пора!“ грозно возопилъ Петръ, вскочивъ со стула, и сильнымъ ударомъ повергъ Соковнина на землю. „Связать бездѣльниковъ!“ продолжалъ онъ, обратясь къ дверямъ...

Въ ту самую минуту Лопухинъ съ ротою вошелъ въ комнату.

Штелинъ.

7. Великодушіе Петра Великаго.

Однажды, когда князя Долгорукова въ сенатѣ [1]) не было, государь далъ повелѣніе собрать съ Новгородской и Петербургской провинціи работниковъ для строенія Ладожскаго канала. На слѣдующій день, по прибытіи въ сенатъ, Долгоруковъ съ жаромъ вооружился противъ этого распоряженія, говоря, что оно повлечетъ за собою совершенное разореніе этихъ провинцій, и безъ того уже истощенныхъ войною и почти безлюдныхъ. Онъ утверждалъ, что сенатъ непремѣнно обязанъ представить государю о невозможности исполнить его повелѣніе. „Теперь ужъ поздно умничать“, съ досадою возразили ему сенаторы и подали указъ, уже подписанный государемъ. Увлеченный ревностію къ пользѣ отечества, Долгоруковъ забылся до того, что разорвалъ царскій указъ, къ изумленію и ужасу всего сената. Въ то самое время Петръ вошелъ въ сенатъ, удивился шуму и безпокойству сенаторовъ, узналъ о причинѣ и съ гнѣвомъ обратился къ виновному, спрашивая, что побудило его къ такому неслыханному преступленію.

„Не что иное, государь, какъ ревность къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданныхъ“, спокойно отвѣчалъ Долгоруковъ. „Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ“, продолжалъ онъ: „я надѣюсь на твое благоразуміе; ты не захочешь разорить свою землю, какъ Карлъ XII свою разоряетъ.“ Потомъ князь изложилъ состояніе этихъ провин-

[1]) *Сенатъ*—высшее правительственное мѣсто.

ціи, представилъ необходимость пощадить ихъ въ настоящемъ случаѣ и указалъ государю иныя средства къ строенію Ладожскаго канала, менѣе отяготительныя для народа.

„Все это хорошо, дядя,“ отвѣчалъ государь, совершенно успокоенный его благоразумными доводами, „но на что жъ было драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима?“—„Виноватъ, государь, не утерпѣлъ!“ отвѣчалъ князь. Этимъ все дѣло и кончилось: указъ былъ отмѣненъ, и государь послѣдовалъ совѣту Долгорукова.

Штелинъ.

9. Справедливость Петра Великаго.

Петръ самъ становился на ряду съ подданными передъ лицомъ законовъ и собственнымъ примѣромъ училъ свой народъ подчиняться ихъ приговору.

По взятіи Риги Петръ пожаловалъ Меншикову имѣніе въ Лифляндіи изъ покоренныхъ земель, принадлежавшихъ коронѣ. Но въ числѣ этихъ земель былъ отмежеванъ участокъ, принадлежащій одному рижскому гражданину. Въ бытность государя въ Ригѣ, гражданинъ, потерявшій безъ всякой вины свою землю, явился къ нему съ объясненіемъ своего горя.

„Ты можешь отыскивать судомъ свою собственность“, отвѣчалъ ему монархъ, „и виновный, кто бъ онъ ни былъ, долженъ подлежать законамъ“. Истецъ подалъ въ магистратъ жалобу на Меншикова, какъ владѣтеля его собственности.

Меншиковъ сослался на царскій указъ. Повѣстили государя. Онъ явился къ отвѣту, призналъ дѣло справедливымъ и согласился съ приговоромъ судей, чтобы землю возвратить прежнему владѣльцу.

„Я самъ подчиняюсь законамъ“, сказалъ онъ, похвалилъ судей за безпристрастіе: „да не дерзнетъ же никто имъ противиться“.

Голиковъ.

9. Умѣренность и бережливость Петра Великаго.

Въ частной жизни Петръ представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ.

Царь неохотно разставался съ сею простотой и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, изъ манишки и манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и изъ черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у парижанъ въ моду, подъ названіемъ: „habit du tzar“ (царская одежда).

Были однакожъ дни, въ которыя и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на новое спущенное судно, въ богатомъ шитомъ золотомъ

адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ ни шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители [1]) обсыпалось на полъ. „Смотри, Катенька“, сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата“.

Щедрый въ награжденіи заслугъ, Петръ показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно. И могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито [2]) съ небольшою свитою въ Нимвегенъ [3]), онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали двѣнадцать яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжихъ на судахъ голландцевъ, почти всякій разъ съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. „Мнѣ мотать не изъ чего“, говорилъ онъ въ другое время: „и жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу.“

Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу отпускную аудіенцію [4]) въ томъ са-

[1]) *Канитель*—тончайшая золотая или серебряная нить.

[2]) *Инкогнито*—подъ чужимъ именемъ.

[3]) *Нимвегенъ*—голландскій городъ.

[4]) *Аудіенція*—пріемъ у царскихъ особъ.

момъ голубомъ кафтанѣ съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Корниловичъ.

10. Наружность Петра Великаго.

Петръ былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ и столько отличался отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Корниловичъ.

V. РАЗСКАЗЫ О ЛОМОНОСОВѢ.

1. Дѣтство Ломоносова.

Родиною Ломоносова было село Денисовское, недалеко отъ Холмогоръ, уѣзднаго города Архангельской губерніи. Дней рожденія въ крестьянскомъ быту не помѣчали, такъ и не удивительно, что день рожденія Ломоносова неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ родился въ 1711 году.

Въ десять лѣтъ, такъ какъ Богъ надѣлилъ его здоровьемъ и силами, началъ онъ по крестьянскому обычаю помогать въ работѣ отцу рыбаку; возилъ на галіотѣ [1]) разныя запасы изъ Архангельска въ Пустозерскъ и въ Соловецкій монастырь; лѣтомъ и осенью ѣзжалъ съ отцомъ на рыбную ловлю въ Бѣлое и Сѣверное моря.

По вечерамъ зимою онъ принялся учиться грамотѣ у сельскаго дьячка; къ ученію былъ очень понятливъ, такъ что черезъ два года скоро и внятно читалъ на клиросѣ приходской церкви.

[1]) *Галіота*—плоскодонное одномачтовое судно.

Иного удовлетворили бы эти успѣхи, но Ломоносовъ былъ не изъ числа такихъ. Разъ дѣти сосѣда Дубина сказали ему, что у дѣда ихъ есть двѣ мудреныя книги, въ которыхъ содержатся не молитвы, а что-то другое. Извѣстіе это подстрекнуло его любопытство, и онъ успѣлъ достать эти книги: то были грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Ломоносовъ принялся читать ихъ. Мудрено: грамматика и ариѳметика не даются сразу безъ наставника и указателя. Трудности однако возбуждали большое рвеніе въ умномъ мальчикѣ; онъ не выпускалъ книгъ изъ рукъ. Злая мачеха (матери онъ лишился рано) начала сердиться, жаловаться отцу, что Мишутка сидитъ попусту за книгами. Отецъ принялъ сторону мачехи: Ломоносовъ уступилъ ихъ желанію, оставилъ свои книги, но потихоньку, прячась въ уединенныхъ мѣстахъ, еще усерднѣе учился по этимъ книгамъ. Наконецъ одолѣлъ онъ эти двѣ книги, которыя впослѣдствіи называлъ вратами своей учености.

Еще болѣе хотѣлось учиться Ломоносову, а учиться было не у кого: въ семьѣ крайнее невѣжество; сельскій причтъ тоже не отличался ученостію. Онъ сталъ допытываться у своего учителя, какъ же и гдѣ можно учиться; учитель дивился его охотѣ и сказалъ, что научиться многому нельзя безъ латинскаго языка, а латинскій преподаютъ только въ далекихъ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ.

---

2. Бѣгство Ломоносова.

Глубоко запали въ душу юноши слова учителя объ этихъ далекихъ городахъ; ни днемъ, ни ночью онъ не разставался съ мыслію о нихъ: пробраться въ который нибудь изъ этихъ городовъ—стало любимымъ, непреодолимымъ его желаніемъ. Но какъ, и съ кѣмъ попасть туда—вотъ что затрудняло рыбака, жаждавшаго знаній.

Въ 1727 году въ селѣ Денисовскомъ собирался въ Москву обозъ съ рыбою; собрался—и утромъ, въ морозный день потянулся по дорогѣ московской. Ломоносовъ

съ безпокойствомъ слѣдилъ за его сборами и отправленіемъ, а въ душѣ окончательно рѣшился тайно уйти за нимъ въ Москву. Ночью, когда дома всѣ спали, онъ надѣлъ двѣ рубашки, нагольный тулупъ, не позабылъ захватить свои любимыя книги и потихоньку удалился изъ родительскаго дома. На семидесятой верстѣ догналъ онъ своихъ земляковъ, которые подивились безумному побѣгу сына Василія Дорофеева; какъ водится, пожурили его хорошенько, но послѣ усиленныхъ просьбъ бѣглеца, позволили ему итти съ обозомъ.

Въ сильную стужу, три недѣли Ломоносовъ шелъ съ обозомъ по дорогѣ къ желанному городу; на четвертой онъ былъ уже въ бѣлокаменной Москвѣ.

---

3. Вступленіе Ломоносова въ Заиконоспасское училище.

Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряда. На утро проснулся онъ такъ рано, что всѣ товарищи его спали. Овладѣла душою его скорбь. Въ Москвѣ не было у него ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, не могъ онъ ожидать никакой помощи: занимались они продажею рыбы своей, вовсе о немъ не помышляя. Онъ началъ горько плакать; палъ на колѣна и молилъ усердно Бога, чтобъ его призрѣлъ и помиловалъ.

Богъ услышалъ его молитву и послалъ ему благодѣтеля въ одномъ изъ земляковъ, который былъ дворецкимъ въ какомъ-то домѣ. Этотъ дворецкій по должности своей пришелъ въ рыбный рядъ закупать рыбу для господъ. Земляки разсказали ему, что съ ними прибылъ сынъ Василія Дорофеева, и прибылъ тайно отъ отца, Богъ знаетъ зачѣмъ; говоритъ—учиться въ московской школѣ, и что они теперь не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Подивился дворецкій своему молодому земляку, подумалъ и взялъ его къ себѣ въ барскій домъ. „Авось какъ-нибудь дѣло уладимъ;

у меня есть въ Заиконоспасской школѣ старый знакомый монахъ; можетъ быть, онъ и возьметъ его туда". Дѣйствительно, скоро сбылись предположенія добраго дворецкаго; тронули монаха разсказы его о бѣглецѣ изъ далекой Архангельской губерніи, и мальчикъ Михаилъ Дороѳеевъ,—прозванный въ школѣ Ломоносовымъ,—принятъ былъ въ училище.

4. Ломоносовъ въ Заиконоспасскомъ училищѣ.

Въ 1728 году, когда Ломоносову было 17 лѣтъ, посадили его за латинскую азбуку. Онъ съ жаромъ принялся за латинскій языкъ. Успѣхами его не могли довольно нарадоваться: черезъ два года ученія сочинялъ онъ уже латинскіе стихи. Дарованіями его Богъ не обидѣлъ, а прилежанія и усердія не занимать ему было стать. Бывало товарищи рѣзвятся, шалятъ, а онъ сидитъ за книгами, учитъ то, чего и не задавали. Товарищи смѣются надъ нимъ: „вишь какой болванъ въ 20 лѣтъ пришелъ латыни учиться", а онъ отмалчивается, и все читаетъ, да учится.

5. Ломоносовъ въ Кіевѣ.

Много успѣлъ онъ у своихъ учителей, такъ-что ему показалось мало наукъ и въ Спасской школѣ: онъ сталъ проситься на годъ въ Кіевскую академію, объ учености которой до него доходили слухи.

Пришелъ Ломоносовъ въ Кіевъ, сѣлъ на парту [1]) въ классахъ Кіевской академіи; послушалъ, послушалъ—видитъ, что кіевскіе профессора въ своихъ лекціяхъ говорятъ о томъ же и такъ же, какъ и московскіе, не разъясняютъ явленій природы, не учатъ физикѣ, которой молодой человѣкъ сильно жаждалъ. Сталъ онъ ходить въ библіотеку читать тѣ книги, которыхъ не видѣлъ въ Москвѣ,

[1]) *Парта*—школьная скамья.

перечитывалъ всѣ до срока и собрался опять въ Москву, недовольный Кіевомъ.

---

6. Ломоносовъ въ Петербургской академической гимназіи.

На ту пору въ Спасской школѣ получена была бумага изъ Петербургской Академіи наукъ, съ вызовомъ въ академическую гимназію 20 учениковъ, которые знали бы столько, чтобы могли слушать у профессоровъ лекціи и съ пользою проходить высшія науки. Въ то время двадцати такихъ учениковъ не нашлось во всемъ Заиконоспасскомъ училищѣ; набрали только двѣнадцать, въ числѣ ихъ назначили и Михаила Ломоносова.

Все шло по желанію Ломоносова; мало ему науки въ Москвѣ и Кіевѣ — посылаютъ въ Петербургъ въ академическую гимназію. Вотъ здѣсь удовлетворится наконецъ его жажда знанія; тутъ столько ученыхъ нѣмцевъ, выписанныхъ изъ-за границы собственно для науки. Однако не такъ вышло на дѣлѣ: ученые нѣмцы лекцій не читали, и въ академической канцеляріи задержали деньги, отпускаемыя на содержаніе прибывшимъ изъ Москвы юношамъ. Такимъ образомъ спасскіе школьники бѣдствовали и при всей своей терпѣливости подали въ сенатъ челобитную на такое съ ними обращеніе. Но Ломоносову пришлось терпѣть не долго; 18 марта 1736 года вышелъ кабинетскій указъ объ отправленіи его съ двумя его товарищами въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ.

„Русскіе люди".

РАЗСКАЗЫ ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНѢ 1812 ГОДА.

1. Первое столкновеніе Россіи съ Наполеономъ.

Во Франціи овладѣлъ верховною властію генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Сначала онъ назывался первымъ консуломъ, а потомъ принялъ титулъ императора. Такъ какъ

Наполеонъ достигъ верховной власти потому, что былъ искусный полководецъ, прославился побѣдами, то чтобъ удерживаться на престолѣ и привязывать къ себѣ войско, ему нужно было поддерживать и увеличивать свою военную славу, безпрестанно воевать, побѣждать, увеличивать свое государство; онъ завоевывалъ сосѣднія земли, свергалъ съ престола законныхъ государей и на ихъ мѣста сажалъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Понятно, что государства, которыя поважнѣе, должны были соединяться, чтобъ защитить свою свободу и положить границы честолюбію Наполеона. Но бѣда была въ томъ, что сначала эти союзы не были общіе, не всѣ государства вдругъ соединялись противъ Франціи, и отъ этого Наполеонъ выходилъ каждый разъ побѣдителемъ, съ новою славою и съ новою добычею. Такъ въ 1805 году поднялась противъ него Австрія; императоръ Александръ помогалъ ей, но какъ ни уговаривалъ онъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III вступить въ союзъ, тотъ не согласился, и вышло то, что война кончилась побѣдою Наполеона *при Аустерлицѣ* въ Моравіи, и Австрія должна была помириться на тяжелыхъ для себя условіяхъ.

Тогда Наполеонъ сталъ очень неуважительно обходиться съ Пруссіею, думая, что она теперь одна не посмѣетъ вооружиться противъ него. Пруссія однако рѣшилась на это, надѣясь на свое войско и на помощь Россіи и Англіи; но теперь Австрія не хотѣла и не могла, послѣ недавней несчастной войны, пристать къ союзу. Прежде чѣмъ русское войско пришло на помощь, Наполеонъ, который отличался быстротою своихъ движеній, успѣлъ въ одинъ день уничтожить прусское войско, послѣ чего почти все Прусское королевство было завоевано въ нѣсколько недѣль. Русскіе, пришедшіе на помощь прусакамъ, должны были теперь одни воевать съ Наполеономъ. Въ двухъ битвахъ, при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау, они дали ему такой отпоръ, какого онъ прежде никогда не встрѣчалъ, и когда въ третьемъ сраженіи при Фридландѣ ему уда-

лось взять верхъ, то онъ поспѣшилъ заключить миръ съ императоромъ Александромъ, имѣлъ съ нимъ личное свиданіе, оказывалъ къ нему знаки сильнаго уваженія и дружбы, обѣщалъ помогать въ исполненіи всѣхъ его намѣреній. Миръ былъ заключенъ въ городѣ Тильзитѣ, въ 1807 году.

2. Властолюбивые замыслы Наполеона.

Съ Наполеономъ императору Александру жить долго въ мирѣ было нельзя. Наполеонъ не могъ терпѣть равныхъ себѣ государей; ему хотѣлось, чтобъ всѣ государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться въ Европѣ, какъ угодно. Мѣшали ему въ этомъ два государства: Россія и Англія. Англію достать ему было нельзя, потому что она на островѣ; Англія была сильна и богата своимъ флотомъ, своею обширною торговлей во всѣхъ частяхъ свѣта, своими фабриками и заводами. Что же Наполеонъ придумалъ, чтобъ ослабить и разорить Англію? Такъ какъ всѣ государства въ Европѣ, кромѣ Россіи, или принадлежали ему, его братьямъ и родственникамъ, или боялись его и дѣлали все, что онъ хотѣлъ, то онъ всюду запретилъ пропускать англійскіе товары, произведенія англійскихъ фабрикъ, также колоніальные товары: сахаръ, кофе и проч., которые преимущественно Англія доставляла въ Европу. Гдѣ только найдутъ англійскіе или колоніальные товары, провезенные тайкомъ, сейчасъ жгутъ, истребляютъ. И Россія при заключеніи тильзитскаго мира обѣщала разорвать союзъ съ Англіею и не допускать англійскихъ кораблей въ свои гавани.

Но Наполеонъ требовалъ, чтобъ Россія не пускала въ свои гавани кораблей и такихъ народовъ, которые вовсе не были въ войнѣ съ Франціею, напр. американскихъ кораблей, на томъ основаніи, что на этихъ корабляхъ могли привозиться англійскіе товары; однимъ словомъ — Наполеонъ требовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли; требовалъ, чтобъ въ Россіи

пошлины на товары были такія же, какъ во Франціи. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ намѣренъ свято сохранять союзъ съ Франціею, но что пошлины и другія постановленія — дѣло внутреннее, которымъ каждое государство распоряжается, смотря по тому, какъ выгоднѣе для его подданныхъ. Наполеонъ не могъ никакъ переносить, что есть страна, которой государь равенъ ему и можетъ не соглашаться на его требованія.

3. Вторженіе Наполеона въ Россію.

До сихъ поръ Наполеонъ воевалъ съ русскими на чужой землѣ: то на австрійской, то на прусской; а теперь, чтобъ нанести Россіи самый чувствительный ударъ, чтобъ заставить ее помириться на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось, ему нужно было побѣдить русское войско въ самой Россіи; онъ привыкъ предписывать миръ государствамъ, овладѣвши ихъ столицами: поэтому ему хотѣлось овладѣть какою-нибудь русскою столицей—Москвою или Петербургомъ, если не обѣими вмѣстѣ. Дѣло было опасное, страна дальняя, суровая, мало извѣстная: но Наполеонъ надѣялся на то, что теперь у него будетъ войско со всей Европы, и Россіи нельзя будетъ съ нимъ бороться; испугается, станетъ просить мира и приметъ миръ, какой ему будетъ угодно дать ей.

Съ 1811 года Наполеонъ сталъ собираться на Россію. Лѣтомъ 1812 года онъ придвинулъ къ русскимъ границамъ 600,000 войска, въ которомъ были кромѣ французовъ итальянцы, голландцы, австрійцы, прусаки, нѣмцы всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ, испанцы, португальцы, поляки.

11 іюня Наполеоновская армія перешла рѣку Нѣманъ между Ковно и Гродно. Императоръ Александръ находился въ это время въ Вильнѣ. Узнавъ о вторженіи непріятеля, онъ далъ приказъ войскамъ, въ которомъ говорилось: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ и воинамъ

нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ"! Тогда же императоръ Александръ объявилъ: „Я не положу оружія, доколѣ, ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ".

4. Война до назначенія Кутузова главнокомандующимъ.

Въ манифестѣ государя, изданномъ 6 іюля, русскіе люди читали: „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына [1]), въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ,—никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ". Русскіе люди немедленно откликнулись на этотъ призывъ. Въ Смоленскѣ дворянство заявило, что выставляетъ 20,000 ратниковъ для земскаго ополченія. 11 іюля государь пріѣхалъ въ Москву: здѣсь дворянство опредѣлило выставить 80,000 ратниковъ и пожертвовало до трехъ милліоновъ деньгами, а купечество до 10-ти милліоновъ. И вообще въ Россіи выставлено было добровольно до 320,000 ратниковъ и пожертвовано не менѣе 100 милліоновъ рублей денегъ.

Число настоящаго войска, которое Россія могла выставить въ началѣ противъ французовъ, простиралось до 200,000 человѣкъ. Войско было раздѣлено на двѣ части: одна была подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли, а другая—князя Багратіона; потомъ обѣ части соединились. Генералы [2]) отлично отбивали непріятеля отъ этого города; но скоро не за что стало биться: отъ страшной

[1]) *Авраамій Палицынъ,* келарь (монахъ, завѣдующій хозяйствомъ монастырскимъ) Троицкаго Сергіева монастыря, въ 1611 году вмѣстѣ съ архимандритомъ Діонисіемъ выслалъ на помощь Москвѣ, опустошаемой поляками, всѣхъ ратныхъ людей монастыря и участвовалъ самъ въ битвахъ, а въ 1618 г. отстоялъ съ монахами Тр. Серг. монастырь отъ поляковъ.

[2]) Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Невѣровскій.

стрѣльбы, отъ пожара Смоленскъ представлялъ груды развалинъ. Русскіе отступили, и французы заняли Смоленскъ; но здѣсь изъ 2250 домовъ уцѣлѣло только 350; улицы были завалены тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Наполеонъ увидалъ, что война въ Россіи вовсе не такая, къ какой онъ привыкъ въ другихъ странахъ, и попытался завести мирные переговоры; толковалъ, что русскіе ему вовсе не враги, а императоръ Александръ другъ, что не стоитъ вести войны изъ-за кофе и сахара, что ничего не выйдетъ хорошаго, когда онъ займетъ Москву. Отвѣта ему не было. Что тутъ было дѣлать Наполеону? возвратиться нельзя—стыдно; пошелъ дальше на Москву.

---

5. Назначеніе Кутузова и Бородинская битва.

Императоръ Александръ назначилъ тогда одного главнокомандующаго надъ всѣмъ войскомъ, стараго шестидесяти-семилѣтняго генерала Михаила Иларіоновича Кутузова. Кутузовъ сталъ извѣстенъ, какъ отличный генералъ при императрицѣ Екатеринѣ; его любили Румянцевъ и Суворовъ; недавно прославился онъ блистательнымъ окончаніемъ турецкой войны. 17 августа пріѣхалъ къ войску новый главнокомандующій. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, говорили солдаты. Имъ тяжело было все отступать, хотя отступать и было нужно; и Кутузовъ сначала пошелъ назадъ, но остановился въ 108 верстахъ отъ Москвы, въ Можайскомъ уѣздѣ, у Бородина. Здѣсь 26 августа, на разсвѣтѣ началось сраженіе, и къ вечеру, когда оно прекратилось, съ обѣихъ сторонъ, у русскихъ и французовъ, выбыло изъ строя болѣе 100,000 человѣкъ. Поле сраженія осталось за русскими, и Кутузовъ хотѣлъ на другой день опять начать битву, но когда ночью сосчиталъ уронъ, то нашелъ, что биться нельзя и велѣлъ отступать къ Москвѣ. Французы шли слѣдомъ.

---

6. Оставленіе Москвы и пожаръ ея.

Узнавъ о приближеніи непріятеля, московскіе жители стали покидать свои домы и уѣзжать, преимущественно на сѣверъ и востокъ; укладывались и увозились дорогія казенныя вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы; Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами. Бѣдные шли пѣшкомъ, везли дѣтей на ручныхъ телѣжкахъ.

1-го сентября русское войско расположилось на бивакахъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы по Смоленской дорогѣ: на Поклонной горѣ, (съ которой путешественники, завидѣвъ Москву, кланяются ея святынѣ), [1]) сидѣлъ старикъ Кутузовъ; около него толпились генералы и толковали, что положеніе невыгодно, нельзя тутъ давать другого сраженія, Москву не спасти, только послѣднее войско погубится. Вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, держали военный совѣтъ и рѣшили—отдать Москву, и войску перейти черезъ нее на Рязанскую дорогу. 2-го сентября на разсвѣтѣ русскія войска начали переходить черезъ Москву, а за ними слѣдомъ явились французы. Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы, сказалъ: „Такъ вотъ онъ наконецъ, этотъ славный городъ!“ Подъѣхавъ къ заставѣ, Наполеонъ сошелъ съ лошади и прохаживался взадъ и впередъ, дожидаясь депутаціи: онъ по привычкѣ думалъ, что вотъ явятся къ нему самые знатные жители Москвы, поднесутъ ключи отъ города и будутъ говорить ему привѣтственныя рѣчи. Но онъ дожидался понапрасну: пришло нѣсколько иностранцевъ и объявили, что Москва пуста. Наполеонъ переночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, а на другой день, 3-го числа утромъ, переѣхалъ въ Кремль и помѣстился во дворцѣ. Но еще наканунѣ, 2-го сентября, начались пожары, а въ ночь съ 3-го на 4-е пламя обхватило большую часть города; въ полдень 4-го числа пожаръ вспыхнулъ

[1]) За Дорогомиловской заставой.

въ Кремлѣ, и Наполеонъ съ большимъ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ [1]). Въ продолженіе трехъ сутокъ сгорѣло въ Москвѣ три четверти домовъ; большая часть церквей была разрушена или разграблена. Русскіе, не захотѣвшіе оставить Москву, натерпѣлись большихъ бѣдъ, почти всѣ были обобраны дочиста; хлѣба достать было негдѣ, и если гдѣ французы прознаютъ хлѣбъ, сейчасъ отнимутъ; собирали овощи по огородамъ, доставали мокрую муку съ барокъ, сѣвшихъ на дно. Французы ѣли не вкуснѣе: у нихъ разложены были костры изъ дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами; на кострахъ кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; по улицамъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе, а хлѣба не было.

Приближеніе зимы, которую надобно было встрѣчать въ пустой обгорѣлой Москвѣ, сильно безпокоило Наполеона. Онъ не зналъ, что это такое дѣлается, куда онъ зашелъ. Привыкъ онъ, что какъ скоро овладѣвалъ столицею государства, то война кончена, у него просятъ мира, соглашаются на всѣ его требованія; а тутъ занялъ онъ столицу: столица оказалась пустая и сейчасъ же сгорѣла; и ни откуда ни слуху, ни духу. Попробовалъ онъ опять предложить миръ императору Александру—отвѣта не было; попробовалъ пригрозить, что пойдетъ на Петербургъ—нѣтъ отвѣта. Императоръ Александръ сказалъ своимъ, когда узналъ о потерѣ Москвы: „Я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить“.

С. Соловьевъ.

---

7. Изъ записокъ о 1812 годѣ.

Іюля 11, 3 ч. утра.

Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ, близъ Дорогомиловскаго моста. 11-го іюля,

[1]) Въ Петровскомъ паркѣ.

на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: „мы пропали!“ и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6 іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: „Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!“

Іюля 11, 5 час. утра.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступившему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: то же нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Спѣшилъ я съ одною мыслію: отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя и секретаря графа. Говорю секретарю, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. „Нельзя“, отвѣчаетъ онъ: „графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ [1]).“— „Позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку“. Привѣтливо секретарь подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: „Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій: но гдѣ кого застала опасность, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на 300 руб. серебра“.

Такимъ образомъ 1812-го года іюля 11-го мнѣ перво-

1) Тогдашній начальникъ кремлевской экспедиціи.

му удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ унижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забывалъ, что въ то самое мгновеніе гремѣли битвы и за Днѣпромъ, и у Днѣпра, и на Двинѣ, и за Двиной.

Іюля 11-го—9 ч. утра.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали [1]) по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались итти и спѣшить на встрѣчу государя.

Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: „мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!“ Довѣренность безмятежная обладала умами.

Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: „Пойдемъ въ храмы Господни: помолимся за царя-государя, а оттуда—за заставу“. Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: „куда идешь?“ И общій отвѣтъ: „на встрѣчу государю, за заставу!“

С. Глинка [2]).

---

[1]) *Витать*—жить.—[2]) Сергѣй Николаевичъ Глинка, въ то время отставной маіоръ, въ 1806 г. служившій въ Смоленскомъ ополченіи, а съ 1808 до 1825 года издававшій въ Москвѣ журналъ „Русскій Вѣстникъ“.

8. Грабежи въ Москвѣ.

(изъ разсказовъ очевидцевъ о москвѣ въ 1812 г.).

По словамъ очевидцевъ [1]), послѣ того какъ прекратились пожары (8 сентября, въ воскресенье), и Наполеонъ снова поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ, они надѣялись вздохнуть свободнѣе, полагая, что послѣ грозы наступитъ тишина. „Въ первую недѣлю никто не смѣлъ выходить изъ дому, изъ опасенія быть ограбленнымъ на улицѣ. Несчастные погорѣльцы извѣдали это собственнымъ опытомъ. Вторая недѣля не болѣе внушила довѣрія. Все, что̀ уцѣлѣло отъ огня, не сдѣлалось снова его жертвою; но все, что уцѣлѣло отъ жадности солдатъ послѣ первыхъ ихъ поисковъ, сдѣлалось вновь жертвою ихъ алчности“.

По возвращеніи Наполеона въ Кремль, вся его многочисленная свита, всѣ военные начальники и офицеры, которымъ такъ надоѣла жизнь на бивакахъ, двинулись за нимъ и заняли всѣ уцѣлѣвшіе дома. Собственныя выгоды побуждали ихъ охранять свои помѣщенія отъ грабежа. Подъ ихъ покровъ укрылись и многіе изъ московскихъ жителей, прежде проживавшіе въ этихъ домахъ или случайно загнанные въ нихъ. Пользуясь ихъ защитою, они сопротивлялись грабителямъ при помощи французскихъ солдатъ, которыхъ имъ назначили для ихъ охраны. Это обстоятельство было поводомъ къ мелкой, но по всему городу распространившейся междоусобной войнѣ въ средѣ великой арміи.

Русскіе люди, разсказывая потомъ объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, говорили: „Надо по совѣсти сказать, настоящіе-то французы очень добры; гдѣ стащатъ, а гдѣ и своимъ подѣлятся. А пришельцевъ ихъ въ народѣ пуще собакъ ненавидѣли: въ нихъ жалости нѣтъ“. „Намъ на нихъ жаловаться нечего“, разсказывала одна послушница Рождественскаго монастыря, бывшая въ то время 12-тилѣтней дѣвочкою; что правда, то правда — добра-то они

[1]) Московскихъ обывателей.

нашего не щадили, а все грѣшно сказать, чтобы они до-чиста обобрали; что на насъ увидятъ, того не берутъ. Одинъ только разъ вышла матушка-игуменья въ шубкѣ и въ мѣховомъ воротникѣ. Подошелъ французъ, захватилъ шубку за полу и тащитъ. Дѣлать нечего, матушка сняла ее съ себя, а онъ вынулъ саблю, отрѣзалъ воротникъ, а шубку отдалъ матушкѣ назадъ. А меня они всѣ ласкали (она была больна, не владѣла ногами): видно я имъ ужъ очень жалка была. Каждый день, бывало, пойдутъ они на добычу и чего-чего не нанесутъ: и варенья, и смоквъ, и пряниковъ; всякихъ кренделей, потому что въ лавкахъ и кладовыхъ много оставалось запасовъ. Какъ бывало придутъ съ кульками да съ узлами, такъ мнѣ полныя колѣни всякой всячины насыплютъ; ласкаютъ меня, бывало, по головѣ гладятъ и все говорятъ: бо, бо, бо, бо. Добрые были ребята".

Съ постоемъ грабежъ мародеровъ [1]) по домамъ прекратился. Внѣ же домовъ происходили иногда ужасныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. По той сторонѣ верхняго Прѣсненскаго пруда шелъ кто-то изъ русскихъ и вздумалъ понюхать табаку изъ серебряной табакерки. Къ несчастію его, въ это самое время поравнялся съ нимъ ѣхавшій верхомъ непріятельскій уланъ. Увидавъ серебряную табакерку, онъ тотчасъ потребовалъ ее себѣ. Русскому не хотѣлось разстаться съ своею собственностію. Уланъ нисколько не задумался: въ одно мгновеніе проткнулъ его пикой и воспользовался табакеркой. При пораженіи, несчастный упалъ спиной на скамейку, голова его свѣсилась назадъ, а ноги касались земли. Въ этомъ положеніи онъ находился болѣе недѣли.

Въ эту годину горя и страданій всѣ братски помогали другъ другу и взаимно облегчали страданія. Многіе изъ жителей скрывались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ развалинахъ, въ надворныхъ постройкахъ, въ ямахъ и погре-

[1]) *Мародеръ*—солдатъ-грабитель.

бахъ, гдѣ, притаившись, сидѣли днемъ и выходили ночью или рано утромъ, чтобы добыть дневное пропитаніе. Большая же часть оставалась подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, пустыряхъ многочисленныхъ въ тогдашней Москвѣ, и на кладбищахъ. Такъ описывается въ одномъ изъ современныхъ сказаній житье-бытье московскихъ погорѣльцевъ на Орловомъ лугу [1]).

---

9. На Орловомъ лугу.

(РАЗСКАЗЪ ДЬЯКОНИЦЫ).

Въ числѣ немногихъ, твердо вѣровавшихъ, что въ Москву Бонапарта не допустятъ, былъ дьяконъ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ. Но когда въ первый же день вступленія непріятелей въ Москву, незванные гости нѣсколько разъ посѣтили его домъ, онъ рѣшился уйти изъ Москвы съ молодою женою и грудным ребенкомъ. „Но куда же мы пойдемъ?“ спрашивала его жена.—„Куда глаза глядятъ“, отвѣчалъ дьяконъ: „намъ здѣсь ужъ мѣста нѣтъ“.

„Но лишь только мы прошли шаговъ сто“ (разсказывала потомъ дьяконица), „какъ повстрѣчались съ однимъ изъ нашихъ прихожанъ.—„Куда идете, отецъ дьяконъ?“ „Мужъ говоритъ: „Идемъ на авось, къ Калужской заставѣ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается“. А тотъ говоритъ: „Тамъ стоятъ французскіе караульные и васъ изъ Москвы не выпустятъ; а шли бы вы къ Крымскому броду, на Орловъ лугъ; туда много народу сошлось; и я со своими туда думаю пробраться“. Повернули мы къ Крымскому броду и видимъ издали на Орловомъ народу, что муравейникъ. Сѣли тутъ и мы. Я стала оглядываться и прислушиваться. Чего-чего тамъ не было? И старый, и малый; и нищій, и богатый; корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, щенки, сундуки. Всѣ расположились на лугу, и говоръ-то, говоръ—что пчелиный рой. Около насъ лежала больная. Такъ ее жаль сердечную! Молоденькая да хорошенькая,

[1]) Близъ Нескучнаго сада.

и видно, что въ богатствѣ жила, а какую нужду пришлось терпѣть! Всѣ за ней ухаживали, кто чѣмъ могъ пособлялъ. Какъ придетъ ночь, одѣнуть ее потеплѣе и уложатъ попокойнѣе. Да ужъ какой покой на землѣ, подъ открытомъ небомъ! При ней была горничная дѣвушка, и все-то она плакала и разсказывала намъ, что пріѣзжала она съ бариномъ и барыней изъ деревни не надолго въ Москву, и остановились они въ пустомъ домѣ у родственниковъ. Баринъ-то въ армію уѣхалъ, а женѣ велѣлъ въ деревню отправляться. Она, бѣдняжка, разнемоглась, отъ того и замѣшкалась, а ужъ тутъ, видите, больная ли, здоровая ли, а ѣхать надо, и собрались. Все уже было готово; карета заложенная у подъѣзда стояла; вышли они уже совсѣмъ садиться, а тутъ французы нагрянули и стали все изъ кареты выбирать. Хотѣли кучеръ и лакей заступиться, а французы ихъ разогнали. Люди бѣжали неизвѣстно куда, и такъ пропали безъ вѣсти; а у насъ (говорила горничная) мало пожитки отняли,—и карету увезли. Куда дѣваться? Въ пустомъ домѣ страхъ беретъ; я и привела ее сюда черезъ силу. Говорятъ, на людяхъ и смерть красна. Живемъ мы здѣсь недѣлю и больше, а больная не поправляется и тоскуетъ. Дѣвушка ея и придумала: „пойду я, говоритъ, на счастье: узнаю, нѣтъ ли кого изъ ея родственниковъ и знакомыхъ; а я съ ней одна ума не приложу, что дѣлать“. Ушла она, а меня просила за больной присмотрѣть. Часа черезъ три приходитъ, а съ ней старичокъ, дядя этой барыньки. Какъ она ему обрадовалась! Обнимала, обнимала, а сама плачетъ! Онъ говоритъ: „успокойся, я тебя отсюда возьму, и уѣдемъ мы въ деревню. Теперь трудненько найти здѣсь лошадей, да авось Богъ поможетъ; я попрошу французскихъ начальниковъ, чтобъ они намъ пропускъ дали“. И точно, дня черезъ два пріѣхалъ онъ въ коляскѣ, парой, а за нимъ два французскіе солдата верхомъ. Они всѣхъ насъ благодарили за уходъ, а мы за нее, бѣдняжку, такъ рады! Перенесли ее въ коляску, и они уѣхали“. И жители этой юдоли плача испытывали иногда радостныя впечатлѣнія!

„Погода на наше счастіе (продолжаетъ разсказчица) стояла сухая; только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся бывало всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. Насчетъ пищи мы жили безъ нужды: всѣ кондитерскія остались отперты, да частныя кладовыя, да ряды. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось. Цѣлые цыбики чаю стояли, головы сахара и всякаго было много съѣстнаго припаса. У насъ на лугу постоянно самовары кипѣли; либо разложимъ огонь и варимъ какую-нибудь похлебку. Провизію брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что она и безъ того бы не уцѣлѣла; опять, не умирать же намъ съ голоду! Но вотъ бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили не хуже непріятеля. Уйдутъ бывало съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собою цѣлые узлы накраденныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно! Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возьмутъ, а покорыстоваться все-таки не придется. Иной разъ еще не донесутъ до мѣста награбленнаго добра, а непріятели его отобьютъ. И страшно было, и грустно. А иной разъ, по молодости, разболтаешься съ добрыми людьми и повеселѣешь. Помню я разъ, что смѣху-то было“.

Кухарка разсказчицы отправилась въ гостиный дворъ поискать провизіи: съ ней пошелъ молодой двоюродный братъ дьяконицы, прослышавшій, что въ лавкахъ стоятъ цѣлыя бочки съ медомъ. Едва онъ нашелъ ихъ и хотѣлъ наполнить медомъ принесенный кувшинчикъ, какъ подоспѣли непріятельскіе солдаты, отняли у него кувшинчикъ и за сопротивленіе бросили его самого головою въ бочку съ медомъ и со смѣхомъ ушли. Много стоило усилій мальчику выбраться изъ бочки, и еще болѣе кухаркѣ обмыть его на рѣкѣ отъ липкаго меду. Эта любезная шутка грабителей и вызывала веселый смѣхъ у обитателей Орлова луга. Смѣялась молодежь, хотя тяжелая грусть подступала къ сердцу. У молодой дьяконицы таялъ и умиралъ на рукахъ ребенокъ, ея первенецъ, отъ голоду. Съ испугу она потеряла молоко, а ребенокъ съ трудомъ принималъ другую пищу.

„Москва горѣла (продолжаетъ разсказчица), разлился пожаръ во всѣ стороны, что огненное море, вспомнить-то страшно! Ходили, что ни день, съ Орлова луга каждый въ свою сторону, узнать, что тамъ дѣлается, и многіе возвращались съ плачемъ и разсказывали, что отъ ихъ домовъ остались одни обгорѣлые столбы. Ждали и мы своей очереди — и дождались. Сначала, кто изъ прихожанъ ходилъ къ намъ на Якиманку, разсказывалъ, что у насъ пока все благополучно, и что въ домѣ Рахманова, противъ самыхъ воротъ, квартируютъ французы, и ихъ генерала всѣ хвалили: говорили, что никого изъ нашихъ, кто остался въ сторонѣ, онъ не обижаетъ. Разъ сидимъ мы ранешенько утромъ, толкуемъ о своемъ горѣ, вдругъ прибѣжали къ намъ мальчишки съ Якиманки (родители-то ихъ къ намъ прихожане были) и кричатъ въ нѣсколько голосовъ: „ну, отецъ дьяконъ, сгорѣлъ твой домъ, весь до тла сгорѣлъ; и батюшкинъ, и дьячковскій—все погорѣло!“ Какъ я это услыхала, то себя не вспомнила, да такъ и взвыла. А мужъ взглянулъ на меня и говоритъ: „О чемъ ты плачешь? Видишь, все гибнетъ, и мы погибнемъ; а ты о своей лачужкѣ плакать вздумала!“ Такой онъ былъ мрачный и сердитый съ того самаго дня, какъ къ намъ французы пришли: словно его варомъ обдало; не смѣешь бывало съ нимъ слова вымолвить. Ни на что онъ не жалавался, а желтый такой сталъ, да блѣдный, настоящимъ смотрѣлъ старикомъ.

Сначала къ намъ непріятелей хаживало немного. Придутъ бывало, обойдутъ Орловъ лугъ, и что имъ приглянется, стащутъ: платокъ ли съ кого, съѣстное ли что. Всякій радъ имъ отдать, лишь бы только ушли. А потомъ все чаще къ намъ заглядывать повадились, отъ того ли, что провизія вездѣ стала истощаться, или они бродили отыскивать себѣ добычи, ужъ не знаю. Иные не очень насъ разобижали, а отъ другихъ просто житья не было. Разъ, помню, идутъ ихъ человѣка четыре и несутъ большіе мѣшки,—должно быть, что-нибудь награбили,—и по-

звали они какого-то мѣщанина да моего мужа имъ пособить. А Дмитрій Васильевичъ говоритъ: „не пойду; я и такъ еле ноги таскаю“, обратился спокойно и пошелъ въ другую сторону. Они разсердились и бросились къ нему. Одинъ выхватилъ саблю и показываетъ, что убьетъ мужа, если онъ съ ними не пойдетъ. Наши прихожане закричали: „иди, отецъ дьяконъ; вѣдь ихъ окаянныхъ не переспоришь“. И я закричала: „голубчикъ мой, не губи ты себя; не покинь меня сироту съ малымъ ребенкомъ“. Онъ не отозвался взялъ мѣшокъ и пошелъ съ ними.

Такъ проживали несчастные москвичи, собираясь на городскихъ пустыряхъ, садахъ и кладбищахъ. Но житье-бытье на Орловомъ лугу было сравнительно лучше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ приведенномъ разсказѣ не говорится ни объ убійствахъ, ни о безчеловѣчныхъ насиліяхъ, которыя совершались повсюду и вызывали месть со стороны русскихъ. Въ приближенныхъ къ Орлову лугу частяхъ города былъ расположенъ постоемъ корпусъ маршала Даву, и его квартира находилась на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ кн. Щербатова [1]). Этотъ маршалъ отличался неумолимою строгостію, поддерживая порядокъ и дисциплину между своими солдатами. Вѣроятно, грабители, посѣщавшіе Орловъ лугъ, принадлежали къ этому корпусу и опасались, чтобы жалобы на ихъ дѣйствія не дошли до маршала, который не пощадилъ бы виновныхъ.

10. Грѣшное дѣло.

(изъ разсказовъ очевидца).

Не одно чувство самосохраненія, безъ сомнѣнія, служило главною побудительною причиною къ избіенію непріятелей, но и чувство мести, естественно возбужденное неистовствами грабителей и святотатствомъ великой арміи. Много непріятелей погибло въ разныхъ углахъ Москвы, въ колодцахъ, подвалахъ, погребахъ и прудахъ.

[1]) Впослѣдствіи М. П. Погодина.

„Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло“, разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ. „Иду я разъ раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю: хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что теперь Мальцева [1]), вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова, по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ французъ и зоветъ его. Я поскорѣе спрятался за уголъ забора, чтобы онъ и меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ, а нашъ манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу нашъ побѣжалъ къ колодцу и машетъ руками и въ колодецъ показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками и бросилъ его въ колодецъ. Я слышалъ, какъ крикнулъ французъ, и меня точно варомъ обдало. Стою я на своемъ мѣстѣ точно прикованный. Тутъ вижу, нашъ вышелъ онять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. „Что“, говоритъ, „видѣлъ? хоть однимъ меньше!“ А я говорю: „За что ты его сгубилъ? Вѣдь онъ на тебя не напалъ“. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: „Должно быть у тебя жены не отнимали, да никто изъ твоихъ подъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что колѣныхъ лошадей въ нашихъ храмахъ!“ — „Что жъ?“ говорю, „за ихъ грѣхи да кощунство Господь ихъ накажетъ: а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а невиннаго да безоружнаго намъ губить не показано“. Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону; а я не помню, какъ домой добрелъ: все-то мнѣ мерещилось, какъ французъ въ колодцѣ тонетъ“.

Хотя вообще во время войны наступательной въ нѣдрахъ отечества, войны, сопровождаемой поступками такого необузданнаго звѣрства, подобный образъ дѣйствій пред-

[1] Нынѣ Усачевско-Чернявское женское училище.

ставляется неизбѣжнымъ: но во всякомъ случаѣ нельзя не остановиться съ сочувствіемъ на томъ впечатлѣніи, которое этотъ поступокъ произвелъ на другого русскаго человѣка. Всякое убійство не въ рядахъ войскъ или добровольно вооружившихся противъ врага гражданъ, не во время сраженій, русскій человѣкъ считаетъ преступленіемъ. Будь оно вызвано даже необходимостью самозащиты, оно тяготитъ его впослѣдствіи какъ грѣхъ.

---

11. Святотатства французовъ.

(изъ разсказовъ очевидца).

Многочисленные церкви и монастыри московскіе привлекли конечно особенное вниманіе опытныхъ грабителей, посѣщавшихъ уже христіанскіе храмы западной Европы, особенно въ Италіи и Испаніи... Въ московскихъ храмахъ и монастыряхъ можно было захватить много золота, серебра, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней. Непріятели наслышались о богатствахъ столицы и о благочестіи ея жителей. Ихъ ожиданія далеко не были удовлетворены. Назначенныя графомъ Растопчинымъ въ распоряженіе архіепископа Августина 300 подводъ увезли, конечно, значительное количество церковныхъ сокровищъ: но 267 приходскихъ церквей (не считая домовыхъ) и 24 монастыря внутри Москвы и 3 подгородныхъ обладали такимъ огромнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ украшеній, ризъ на иконахъ и церковной утвари, что, конечно, этотъ обозъ не могъ вывезти всего.

Изъ пяти женскихъ монастырей и одного мужского ни ризницы, ни утварь вовсе не были вывезены, точно также какъ и изъ большей части московскихъ церквей. Конечно, въ виду грозившей опасности, вездѣ были приняты мѣры, чтобы скрыть отъ непріятеля церковныя драгоцѣнности: ихъ или зарывали въ землю, или опускали въ пруды и озера, или скрывали въ другихъ мѣстахъ, казавшихся наиболѣе безопасными. Такими способами удалось

дѣйствительно уберечь отъ расхищенія многіе изъ нихъ: но за то это тяжело отозвалось на оставшихся въ Москвѣ жителяхъ и особенно монашествующихъ и бѣлаго духовенства. Опытные грабители тотчасъ смекнули, что церковныя имущества гдѣ либо спрятаны. Они не вѣрили, что бо́льшая часть ихъ была уже далеко отъ Москвы, и употребляли всѣ способы отыскать ихъ. Непріятели врывались, болѣе или менѣе значительными шайками, въ церкви и начинали съ того, что забирали всѣ драгоцѣнности, которыя оставались на виду: ризы, сосуды и другую утварь, обдирали ризы и вѣнчики съ иконъ. Потомъ начинался допросъ монахамъ, священно и церковно-служителямъ о томъ, гдѣ сокрыто церковное имущество. Требуя подъ угрозою смерти указаній, грабители сопровождали свои вопросы всевозможными побоями и истязаніями. Въ Богоявленскомъ монастырѣ непріятели таскали казначея, престарѣлаго іеромонаха Антонія, за волосы и бороду, приставляли къ груди штыки, домогаясь, гдѣ имущество; разломали кладовыя и все разграбили. Потомъ взяли казначея и монаховъ подъ ноши въ ряды, и они несли оттуда сукно и красное вино по Тверской, среди пылающихъ домовъ.

То же повторялось съ большею или меньшею жестокостью во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ храмахъ. Священника Сорока-святской церкви противъ Новоспасскаго монастыря замучили до смерти, и окровавленное его тѣло нѣсколько дней лежало въ Новинскомъ монастырѣ безъ погребенія, потому что и въ этомъ монастырѣ неистовствовали непріятели. По отъѣздѣ съ церковнымъ имуществомъ архимандрита Амвросія, въ этомъ монастырѣ съ немногими изъ монашествующихъ оставался престарѣлый намѣстникъ Никодимъ. Вторгнувшись въ монастырь, непріятели били его, допытываясь, гдѣ имущество, и вмѣстѣ съ однимъ послушникомъ привели въ соборный храмъ, неся надъ нимъ обнаженныя сабли. Они поставлены были посреди храма на колѣни съ припертыми къ груди

ружьями. Самъ начальникъ непріятельской партіи, приказывая имъ исповѣдать другъ друга, угрожалъ смертію изъ пистолета, если намѣстникъ не откроетъ мѣста храненія монастырскихъ сокровищъ. Наконецъ, видя угрозы и истязанія тщетными, французы освободили ихъ отъ страха смерти и разграбили нѣкоторые оставшіеся въ ризницѣ вещи и оклады съ иконъ, а также братскія кельи.

Во время сильныхъ пожаровъ за Москворѣчьемъ (5 сентября), грабя дома частныхъ лицъ, шайки поляковъ ворвались въ домъ престарѣлаго священника Троицкой церкви на Шаболовкѣ, въ глубокую ночь, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. „Они (по разсказу очевидца) разбрелись по разнымъ комнатамъ, ломали замки, раскалывали разный домашній скарбъ; но нигдѣ не найдя ничего драгоцѣннаго, собрались въ комнату, въ которой мы находились, окружили священника и съ яростью кричали: „Попъ, сказывай гдѣ ты сховалъ [1]) церковное золото и серебро?“ Старецъ съ безстрашіемъ и спокойнымъ видомъ отвѣчалъ, указывая на крестъ и Евангеліе, лежавшее на аналоѣ: „Всѣ сокровища міра во Христѣ Іисусѣ!“ Злодѣи, раздраженные и не удовлетворенные отвѣтомъ, выхвативъ сабли изъ ноженъ и потрясая надъ головою пастыря, съ неистовствомъ вопили: „смерть или деньги!“ Старикъ, не смущаясь, хладнокровно указалъ имъ на лежавшій въ углу мѣшокъ, въ которомъ хранились мѣдныя деньги для раздачи нищимъ. Грабители бросились на мѣшокъ; но видя свои надежды обманутыми, еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, приставивъ къ груди острія сабель, кричали: „давай золота, серебра!“ Въ эту минуту старинные стѣнные часы зашипѣли, кукушка прокуковала полночь, и вдругъ вся комната освѣтилась отъ пожара загорѣвшагося сосѣдняго дома. Разбойники въ испугѣ бросились вонъ изъ дома“.

Грабежъ, соединенный съ убійствами, побоями, изнуреніемъ оставшихся въ Москвѣ жителей переноскою тяже-

[1]) Спряталъ.

стей и другими работами, сопровождался почти повсемѣстно кощунствомъ и оскверненіемъ храмовъ. Умышленно ругаясь надъ святынею, непріятели постоянно устраивали конюшни въ храмахъ, выбрасывали иконы, раскалывали ихъ и употребляли вмѣсто дровъ, вбивали гвозди въ лики святыхъ; престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ; иконы употребляли, чтобы стрѣлять въ нихъ въ цѣль. „Я самъ видѣлъ“, разсказываетъ одинъ иностранецъ, оставшійся въ Москвѣ въ то время, „какъ подлѣ Красныхъ воротъ была употребляема съ этою цѣлію весьма почитаемая икона“.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были устроены бойни, какъ въ Петровскомъ и Даниловомъ. „Проходя мимо Петровскаго монастыря“, разсказываетъ очевидецъ, „я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ русскихъ, которые съ любопытствомъ заглядывали въ монастырскія ворота. Подражая имъ, я также взглянулъ туда, но въ какое пришелъ изумленіе, увидавъ весь монастырскій помостъ покрытымъ спекшеюся кровью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валялись внутренности животныхъ, которыя гніеніемъ производили сильное зловоніе. Зажавъ носъ и вытаращивъ глаза, съ удивленіемъ я спросилъ зрителей, что здѣсь происходитъ. Одинъ изъ толпы отвѣчалъ: „развѣ не видишь, что тутъ непріятельская бойня!“ Оставивъ дожидавшихся мясной провизіи и проходя мимо соборной церкви, увидалъ я въ растворенныя двери въ ней устроенную мясную лавку; вокругъ стѣнъ, на широкихъ полкахъ лежали разныя части мяса; на паникадилахъ и на вколоченныхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли внутренности животныхъ и разныя птицы“.

„Въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто паникадила висѣли вѣсы, на которыхъ вѣшали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; на иконостасѣ написаны были цыфры: 315 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота. Тутъ стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей. Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса,

сѣна и соломы для лошадей самого Наполеона. Въ Верхоспасскомъ соборѣ престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ; въ немъ стояли кровати. Маршалъ Даву, пріѣзжая съ докладами съ Дѣвичьяго поля и оставаясь по долгу въ Кремлѣ, устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ главнаго храма въ Чудовомъ монастырѣ: „Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмо-Демьяновской церкви (разсказываетъ очевидецъ) изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоявшаго на паперти непріятеля. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ, безъ галстука, съ накинутою на плечи шинелью. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и убійства. Посрединѣ храма пылалъ костеръ; вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ; надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Желая, быть можетъ, похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, церковный постоялецъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы; тутъ же находились разныя овощи: картофель капуста и пр. На вбитыхъ въ иконостасы гвоздяхъ висѣли конская сбруя и военная амуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскія врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ увидѣлъ я стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою. И тамъ же стояла лошадь въ алтарѣ, ѣвшая овесъ изъ купѣли, въ которой крестятъ новорожденныхъ. Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста“.

12. Добрыя черты французовъ.

Не могла однакоже вся непріятельская армія, занявшая Москву, состоять изъ однихъ безчеловѣчныхъ грабителей. Не смотря на естественное ожесточеніе противъ французовъ, народная память безпристрастно сохранила и добрыя черты ихъ.

Генералъ Кампанъ, извѣстный храбростью начальникъ дивизіи, раненный, поселился въ домѣ Всеволожскаго, близъ Дѣвичьяго поля, гдѣ уже стояли французскіе офицеры. Онъ любовался часами, стоявшими на каминѣ въ той комнатѣ, которую онъ занималъ. Оставляя Москву, онъ не уберегся отъ искушенія и объявилъ, что беретъ эти часы себѣ по праву завоеванія, но, не желая взять даромъ, оставляетъ за нихъ свою лошадь хозяину дома. „Это прекрасная лошадь," говорилъ онъ: „и г. Всеволжскій будетъ ею доволенъ". Дѣйствительно, она находилась потомъ на его конномъ заводѣ и называлась madame Kampan. Жившіе въ этомъ домѣ французы весело проводили время: кладовыя и погреба Всеволожскаго доставляли имъ полную возможность роскошно кушать. Въ этомъ домѣ, кромѣ множества дворовыхъ, оставшихся послѣ отъѣзда господъ, было и нѣсколько французовъ, которые служили при его типографіи. Дворовые, въ ожиданіи нашествія непріятеля, вырыли норы въ саду, въ которыхъ рѣшились спрятать своихъ женъ и дѣтей. Ночью они приносили имъ пищу. Но это продолжалось не долго. Въ скоромъ времени дворовые убѣдились, что французъ никого не обижаетъ, и заключенные были выпущены изъ своихъ норъ.

Главный докторъ великой арміи, Ларрей, и нѣкоторые изъ его помощниковъ оставили признательную память между нашими ранеными, не вывезенными изъ Москвы. А. С. Норовъ, которому ногу оторвало въ Бородинскомъ сраженіи, лежалъ вмѣстѣ съ другими, также тяжело ранеными, въ Голицинской больницѣ, когда непріятели заняли Москву. Съ тѣхъ поръ, какъ ему отняли ногу подъ Бородинымъ, ему не было подано никакой помощи. Первую перевязку ему сдѣлалъ самъ Ларрей и спасъ ему жизнь. Поручая его потомъ попеченію своего помощника, Ларрей сказалъ: „Вы мнѣ отвѣчаете за жизнь этого молодого человѣка".

13. Бѣдствія французовъ.

Биваки французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, занимали значительное вокругъ него простран-

ство и простирались до Тверскихъ воротъ. Сухая и ясная погода благопріятствовала пребыванію подъ открытымъ небомъ, хотя прохлада сентябрьскихъ ночей и давала себя чувствовать непривычнымъ къ московскому климату иностранцамъ. Но съ 5-го сентября пошелъ сильный дождь, продолжавшійся два дня. Онъ укротилъ силу пожара, но умножилъ неудобства бивачной жизни.

Наполеонъ рѣшился возвратиться въ Кремль. По дорогѣ между биваками и по улицамъ московскимъ онъ въ первый разъ увидалъ, въ какомъ положеніи находятся его войска. „Никогда не забудется то страшное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца“, говоритъ современникъ-очевидецъ: „Тамъ въ англійскомъ саду находились разные штабы [1]), входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались съ грабежа изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какія только находили“. Другой свидѣтель, описывая этотъ въѣздъ Наполеона въ опустошенную Москву, говоритъ: „Лагерь былъ расположенъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался мебелью изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверями изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ утлыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, толпились солдаты; а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли на креслахъ или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями диванахъ. Ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шалями, дорогими сибирскими мѣхами и персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли изжаренную конину: странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности!“

[1]) См. стр. 40.

Подвигаясь далѣе, поѣздъ Наполеона встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею или гнавшихъ передъ собою, какъ вьючныхъ животныхъ, русскихъ людей, которые едва не падали подъ тяжестью ноши. Городъ представлялъ поражающее зрѣлище. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія, но повсюду груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ, обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ развалинамъ скитались ограбленные жители, едва разными отрепьями прикрывая наготу и отыскивая пищи, а ихъ грабители, отыскивая добычи.

14. Развлеченія французовъ.

Чтобы заявить, такъ сказать, свою прочную осѣдлость на пепелищѣ Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развлечь офицеровъ и солдатъ, Наполеонъ, узнавъ, что въ числѣ французовъ, находившихся въ Москвѣ, оказалось нѣсколько актеровъ и актрисъ, поручилъ префекту дворца [1]) устроить театральныя представленія. Въ Москвѣ находилась постоянная труппа французскихъ актеровъ и актрисъ, которые давали представленія въ Императорскихъ театрахъ. Въ нихъ являлась передъ москвичами извѣстная г-жа Жоржъ и не менѣе извѣстный танцоръ Дюпоръ. Начальницею труппы была г-жа Аврора Бюрсе, главнымъ режиссеромъ—ея братъ. Эта труппа по случаю войны прекратила свои представленія. Многіе изъ ея членовъ, которыхъ договоры окончились, уѣхали изъ Москвы; нѣкоторые еще оставались. Префектъ пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ приказаніе императора открыть представленія. Ограбленные вполнѣ, явились къ нему остатки французской труппы, въ странныхъ отрепьяхъ, а нѣкоторые въ полунаготѣ. Защита отъ грабежа и достаточное вознагражденіе естественно заставили ихъ повиноваться приказанію, противъ котораго и возражать было опасно. „Трудно было устро-

[1]) *Префектъ дворца*—чиновникъ при дворѣ императора французскаго.

ить театральныя представленія“, говоритъ одна изъ актрисъ, „въ городѣ, совершенно разграбленномъ, гдѣ женщины не имѣли ни платьевъ, ни башмаковъ, а мужчины ни одеждъ, ни сапоговъ, гдѣ не было гвоздей, чтобъ укрѣпить кулисы, не было масла для лампъ. Набрали въ солдатскихъ казармахъ лентъ и цвѣтовъ, и мы играли на дымящихся развалинахъ. Когда намъ объявили объ этомъ намѣреніи, я приняла его за шутку. Но это была не шутка. Мы играли до оставленія французами Москвы, и Наполеонъ былъ очень щедръ въ отношеніи къ намъ“. Императорскій театръ, построенный въ 1803 г. на Арбатской площади, сгорѣлъ; но у нѣкоторыхъ изъ богатыхъ помѣщиковъ были домашніе театры. Такой театръ нашелся въ великолѣпномъ домѣ Познякова на Никитской. Домъ уцѣлѣлъ отъ пожара, но былъ ограбленъ. Приступили немедленно къ поправленію театра; а между тѣмъ префектъ при помощи г-жи Бюрсе и другихъ актеровъ и актрисъ составилъ репертуаръ [1]).

Репертуаръ былъ составленъ; театральная зала приведена въ порядокъ; занавѣсъ, сшитый изъ парчи, отдѣлялъ сцену отъ партера, который освѣщала большая, взятая изъ церкви, люстра; дорогая мебель набрана изъ домовъ частныхъ лицъ. Костюмы актеровъ и актрисъ, также какъ и убранство театра, показывали, при какихъ обстоятельствахъ онъ возникъ. „Понадобилась даже парча отъ священническихъ ризъ, клочки которыхъ солдаты промѣнивали за кусокъ хлѣба“. Черезъ три дня послѣ приказанія Наполеона, 25 сентября новаго стиля, удалось открыть представленія двумя піесами. Потомъ дано было еще десять представленій, продолжавшихся до самаго выхода французскихъ войскъ изъ Москвы. Съ наступленіемъ ночи, въ то время, когда Москва покрывалась мракомъ, среди котораго кое-гдѣ тлѣвшійся подъ пепломъ огонь обозначался столбами дыма, когда между развалинъ бродили лишь

[1]) *Репертуаръ*—выборъ піесъ для представленія.

немногіе томимые голодомъ и отыскивающіе пищи русскіе или непріятельскіе грабители, домъ Познякова горѣлъ блестящими огнями, и освѣщенная Никитская была покрыта экипажами разнаго рода; вокругъ дома стояла стража, наряженная отъ разныхъ полковъ, и множество бочекъ, наполненныхъ водой: французы опасались, чтобы и домъ Познякова не былъ подожженъ, и строго его оберегали. Оркестръ былъ составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, но въ ихъ числѣ были и двое русскихъ: первый скрипачъ—солистъ московскаго театра Поляковъ и віолончелистъ Татариновъ. Подслушавъ ихъ игру, французы завербовали ихъ въ свой оркестръ. Партеръ занимали обыкновенно солдаты, и въ первыхъ рядахъ помѣщались заслуженные гвардейцы, украшенные орденомъ почетнаго легіона. Ложи наполняли офицеры разныхъ чиновъ, между которыми кое-гдѣ замѣчались и женщины, оставшіяся въ Москвѣ француженки. Цѣны за мѣста были умѣренныя. Часть изъ собранныхъ денегъ употреблялась на освѣщеніе и отопленіе театра, а остальная раздѣлялась между артистами. Генералы и маршалы, съ ихъ штабами, также постоянно посѣщали представленія, какъ и солдаты. Въ темнотѣ ночи пробирались они туда по московскимъ развалинамъ. Г-жа Бюрсе едва успѣвала собирать деньги, которыя они горстями сыпали на ея прилавокъ. Афиши были писанныя; не было входныхъ билетовъ, ни ихъ раздачи по обычаю; но при входѣ въ театръ платили деньги. Простые французы платили также щедро и никогда не требовали сдачи; даже солдаты платили дороже назначенной цѣны.

19 октября еще было представленіе, и объявлены піесы, назначенныя на другой день. „Возвратясь изъ театра“, говоритъ г-жа Фюзель, „я приготовляла себѣ платье для роли, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: „Что вы дѣлаете?“—„Вы видите, приготовляю платье къ завтрашнему вечеру“, отвѣчала я.—„Позаботьтесь лучше приготовить чемоданы къ завтрашнему утру, потому что

мы въ 2 часа утра выступаемъ". Я была поражена, но послѣдовала совѣту. На другой день съ разсвѣтомъ дѣйствительно всѣ собрались выступать".

---

15. Выступленіе французовъ изъ Москвы.

Впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи, было весьма сильное, какъ свидѣтельствуютъ всѣ современники и очевидцы, и это несомнѣнно доказывается тою торопливостью, съ которою онъ вывелъ войска изъ Москвы, и которая имѣла немаловажное значеніе. При такой поспѣшности, естественно они захватывали съ собою и грузили на свои обозы безполезныя вещи, которыя бросали потомъ на дорогѣ. Въ то же время они забывали о самыхъ важныхъ вещахъ, о средствахъ продовольствія, которыя и безъ того не были обильны.

Тарутинское сраженіе показывало, что въ продолженіе того времени, которое Наполеонъ проводилъ въ Москвѣ въ бездѣйствіи и въ надеждѣ заключить миръ, русскія войска, въ удобной мѣстности, снабженныя достаточнымъ продовольствіемъ, отдохнули отъ трудовъ продолжительнаго отступленія; что ихъ потери пополнены новыми и значительными подкрѣпленіями; что опытный главнокомандующій не только окружилъ непріятеля народнымъ возстаніемъ и партизанскими отрядами, но и привелъ войска въ такое положеніе, что они могли вновь начать военныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ. Возможность мира исчезала окончательно, и начиналась снова война. Тарутинское сраженіе было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ; за нимъ могли послѣдовать и другія. Кутузовъ, довершивъ пораженіе уже разбитаго авангарда, могъ вывести всѣ свои войска на сообщенія Наполеона. Могъ ли же сей послѣдній продолжать свое пребываніе въ Москвѣ, въ виду такой возможности?

Выступленіе Наполеона изъ Москвы представляло давно

невиданное въ исторіи Европы зрѣлище. Оно напоминало Европѣ движенія варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, а русскимъ — нашествіе татаръ. „Мы думали, что нашему горю и конца не будетъ“, говоритъ свидѣтельница изъ купеческаго семейства, находившаяся въ Москвѣ: „только разъ мы видимъ: повалили полки по Крымскому мосту. Изъ оконъ нашего подвала какъ на ладони все было видно; человѣкъ десять нашихъ мужиковъ выбѣжали посмотрѣть поближе. Идутъ эти французы настоящими нищими; не хуже насъ обносились, всѣ въ лохмотьяхъ, да обернувшись во что ни попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, и стихари: чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ же: одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга верхомъ навьючена. Нѣкоторые солдаты верхами въ бродъ переѣзжали....“

Утренники, начавшіеся съ 6-го октября, хотя и незначительные, уже давали себя чувствовать непріятельскимъ войскамъ, особенно потому, что они обносились и должны были всевозможными лохмотьями и одеждами, награбленными въ Москвѣ, покрывать наготу и кутать ноги, за неимѣніемъ обуви. Хотя число войскъ, выступавшихъ изъ Москвы, и составляло нѣсколько болѣе ста тысячъ, но немногіе изъ нихъ походили на солдатъ стройныхъ и способныхъ къ бою. Большая часть конницы была спѣшена, остальная едва могла двигаться на истощенныхъ лошадяхъ. Одна гвардейская кавалерія, простиравшаяся до 5-ти тысячъ человѣкъ, еще сохраняла бодрый видъ. Артиллерія, несоразмѣрная по числу орудій съ количествомъ войскъ, обремененная огромными обозами съ боевыми снарядами, на изнуренныхъ лошадяхъ, хотя и представляла грозную силу, но крайне стѣсняла движеніе войскъ. Между тѣмъ, Наполеонъ не хотѣлъ оставлять орудія и думалъ увезти всѣ. Пѣхота и преимущественно гвардейская, еще походила на стройное войско, но и то въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось безпорядочными тол-

пами солдатъ. Огромные обозы съ добычею [1]), гдѣ, рядомъ съ щегольскими городскими экипажами, тянулись всевозможныя фуры, повозки, телѣги и одноколки, обремененныя поклажею, не только затрудняли движеніе войскъ, но и производили разстройство въ нихъ. Заботясь о добычѣ, солдаты или толпились около возовъ или, выбравъ болѣе цѣнные предметы, несли ихъ въ своихъ мѣшкахъ и ранцахъ, обременяя себя тяжелою ношею. Многія семейства иностранцевъ, опасаясь стать жертвою народнаго мщенія, добровольно отправились вмѣстѣ съ войсками. Другихъ уговорили оставить столицу французскіе офицеры, зная, на какую участь обрекъ Наполеонъ уцѣлѣвшія въ ней зданія. Въ экипажахъ находилось поэтому много женщинъ и дѣтей, даже много русскихъ крестьянъ и вообще лицъ изъ простого народа, которыхъ заставляли нести тяжести и помогать истощеннымъ лошадямъ тащить нагруженные воза.

Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 7 октября рано утромъ. Отъ самой заставы по старой Калужской дорогѣ тянулись въ нѣсколько рядовъ обозы, загромождая широкую большую дорогу; каждый пригорокъ, каждый оврагъ и мостъ стѣсняли ихъ движеніе. Безпорядочно скопляясь на одномъ мѣстѣ, они препятствовали движенію аріергарда; разстроивали войска все болѣе и болѣе; Наполеонъ съ своею свитою едва могъ пробираться между обозами и войсками и медленно подвигался впередъ. Проѣхавъ около десяти верстъ, онъ остановился и, ходя взадъ и впередъ по полю, ожидалъ извѣстій отъ Мортье, котораго положеніе его тревожило. Подозвавъ къ себѣ генерала Раппа, онъ сказалъ ему: „Ну, вотъ мы идемъ по Калужской дорогѣ, къ границамъ Польши, и тамъ займемъ хорошія зимнія квартиры. Я надѣюсь, что императоръ Александръ заключитъ миръ“. — „Вы его слишкомъ

[1]) Изъ Кремля увезенъ былъ французами, вмѣсто трофея, крестъ съ Ивана Великаго, вышиною въ 3 сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами (Сынъ Отечества 1813).

долго ожидали, государь", отвѣчалъ Раппъ: „жители предсказываютъ суровую зиму". — „А! что вы говорите о жителяхъ? У насъ сегодня 19 октября, а какая прекрасная погода! Развѣ вы не узнаете моей звѣзды"? возразилъ Наполеонъ. „Впрочемъ я не могъ выступить прежде, нежели отправить всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Я не могъ предоставить ихъ мщенію русскихъ". — „Вы гораздо лучше бы поступили", продолжалъ его собесѣдникъ, „если бы оставили ихъ въ Москвѣ; а теперь, лишенные всякой помощи, они перемрутъ на дорогѣ". Наполеонъ желалъ казаться спокойнымъ и увѣреннымъ въ своемъ счастіи; но, по свидѣтельству Раппа, онъ самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ, и его лицо выражало крайнее безпокойство.

А. Поповъ.

---

16. Изгнаніе французовъ изъ Россіи.

Наполеонъ шелъ къ Калугѣ, и 11 октября французы заняли Малоярославецъ; но къ этому же городу спѣшили русскіе изъ Тарутина. 12-го числа у нихъ съ французами начался бой; Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ превратился въ кучу развалинъ. Послѣ этого Наполеонъ пошелъ по Смоленской дорогѣ; русскіе преслѣдовали его съ тыла и боковъ. Генералъ Милорадовичъ поразилъ французовъ при Вязьмѣ, атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ на рѣкѣ Вопи близъ Духовщины. Въ началѣ ноября было большое сраженіе подъ Краснымъ: здѣсь русскіе взяли больше 20,000 плѣнныхъ и 126 пушекъ. Съ того же времени, съ ноября наступили морозы и начали истреблять французовъ; въ одну ночь замерзало по 300 человѣкъ. Наполеонъ спѣшилъ переправиться за рѣку Березину, но при этой переправѣ армія его потеряла 20,000 плѣнныхъ, множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы; морозы, доходившіе до 30 градусовъ, довершили истребленіе французовъ. Не доѣзжая Вязьмы, Наполеонъ покинулъ ничтожные остатки своей арміи и уѣхалъ въ Парижъ.

---

17. Освобожденіе Германіи.

Императоръ Александръ обѣщалъ не полагать оружія, пока ни одного непріятельскаго воина не останется въ его царствѣ. Теперь, къ концу 1812 года, ни одного непріятельскаго воина не было въ Россіи, кромѣ плѣнныхъ. Но императоръ Александръ не могъ и теперь положить оружія, потому что изгнаніемъ французовъ изъ Россіи была сдѣлана только половина дѣла.

Наполеонъ, получившій престолъ вслѣдствіе побѣдъ своихъ, считалъ войну, побѣды, завоеванія необходимыми, чтобъ держаться на престолѣ; теперь онъ потерпѣлъ страшное пораженіе, покрылся безславіемъ, и потому престолъ его былъ потрясенъ; чтобъ удержаться на престолѣ, ему нужно было опять воевать, побѣждать, завоевывать; нужно было загладить свое пораженіе, заставить забыть о немъ; слѣдовательно, пока Наполеонъ былъ на престолѣ, спокойствія для Европы и для Россіи быть не могло; прекратить теперь войну значило оставить Европу подъ владычествомъ Наполеона, значило оставить въ его рукахъ всѣ средства тревожить Россію, мстить ей за неудачу и позоръ. Другія государства, и самыя главныя—Пруссія и Австрія—такъ боялись Наполеона, что одни не могли тронуться, но готовы были встать, если бъ русское войско явилось среди нихъ.

И вотъ русскія войска 1 января 1813 года перешли границу, рѣку Нѣманъ, и въ началѣ февраля дошли до р. Одера. Кутузовъ, получившій титулъ князя Смоленскаго за проводы французовъ по Смоленской дорогѣ, умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное начальство послѣ него принялъ князь Витгенштейнъ; но самъ имп. Александръ постоянно находился при войскѣ. Пруссія перешла на сторону Россіи; Австрія немного помедлила, но потомъ также присоединилась къ Россіи и Пруссіи; кромѣ этихъ трехъ державъ въ союзѣ были еще Англія и Швеція. Мы видѣли, что до 1812 года Наполеонъ выходилъ всегда побѣдителемъ потому, что ни-

когда не составлялось противъ него сильнаго союза: то одна Австрія съ Россіею, то одна Пруссія съ Россіею; но теперь, когда Наполеонъ потерпѣлъ такое пораженіе въ Россіи, когда страхъ передъ нимъ исчезъ, и когда имп. Александръ показалъ твердую рѣшимость биться съ нимъ до конца, то и составился такой сильный союзъ, съ которымъ Наполеону уже нельзя было сладить, хотя сначала онъ быстро набралъ новое войско, явился съ нимъ въ Германію и имѣлъ большіе успѣхи. Союзъ держался крѣпко, благодаря имп. Александру, который умѣлъ ободрить при неудачѣ, уладить, согласить при разномысліи, поддержать твердость, уговорить вести дѣло до конца, не останавливаться на половинѣ дороги. 17 августа, въ Богеміи при Кульмѣ, французскій генералъ Вандомъ былъ пораженъ и взятъ въ плѣнъ, благодаря стойкости русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ гр. Остермана-Толстаго и Ермолова. Наконецъ всѣ союзныя арміи соединились и дали Наполеону битву въ Саксоніи, *при Лейпцигѣ*. Бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября); билось полъ-милліона войска, составленнаго изъ разныхъ народовъ: гремѣло 2000 пушекъ; Наполеонъ потерпѣлъ страшное пораженіе, потерялъ около половины своего войска и ушелъ во Францію.

Германія была освобождена.

---

18. Низложеніе Наполеона.

Послѣ страшной Лейпцигской битвы, которую справедливо называютъ „битвою народовъ“, французы должны были очистить Германію, а въ началѣ 1814 года войска союзныхъ государей уже перешли во Францію.

Наполеонъ съ остаткомъ своего войска защищался упорно, но принужденъ былъ напослѣдокъ дать дорогу союзникамъ къ своей столицѣ, къ Парижу. Они подошли къ этому городу 17 марта, и послѣ жестокой битвы 18 числа веденной преимущественно русскими, Парижъ сдался.

19 марта императоръ Александръ, вмѣстѣ съ королемъ Прусскимъ, торжественно вошелъ въ него; на парижской площади былъ отслуженъ русскій благодарственный молебенъ за освобожденіе Европы, и вся Европа признавала, что этимъ освобожденіемъ была обязана русскому государю.

Избавленіе не могло быть вѣрнымъ, пока Наполеонъ оставался во Франціи и назывался императоромъ французовъ, и потому имп. Александръ въ тотъ же день, 19 марта, объявилъ, что ни онъ, ни союзники его не намѣрены входить ни въ какіе переговоры съ Бонапартомъ и ни съ кѣмъ изъ его родственниковъ. Вслѣдствіе этого французы провозгласили государемъ брата послѣдняго своего короля; Наполеонъ отрекся отъ престола, и ему дали во владѣніе небольшой островъ Эльбу подлѣ Италіи.

Скоро однако онъ ушелъ съ острова Эльбы опять во Францію, возмутилъ здѣсь войско, вошелъ въ Парижъ и опять провозгласилъ себя императоромъ французовъ, но былъ побѣжденъ, схваченъ англичанами, когда хотѣлъ бѣжать въ Америку, и заточенъ на одинъ изъ африканскихъ острововъ, островъ Св. Елены.

С. Соловьевъ.

V.

ПРОЗА ОПИСАТЕЛЬНАЯ.

1. КАРТИНЫ ПРИРОДЫ.

1. Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода — красота всей природы. Вода жива: она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему, ее окружающему.

---

2. Горный родникъ.

Изъ вершины высокой первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентой; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья: незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они, но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы-колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается жолобомъ или колодою, то есть вы-

долбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, на кауза [1].... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ помаленьку и день и ночь. Нѣтъ мелева — отодвигается колода въ сторону, и потокъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть лѣпитъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка; ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ — дополняетъ ее.

---

3. Болотные родники.

Но есть родники совсѣмъ другого рода, которые выбиваются язъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки, или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ ручьи. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на отнѣ.

---

4. Ручьи.

И горные ключи, и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь

[1]) См. стр. 206.

бывало журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнётъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника!

Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ [1]), извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ: вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ: солнечные лучи пригрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникаетъ*, т. е. уходитъ въ землю и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

---

5. Лѣсныя рѣчки.

Изъ многихъ ручейковъ составляются *рѣчки*. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурей и подмытыя весеннею водой деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчаніе лѣсной рѣчки, въ которой завелися уже и кутема [2]), и пеструшка [3]) и вы-

---

1) *Галька*—мелкій камушекъ.
2) Родъ рыбы.
3) Родъ рыбы.

прыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зорямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ, наверху, еще жарко, лѣтнее солнце клонится къ западу, ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями; а здѣсь, внизу—густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина.

6. Степныя рѣчки.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя по объему текущей воды должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это рѣки *степныя*. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ [1]) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой *перекатами*, т. е. мелкою рѣчкой, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты.

7. Большія рѣки.

Изъ сліянія многихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки *средней величины*, какъ напримѣръ всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая, въ Оренбургской губерніи, и мно-

[1]) По-московски—*бочагомъ*.

жество другихъ; изъ нихъ-то наконецъ образуются рѣки *первой величины*, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы.

Не смотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено. Сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широко разметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки [1]); слѣдовательно настоящіе берега ихъ голы, безплодны и, по моему, не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. Я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ утесистыхъ ихъ береговъ и песчаныхъ печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, чрезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя какъ щепки суда—живы въ моей памяти.

8. Лѣсъ.

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы;“ почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса — хранители водъ; деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ

[1]) См. стр. 285.

изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ*, или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однихъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія называются *чернымъ лѣсомъ*, или *черноліссьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которые также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

9. Краснолѣсье.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна—преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчно-однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы,—можетъ быть, отъ того, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ.

10. Чернолѣсье.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно

пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами, или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ.

Хороша развѣсистая и бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими „лапами-листами“; высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла; вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Не замѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью; золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

11. Молодой лѣсъ.

„Заросль“, или „поросль“, т. е. молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни, онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

12. Старый лѣсъ.

Черныя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые *темны лѣса*; но подъ словомъ „старый“ не должно разумѣть „состарѣвшійся“, дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность; облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ.

Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами...

Но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо. Деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣсного левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника. Сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, *гнѣздами* и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

---

13. Жители лѣса.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркуютъ, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябыя кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски, — и все многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Въ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола, — большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостки, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій

крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ и хохотомъ* лѣшаго?

14. Урема.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водою, называются *уремою*.

Особенно хороши уремы по небольшимъ, но быстрымъ и многоводнымъ рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту; тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ или осокорь; тамъ растетъ березнякъ, осинникъ и ольха; тамъ, кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны, протканы и живописно обвиты до самаго верха цѣпкими побѣгами дикаго хмеля и обвѣшаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потомъ палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ, *хмельныя* сѣмена.

Множество соловьевъ, воракушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ, густо растущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце — и *ночники* смѣняютъ до утра усталыхъ денныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, посреди тепломъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и обаятельную силу соловьиныя пѣсни... но онѣ болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, въ пыли и шумѣ экипажей, или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

С. Аксаковъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ОПИСАНІЯ ЖИВОТНЫХЪ.

1. Ласка.

Сидѣлъ я однажды въ шалашѣ со старымъ охотникомъ, который крылъ тетеревовъ шатромъ [1]). Тетерева уже подходили, а старикъ, держа въ рукѣ веревку, чтобъ уронить шатеръ, когда подойдетъ тетеревовъ побольше, смотрѣлъ въ отверстіе, а я глядѣлъ въ скважину, которую проковырялъ пальцами. Вдругъ вся стая, какъ будто чѣмъ испуганная, стремительно поднялась. Старикъ выскочилъ изъ шалаша, а за нимъ и я, чтобы посмотрѣть, кто испугалъ тетеревовъ... Что же мы увидѣли? Тетерева летѣли безъ оглядки въ ближній лѣсъ, а одна курочка шла столбомъ вверхъ, будто подстрѣленная. Поднявшись довольно высоко, она упала, и отъ нея отскочила и побѣжала *ласка*, или *ласочка:* маленькій хищный звѣрокъ, всѣмъ извѣстный, не длиннѣе четверти аршина и немного толще большого пальца мужской руки. Тетеревъ бился не долго; у него была перекушена жила на шеѣ, подъ горломъ. Какова хищность и отвага! Очевидно, что ласка впилась въ шею тетерева, сидѣвшаго на снѣгу, и поднялась съ нимъ на воздухъ. Впослѣдствіи убѣдился я, что этотъ крошечный звѣрокъ точно такъ же умерщвляетъ зайцевъ и напивается изъ нихъ крови. Долго я не хотѣлъ вѣрить этому, но однажды самъ нашелъ въ снѣжной норѣ мертваго, уже остывшаго русака, котораго нашелъ по свѣжему слѣду; у зайца также оказалась прокушенною жила на окровавленной шеѣ, и никакого слѣда къ норѣ не было, кромѣ слѣдовъ ласки.

---

2. Заяцъ.

Заяцъ самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: „трусливъ, какъ заяцъ“. Мнѣ са-

---

1) *Шатеръ*—сѣть.

мому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зорямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища. Ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ, рѣзвится. Съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и, съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что извѣдалъ на опытѣ каждый охотникъ, отыскивавшій русаковъ по слѣдамъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя или легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое *логово*; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ, то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшая и сильнѣйшая изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу,—увидитъ и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями.

Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ на мирныхъ гулянкахъ большіе совы и филины. Они ловятъ зайцевъ

слѣдующимъ образомъ: подстерегаютъ ихъ на тропахъ; одною ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и такимъ образомъ держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой, и окончательно задушитъ.

Самый сильнѣйшій истребитель заячьихъ породъ—человѣкъ; ружье—еще самое слабое оружіе къ ихъ истребленію: борзыя собаки, тенета, т. е. заячьи сѣти, капканы—вотъ кто губитъ ихъ тысячами.

---

3. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою [1]) чистоты, кротости и любви,—и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми ветхо и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками. Слова ласки и сожалѣнія, *голубчикъ* и *голубушка*, постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы, и непремѣнно скажутъ: „они живутъ какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга“; желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: „у него голубиная душа“; сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя“.

Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ; какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла; какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго; все такъ кротко, спокойно, граціозно.

Всѣ изъявленія его чувства до такой степени мягки,

---

[1]) *Эмблема*—видимое изображеніе отвлеченнаго понятія.

кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ, при угрожающей имъ очевидной опасности, не оказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже взлѣзать на него,— и голубь съ голубкой не бросались на меня, какъ болотные кулики, не отводили въ сторону, прикидываясь, что не могутъ летать, какъ то дѣлаютъ утки и тетеревиныя курочки: голуби перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, не похожіе на ихъ обыкновенное воркованье. Однимъ словомъ, голубиная кроткая природа вполнѣ выражалась и тутъ.

---

4. Журавль.

Журавль, такъ сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся отлетная птица. Онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ-разъ прозовутъ журавлемъ; не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: „не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки“. Выраженіе „въ небѣ“ уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *курлыканья*, похожаго на отдаленные звуки валторнъ и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины недоступной иногда глазу человѣческому? Эти звуки издаютъ одни самцы, и для того у нихъ дыхательное горло имѣетъ особенное устройство. Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя бы стояла холодная погода; эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; за то въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей на-

водитъ грусть на его сердце; „быть рано зимѣ“, говоритъ онъ, „журавли пошли въ походъ“,—и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе.

Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь выше и выше, такъ что наконецъ не видитъ ихъ глазъ, и только крикъ сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ, мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ.

Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки—иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября: летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго по большей части гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи „журавлиный ключъ“, потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ ключемъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ [1]). Впрочемъ изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупого и почти равносторонняго треугольника.

—

Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено, но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣвають гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ иногда можно подъѣхать къ нимъ въ

1) Ключъ этотъ похожъ на молотильный цѣпъ въ наклонномъ положеніи, съ той разницею, что висячая, короткая часть не кругла, а плоска, и двигается не на привязи, а на деревянномъ шалнерѣ.

мѣру ружейнаго выстрѣла. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно, и мало убьешь ихъ, а надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, то-есть подкрадываться къ нимъ изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и проч. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или на ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ, тревожнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

—

Журавль—сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненный журавль дѣлается опасною птицей для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его; скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ на всемъ бѣгу бросается на спину и начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой храброй обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля. —

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ ничего нѣтъ смѣшного: но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями или вздумаетъ приласкаться къ своей дружкѣ, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка.

---

5. Перепелка.

Эта миловидная птичка очень извѣстна по своей многочисленности даже городскимъ жителямъ. Народъ слышитъ и видитъ ее безпрестанно, почти при всѣхъ своихъ полевыхъ работахъ: во время полотья, пара, степного сѣнокоса и жнитва. Уменьшительное имя „перепелочка“ употребляется иногда, какъ слово ласки, хотя далеко не такъ часто, какъ имена нѣкоторыхъ другихъ птицъ. Перепелка, или *перепелица*, зашла и въ русскую пѣсню. Молодой парень, распѣвая о томъ, какъ ловко и легко пройдетъ онъ, между прочимъ говоритъ:

Ужъ я улицею—сѣрой утицею,
Черезъ черную грязь—перепелицею.

Очевидно, что легкость и проворство перепелинаго бѣга внушили ему это живописное сравненіе.

Перепелка не только бѣгаетъ проворно, но и летаетъ очень быстро, когда она худа и легка. Это настоящая степная птичка, и хотя очень любитъ хлѣбный кормъ и хлѣбныя поля, особенно засѣянныя просомъ, но водится изобильно и постоянно держится въ настоящихъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ иногда на далекое разстояніе вовсе нѣтъ пашни. Тамъ питается она разными мелкими насѣкомыми и травяными сѣменами.

Какъ скоро трава поднимется повыше, такъ что птицѣ будетъ удобно въ ней прятаться, начинается всѣмъ извѣстный крикъ перепеловъ, называемый по-охотничьи „бой“. Онъ состоитъ изъ двухъ колѣнъ: сначала перепелъ „вавачетъ“, т. е. кричитъ похоже на слоги „ва—ввава—ввава“. Онъ повторяетъ ихъ до трехъ разъ, иногда меньше, но никогда больше, по крайней мѣрѣ я не слыхалъ. Послѣ этого слѣдуетъ собственно „бой“, похожій на слова: *подь-полоть*. Такъ по крайней мѣрѣ передаетъ этотъ крикъ русскій народъ. Бой повторяется сряду, безъ перемежки, отъ четырехъ до десяти разъ; послѣднее число считается рѣдкостью. Есть перепела, у которыхъ голосъ очень чистъ и громокъ, такъ что ихъ слышно весьма далеко. Русскій человѣкъ любитъ бой перепеловъ, хоть въ немъ нѣтъ ничего особенно пріятнаго для уха, и многіе держатъ ихъ въ клѣткахъ. Даже теперь въ Москвѣ по нѣкоторымъ небольшимъ улицамъ и переулкамъ сквозь стукъ колесъ и гамъ народа нерѣдко можно услышать голосъ перепела. Нечего и говорить, что этотъ жалкій, заглушаемый шумомъ крикъ не похожъ на звучный, вольный перепелиный бой въ чистыхъ поляхъ, въ чистомъ воздухѣ и тишинѣ: какъ бы то ни было, только на Руси бывали, а, можетъ быть, и теперь гдѣ-нибудь есть страстные охотники до перепеловъ, преимущественно купцы: чѣмъ громче и чище голосъ, чѣмъ болѣе ударовъ сряду дѣлаетъ перепелъ, тѣмъ онъ считается дороже. Я слыхалъ, что въ старину плачивали по сту рублей за отличнаго перепела. Крикъ, или бой нѣкоторыхъ перепеловъ продолжается до половины августа.

Какъ скоро начнутъ поспѣвать хлѣба, особенно просо, перепелки сбѣгаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ и постоянно около нихъ держатся. На такомъ привольномъ и сытномъ кормѣ перепелки жирѣютъ съ изумительною скоростью. Въ это время онѣ уже весьма неохотно поднимаются съ земли; летятъ очень тяжело и медленно и, отлетѣвъ нѣсколько саженей, опять садятся; выдерживаютъ

долгую стойку собаки, находясь у ней подъ самымъ рыломъ, такъ что собака нерѣдко ловитъ ихъ на мѣстѣ. Перепелки особенно лакомы къ просу, и когда дожинается десятина или загонъ съ этимъ хлѣбомъ, то при каждомъ взмахѣ серпа вылетаетъ по нѣскольку перепелокъ. Не желая таскаться въ жаркое время съ собакой, я пользовался этимъ средствомъ и, стоя спокойно посреди жницъ и жнецовъ, стрѣлялъ взлетающихъ перепелокъ. Нерѣдко убивалъ я болѣе двухъ десятковъ, а взлетѣвшихъ перепелокъ съ одной десятины насчитывали иногда далеко за сотню; но такое многочисленное сборище сбѣгается только по вечерамъ, передъ захожденіемъ солнца; разумѣется, оно тутъ же и остается на всю ночь, а днемъ разсыпается врозь, во всѣ стороны, скрываясь въ окружныхъ межахъ, залежахъ и степныхъ луговинахъ. Когда хлѣба сожнутъ, перепелки продолжаютъ кормиться по жнивѣ, забиваясь нерѣдко въ снопы, особенно подъ горсти еще не связаннаго проса, и мнѣ часто случалось взворачивать ихъ ногой, чтобы выгнать оттуда перепелокъ. Онѣ продолжаютъ посѣщать даже и тѣ десятины, съ которыхъ хлѣбъ свезенъ, и подбираютъ тамъ наточившіяся изъ колосьевъ переспѣлыя зерна. Такъ проходитъ цѣлый августъ, и даже первыя числа сентября; но тутъ перепелки начинаютъ примѣтно уменьшаться и къ половинѣ сентября иногда совсѣмъ пропадаютъ; морозы или холодное ненастье, разумѣется, ускоряютъ, а теплая погода замедляетъ ихъ отлетъ.

—

Никакому сомнѣнію не подверженъ отлетъ перепелокъ на зиму въ теплыя страны юга. Много читали и слышали мы отъ самовидцевъ, какъ перепелки безчисленными станицами переправляются черезъ Черное море и нерѣдко гибнутъ въ немъ, выбившись изъ силъ отъ противнаго вѣтра. Теперь предстоитъ вопросъ: когда и гдѣ собираются онѣ въ такія огромныя стаи? Очевидно, что у нихъ должны быть гдѣ-нибудь сборныя мѣста, хотя во всѣхъ губер-

ніяхъ средней полосы Россіи, по всѣмъ моимъ освѣдомленіямъ, никто не замѣчалъ ни прилета, ни отлета, ни пролета перепелокъ. Даже никто не поднималъ, не видалъ ихъ собравшихся въ стаи. Нельзя предположить, чтобы каждая перепелка отдѣльно летѣла прямо на берегъ моря, за многія тысячи верстъ, и потому нѣкоторые охотники думаютъ, что онѣ собираются въ станицы и совершаютъ свое воздушное путешествіе по ночамъ, а день проводятъ гдѣ случится, разсыпавшись врозь для пріисканія корма, по той мѣстности, на какую попадутъ. Я долженъ упомянуть, что зналъ одного охотника, который увѣрялъ меня, что перепелки не улетаютъ, а уходятъ, и что ему случилось замѣтить, какъ онѣ пропадали въ одномъ мѣстѣ и показывались во множествѣ, но не стаей, въ другомъ, гдѣ ихъ прежде было очень мало, и что направленіе этого похода, совершаемаго днемъ, а не ночью, по его замѣчаніямъ, производилось прямо на югъ. Этотъ охотникъ преслѣдовалъ идущихъ въ походъ перепелокъ и замѣчалъ, что онѣ показывались на новыхъ мѣстахъ не поутру, а въ полдень и болѣе квечеру. Я не берусь рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе; для этого нужны точнѣйшія наблюденія не одного, а многихъ охотниковъ. Я слыхалъ также отъ достовѣрныхъ людей, что перепелокъ нахаживали случайно зимою, именно подъ наклономъ густой, высокой травы, растущей по межамъ, и даже въ сурочьихъ норахъ, изнутри всегда плотно затыкаемыхъ самими сурками, не близко къ выходу; перепелки были живы, но находились въ какомъ-то полусонномъ состояніи; будучи внесены въ теплое жилье и посажены въ клѣтку, онѣ скоро принимались за кормъ и совсѣмъ оправлялись. Отсюда родилась ложная мысль у нѣкоторыхъ старинныхъ охотниковъ, которую я слыхалъ и отъ крестьянъ, что перепелки у насъ зимуютъ. По моему мнѣнію, найденныя зимой перепелки были поздыши или хворыя: и тѣ и другія не имѣли силъ улетѣть или уйти во-время и принуждены были зимовать. Перенесли ли бы онѣ всю зиму или померзли — это вопросъ. —

Еще будучи мальчикомъ, часто хаживалъ я съ старымъ охотникомъ ловить перепелокъ сѣтью *на дудки*, т. е. смотрѣть, какъ онъ ловитъ ихъ. Ловля эта производится слѣдующимъ образомъ.

Запасшись перепелиными дудками, издающими звуки, сходные съ тихимъ мелодическимъ голосомъ перепелиной самки, запасшись квадратнымъ полотномъ тонкой сѣти, аршинъ въ двѣнадцать и болѣе, ячейки которой вяжутся такой величины, чтобы головка перепела свободно могла пролѣзть въ нихъ,—охотникъ отправляется въ поле.

Выбравъ луговину, около которой слышны перепелиные бои, и на которой трава повыше, или, что еще лучше, растутъ небольшіе кустики дикаго персика или чилизника [1]), охотникъ бережно разстилаетъ по ихъ верхушкамъ свою сѣть, а самъ ложится возлѣ одного ея края. Лишь только онъ ударитъ нѣсколько разъ въ дудку, перепела отзовутся со всѣхъ сторонъ: дальніе перелетываютъ, а ближніе бѣгутъ. Какъ скоро охотникъ увидитъ, что нѣсколько перепеловъ подошли подъ сѣть очень близко къ нему, онъ стремительно вскакиваетъ,—перепела взлетаютъ и запутываются въ сѣтку.

---

6. Гусь.

Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни, и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что спина его потемнѣе, грудь или зобъ покрыты черноватыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, т. е. на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты, и сами они потолще, пообъемистѣе; дикіе же гуси подбористѣе, складнѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки ихъ желтовато-зеленоватаго цвѣта.

(1 *Чилизникъ*—видъ полыни.

Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ бывало лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды,—стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ отдохнуть, поѣсть и поплавать.

—

Подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя или, правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣба. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посытнѣе, и наконецъ опускаются на какую-нибудь десятину или загонъ.

Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ. Но вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ [1]); молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая, съ зычнымъ крикомъ, тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются

[1]) *Стариками* называются въ гусиномъ выводкѣ старый гусакъ и гусыня.

и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышемъ, чтобы ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся или, лучше сказать, опускаются на брюхо и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно, и такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть, но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя сентябрьскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ,—быстро поднимаются старики, и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ воды и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю, и она снова вслѣдъ за стариками полетитъ уже въ знакомое поле, и примется за ранній завтракъ точно тѣмъ же порядкомъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные [1]) зобы, и снова, по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно взошедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро, плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день. Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ: они

[1]) Просиженный зобъ уже пустъ. Это значитъ, что пища сварилась и опустилась въ кишки.

съѣдятъ зерна, лоскомъ положатъ высокую солому и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во-время, то разными средствами можетъ отпугать незванныхъ гостей.

—

Гуси летаютъ въ хлѣба и назадъ возвращаются по одной и той же воздушной дорогѣ, т. е. черезъ одинъ и тотъ же перелѣсокъ, однимъ и тѣмъ же долочкомъ. На этомъ основаніи изобрѣтены *перевѣсы*, посредствомъ которыхъ ловятъ ихъ въ большомъ количествѣ. Это не что иное, какъ огромная квадратная сѣть изъ толстыхъ, крѣпкихъ нитокъ, ячеи, или петли которой такъ широки, что гуси вязнутъ въ нихъ, а пролѣзть не могутъ. Эта сѣть развѣшивается между двумя длинными шестами, на томъ самомъ мѣстѣ, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечеромъ, почти ночью, возвращается съ полей на ночевку.

Къ верхнимъ концамъ шестовъ привинчены желѣзныя кольца; сквозь нихъ продѣты веревочки. Посредствомъ этихъ веревочекъ, прикрѣпленныхъ къ верхнимъ угламъ сѣти, поднимается она во всю вышину шестовъ; концы же веревочекъ проведены въ шалашъ или кустъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Сѣть не натягивается, а виситъ, и нижніе концы ея *на-слабѣ* привязаны къ шестамъ. Когда попадутъ гуси и натянутъ сѣть, охотникъ бросаетъ веревочки, и вся стая запутавшихся гусей, вмѣстѣ съ сѣтью, падаетъ на землю. Такимъ же способомъ ловятъ и утокъ. Замѣчательно, что гуси, не запутавшіеся въ перевѣсѣ, а только въ него ударившіеся, падаютъ на землю и до того перепугиваются, что кричатъ, хлопаютъ крыльями, а съ мѣста не летятъ; безъ сомнѣнія, темнота ночи способствуетъ такому испугу. Иногда ставятъ два и три перевѣса рядомъ, неподалеку другъ отъ друга, чтобы случайное уклоненіе отъ обычнаго пути не помѣшало стаѣ гусей ввалиться въ сѣть.

7. Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекраснъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темносиней гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ: все живописно и великолѣпно въ немъ.

—

Лебеди прилетаютъ почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, въ началѣ апрѣля, когда по большей части все еще бываетъ покрыто снѣгомъ. Лебединыхъ стай я не видывалъ: въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я постоянно охотился, лебеди бываютъ только пролетомъ, а постоянно не живутъ и дѣтей не выводятъ, и для меня появленіе ихъ не во время пролета было рѣдкостью. Одинъ разъ, когда я бродилъ по колѣна въ разливѣ рѣки Бугуруслана, между частыми кустами, налетѣлъ на меня лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью: лебедь покачнулся, пошелъ къ низу и улетѣлъ изъ виду. На другой день мордвинъ сосѣдней деревушки нашелъ его мертвымъ за версту отъ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ. Мясо его было такъ жестко, что не смотря на предварительное двухъ-дневное вымачи-

ванье, его трудно было разжевать. Вкусъ походилъ на дикаго гуся, но гусь гораздо мягче, сочнѣе и вкуснѣе. Въ зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чѣмъ питаются лебеди—ничего сказать не могу, но вѣроятно одинакимъ кормомъ со всею водяною птицей.

—

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей: вѣроятно, тогда знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ; а мысль, что лебедь служилъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно сложенныхъ на югѣ Россіи; живетъ также до сихъ поръ и въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войти ни въ пѣсню, ни въ рѣчь,—такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на великокняжскіе столы; его *рушала*, т. е. разрѣзывала сама великая княгиня, слѣдовательно лебедя ѣли. Вѣроятно, оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова: *лебедка* и *лебедушка* — остались навсегда выраженіемъ ласки и участія.

—

Про силу лебедя разсказываютъ чудеса: говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненому, или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно.

—

Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ, нѣсколько годовъ сряду живущихъ лѣто на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими бы-

ли они пойманы. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и хлѣвахъ, но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и подложить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята выростаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей (первый годъ съ подрѣзанными крыльями), дѣлаются совершенно ручными и ведутся какъ дворовые гуси.

С. Аксаковъ.

8. Акула.

Мы только что отобѣдали. Я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ въ ожиданіи, пока принесутъ огня; капитанъ сидѣлъ въ креслѣ. Жарко: дверь и окна были открыты.

Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ надъ нашими головами сдѣлалось какое-то движеніе, суматоха; люди засуетились и затопали. Капитанъ поспѣшилъ по своей обязанности вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобъ узнать, что̀ такое случилось, да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть или что-нибудь въ этомъ родѣ и не трогался съ мѣста, но вдругъ слышу, многіе голоса кричатъ на ютѣ [1]): „тащи, тащи!“ а другіе: „нѣтъ, стой! не тащи, оборвется“. Я бросился къ окну и вижу: на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна висѣла надъ водой пойманная на толстый, пальца въ полтора, крюкъ—акула. Крюкъ вонзился ей въ верхнюю челюсть; она отъ боли открыла ротъ настежь. Мнѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами. Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ то спиной, то брюхомъ. Спина у нея темносиняго цвѣта съ фіолетовымъ от-

[1]) *Ютъ*—задняя треть палубы.

ливомъ, а брюхо ярко-бѣлое, точно густо окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно, какъ будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть ее хорошенько: только большіе черные и круглые глаза сильно ворочались, конечно отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы, двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія рыбы, прозванныя „лоцманами“ [1]). Вдругъ акула зашевелилась, затряслась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно. Отъ тяжести акулы и отъ усилій ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ понемногу разгибаться, веревка затрещала. Еще одно усиліе со стороны акулы—веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть. „Держи, держи! тащи скорѣе!“ раздавалось между тѣмъ у насъ надъ головой.—„Нѣтъ, постой тащить!“ кричалъ другіе: „оборвется; дай конецъ“ [2]). Акула пока отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти виднѣлись кости челюсти, потомъ блѣдно-розовое мясо, а далѣе пустое пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу.

„Вотъ такъ, вотъ такъ!“ кричали ободрительно голоса наверху: „подъ крылья-то [3]) подцѣпи ей!“ Только лишь зацѣпили за крылья, акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху. Тутъ она собрала всѣ силы, начала изгибаться и хлестать хвостомъ по воздуху о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, что было на пути... Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому что конецъ хвоста попалъ и въ окно. Но ничто не спасло ее; часъ ея пробилъ. „Прочь, прочь!“ кричали на ютѣ, втаскивая туда акулу; раздался тревожный топотъ людей, потомъ паденье тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары о палубу. Мы съ капитаномъ бросились къ двери, выскочили и взбѣжали на

---

1) Иногда ихъ плаваетъ съ нею по три и по четыре.

2) *Конецъ*—веревка.

3) Плавательные ласты.

ютъ. Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступились. Кто-то схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти—хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножемъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грубыхъ и грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда взяли гандшпугъ [1]) и воткнули ей въ пасть: гандшпугъ ушелъ туда чуть не весь; пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перезернули на спину и привязали веревками.

Мы толпой стояли вокругъ; матросы тѣснились тутъ же; всѣ наблюдали, не обнаружитъ ли она признаковъ жизни, но признаковъ не было. „Нѣтъ, уже кончено“, говорили нѣкоторые: „она вся изранена и издохла“. Другіе, напротивъ, сомнѣвались и приводили въ примѣръ описанія, въ которыхъ говорится о живучести акулъ, и именно, что онѣ иногда черезъ три часа послѣ мнимой смерти судорожно откусывали руки и ноги неосторожнымъ. Велѣли смыть съ палубы кровь. Явились матросы съ водою и швабрами [2]). Послѣ этого одинъ изъ насъ взялъ топоръ и началъ рубить у акулы понемногу ласты, другой ножемъ дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надрѣзы, такъ изъ любознательности, посмотрѣть, толста ли кожа, и что подъ ней. Пришелъ нашъ любитель-натуралистъ, присѣлъ около акулы и началъ щупать кожу, разсматривать подробно голову, глаза. Колъ изъ пасти вынули и полили окровавленную морду водой. Многіе, кому наскучило смотрѣть, разошлись. Пора было убрать ее, веревки развязали, перевернули акулу опять на животъ и хотѣли нести прочь. Кто-то вздумалъ поскоблить ножомъ ей спину... вдругъ она встрепенулась, хле-

---

1) *Гандшпугъ*—деревянный колъ почти въ руку толщины, которымъ ворочаютъ пушки.

2) *Швабра*—родъ метлы изъ мочалъ.

стнула хвостомъ направо, налѣво; всѣ отскочили прочь; одинъ матросъ не успѣлъ, и ему достались два порядочные туза: одинъ по икрамъ, другой повыше... онъ слетѣлъ съ ногъ. Всѣ захохотали и принялись укрощать звѣря. Но это было не такъ легко сдѣлать теперь, когда сняли съ него веревки и вынули изъ пасти колъ. Истерзанная, исколотая, съ висящими внутренностями, акула билась о палубу, извивалась змѣей, быстро и сильно описывала хвостомъ круги и все подвигалась къ краю. Никто не рѣшался подступить... Но она на минуту притихла, и наши снова принялись за колъ и топоръ. „Бей ее по головѣ!“ кричали голоса, „да береги ноги: прочь! прочь!“ Ближе всѣхъ около нея вертѣлся тотъ матросъ, котораго она угостила двумя пинками. Онъ разсердился, или боль отъ пинковъ еще не прошла, только онъ съ коломъ гонялся за акулой, стараясь ударить ее по головѣ и забывая, что онъ былъ босикомъ, и что ноги его чуть не касались пасти; но взмахи хвоста были такъ порывисты, что попасть въ голову было трудно, и удары все приходились по спинѣ, а это ей, повидимому, нипочемъ. Наконецъ матросу удалось попасть два раза въ голову: акула измѣнила только направленіе, но все изгибалась и ползла такъ же скоро и сильно, какъ и прежде. Другой ударилъ топоромъ ниже головы: животное присмирѣло и поползло медленнѣе. „Руби голову, руби голову!“ кричали ему. Матросъ нанесъ другой ударъ: она сильно рванулась впередъ; онъ ударилъ въ третій разъ: она рванулась еще, но слабѣе. „Нѣтъ, теперь шабашъ!“ сказалъ онъ, отдѣляя четвертымъ ударомъ голову отъ туловища, но и то не шабашъ: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабѣе и слабѣе, а голова судорожно шевелила челюстями. Въ туловище воткнули гандшпугъ и унесли. Всѣ разошлись.

Гончаровъ.

VI.

СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

I. Сотвореніе міра.

(Кн. Быт. I. 1—10, 13, 15, 18).

Въ нача́лѣ сотворѝ Бг҃ъ нб҃о и зе́млю. Земля́ же бѣ неви́дима, и҆ неꙋстро́ена: и҆ тма̀ верхꙋ̀ бе́здны: и҆ Дх҃ъ Бж҃їй ноша́шесѧ верхꙋ̀ воды̀. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ: и҆ бы́сть свѣ́тъ. И҆ ви́дѣ Бг҃ъ свѣ́тъ, ꙗ҆́кѡ добро̀: и҆ разлꙋчѝ Бг҃ъ междꙋ̀ свѣ́томъ, и҆ междꙋ̀ тмо́ю. И҆ наречѐ Бг҃ъ свѣ́тъ де́нь, а҆ тмꙋ̀ наречѐ но́щь. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь є҆ди́нъ.

И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ тве́рдь посредѣ̀ воды̀: и҆ да бꙋ́детъ разлꙋча́ющи посредѣ̀ воды̀ и҆ воды̀[1]): и҆ бы́сть та́кѡ. И҆ сотворѝ Бг҃ъ тве́рдь: и҆ разлꙋчѝ Бг҃ъ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆́же бѣ̀ под̾ тве́рдїю, и҆ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆́же бѣ̀ над̾ тве́рдїю. И҆ наречѐ Бг҃ъ тве́рдь, нб҃о: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь вторы́й.

И҆ речѐ Бг҃ъ: да собере́тсѧ вода̀, ꙗ҆́же под̾ нб҃се́мъ, въ собра́нїе є҆ди́но, и҆ да ꙗ҆ви́тсѧ сꙋ́ша: и҆ бы́сть та́кѡ: и҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆́же под̾ нб҃се́мъ, въ собра̑нїѧ своѧ̀, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша. И҆ наречѐ Бг҃ъ сꙋ́шꙋ, зе́млю: и҆ собра̑нїѧ во́дъ наречѐ, морѧ̀: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ ꙗ҆́кѡ добро̀. И҆ речѐ Бг҃ъ: да прорасти́тъ землѧ̀ бы́лїе травно́е, сѣ́ющее сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на землѝ: и бы́сть та́кѡ. И҆ и҆знесѐ землѧ̀ бы́лїе тра́вное, сѣ́ющее сѣ́мѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и дре́во плодови́тое творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на землѝ: и҆ ви́дѣ Бг҃ꙋ, ꙗ҆́кѡ добро̀. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь тре́тїй.

---

[1]) Да̀ отдѣляетъ она воду отъ воды.

И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́дꙋтъ свѣти́ла на тве́рди нб҃нѣй, ѡ҆свѣща́ти зе́млю, и҆ разлꙋча́ти междꙋ̀ дне́мъ, и҆ междꙋ̀ но́щїю... И҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь четве́ртый.

И҆ речѐ Бг҃ъ: да и҆зведꙋ́тъ во́ды га́ды дꙋ́шъ живы́хъ, и҆ пти́цы лета́ющыѧ по земли̇̀ по тве́рди нб҃нѣй: и҆ бы́сть та́кѡ. И҆ сотвори̇̀ Бг҃ъ ки́ты [1]) вели́кїѧ, и҆ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ꙗ҆́же и҆зведо́ша во́ды по родѡ́мъ и҆́хъ, и҆ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ дѡбра̀. И҆ бл҃гви̇̀ ѧ҆ Бг҃ъ, глаго́лѧ: расти́тесѧ, и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните во́ды, ꙗ҆́же въ морѧ́хъ: и҆ пти́цы да оу҆мно́жатсѧ на земли̇̀. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь пѧ́тый.

И҆ речѐ Бг҃ъ: да и҆зведе́тъ землѧ̀ дꙋ́шꙋ жи́вꙋ по ро́дꙋ, четверонѡ́гаѧ и҆ га́ды, и҆ ѕвѣ́ри земли̇̀ по ро́дꙋ: и҆ бы́сть та́кѡ. И҆ сотвори̇̀ Бг҃ъ ѕвѣ́ри земли̇̀ по ро́дꙋ, и҆ скоты̀ по ро́дꙋ и҆́хъ, и҆ всѧ̀ га́ды земли̇̀ по ро́дꙋ и҆́хъ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ дѡбра̀. И҆ речѐ Бг҃ъ: сотвори́мъ человѣ́ка по ѻ҆́бразꙋ на́шемꙋ и҆ по подо́бїю: и҆ да ѡ҆блада́етъ ры́бами морски́ми и҆ пти́цами нб҃ными, (и҆ ѕвѣрми̇̀), и҆ скота́ми, и҆ все́ю земле́ю, и҆ всѣ́ми га́ды пресмыка́ющимисѧ по земли̇̀. И҆ сотвори̇̀ Бг҃ъ человѣ́ка, по ѻ҆́бразꙋ Бж҃їю сотвори̇̀ є҆го̀: мꙋ́жа и҆ женꙋ̀ сотвори̇̀ и҆́хъ. И҆ бл҃гви̇̀ и҆́хъ Бг҃ъ, г҃лѧ: расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ госпо́дствꙋйте є҆́ю, и҆ ѡ҆блада́йте ры́бами морски́ми, (и҆ ѕвѣрми̇̀), и҆ пти́цами нб҃ными, и҆ всѣ́ми скота́ми, и҆ все́ю земле́ю, и҆ всѣ́ми га́дами пресмыка́ющимисѧ по земли̇̀...И҆ ви́дѣ Бг҃ъ всѧ̀, є҆ли́ка сотвори̇̀: и҆ сѐ дѡбра̀ ѕѣлѡ̀. и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, день шесты́й.

И҆ соверши́шасѧ нб҃о и҆ землѧ̀, и҆ всѐ оу҆краше́нїе и҆́хъ. И҆ соверши̇̀ Бг҃ъ въ де́нь шесты́й дѣла̀ своѧ̀, ꙗ҆́же сотвори̇̀: и҆ почи̇̀ въ де́нь седмы́й ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆́же сотвори̇̀. И҆ бл҃гви̇̀ Бг҃ъ де́нь седмы́й, и҆ ѡ҆сти̇̀ є҆го̀: ꙗ҆́кѡ въ то́й почи̇̀ ѿ всѣ́хъ дѣ́лъ свои́хъ, ꙗ҆́же нача́тъ Бг҃ъ твори́ти.

---

[1]) Рыбъ.

II. Всемірный потопъ.

(Кн. Быт. VII, 11—24).

1.

Въ шестьсо́тное лѣ́то въ житїѝ Нѡ́евѣ, втора́гѡ мц҃а, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а, въ де́нь то́й разверзо́шасѧ всѝ и҆сто́чницы бе́здны, и҆ хлѧ̑би небе́сныѧ ѿтверзо́шасѧ. И҆ бы́сть до́ждь на̀ зе́млю четы́редесѧть дне́й, и҆ четы́редесѧть нощ҃е́й. Въ де́нь то́й вни́де Нѡ́е, Си́мъ, Ха́мъ, І҆а́феѳъ, сы́нове Нѡ́евы, и҆ жена̀ Нѡ́ева, и҆ три́ жены̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ съ ни́мъ въ ковче́гъ: И҆ всѝ ѕвѣрїе земні́и по ро́дꙋ, и҆ всѝ ско́ти по ро́дꙋ и҆ всѧ́кїй га́дъ дви́жꙋщїйсѧ на землѝ по ро́дꙋ, и҆ всѧ́каѧ пти́ца перна́таѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀. Внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ два̀ два̀ [1]), мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй, ѿ всѧ́кїѧ пло́ти, въ не́йже є҆́сть дꙋ́хъ живо́тный: И҆ входѧ̑щаѧ мꙋ́жескїй по́лъ и҆ же́нскїй ѿ всѧ́кїѧ пло́ти внидо́ша къ Нѡ́ю въ ковче́гъ, ꙗ҆́коже заповѣ́да Гдⷭ҇ь Бг҃ъ Нѡ́ю: и҆ затворѝ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ковче́гъ ѿвнѣ̀ є҆гѡ̀. И҆ бы́сть пото́пъ четы́редесѧть [2]) дне́й, и҆ четы́редесѧть нощ҃е́й на землѝ, и҆ оу҆мно́жисѧ вода̀, и҆ взѧ̀ ковче́гъ, и҆ возвы́сисѧ ѿ землѝ: И҆ возмога́ше [3]) вода̀, и҆ оу҆множа́шесѧ ѕѣлѡ̀ [4]) на землѝ, и҆ ноша́шесѧ ковче́гъ верхꙋ̀ воды̀. Вода́ же возмога́ше ѕѣлѡ̀ ѕѣлѡ̀ на землѝ: и҆ покры̀ всѧ̀ го́ры высѡ́кїѧ, ꙗ҆́же бѧ́хꙋ под̾ небесе́мъ: Пѧтьна́десѧть лакте́й горѣ̀ возвы́сисѧ вода̀, и҆ покры̀ всѧ̀ го́ры высѡ́кїѧ. И҆ оу҆́мре всѧ́каѧ пло́ть дви́жꙋщаѧсѧ по землѝ, пти́цъ и҆ скотѡ́въ, и҆ ѕвѣре́й, и҆ всѧ́кїй га́дъ дви́жꙋщїйсѧ на землѝ, и҆ всѧ́кїй чл҃вѣ́къ. И҆ всѧ̑ є҆ли́ка и҆́мꙋтъ дыха́нїе жи́зни, и҆ всѐ, є҆́же бѣ̀ на сꙋ́ши, оу҆́мре. И҆ потреби́сѧ всѧ́кое воста́нїе [5]), є҆́же бѧ́ше на лицѣ̀ всеѧ̀ землѝ, ѿ чл҃вѣ́ка да́же до скота̀, и҆ гадѡ́въ, и҆ пти́цъ небе́сныхъ, и҆ потреби́шасѧ ѿ землѝ: и҆ ѡ҆ста̀ Нѡ́е є҆ди́нъ, и҆ и҆́же съ ни́мъ въ ковче́зѣ. И҆ возвы́сисѧ вода̀ над̾ земле́ю дне́й ст҃о̀ пѧтьдесѧ́тъ.

---

[1]) По парѣ. — [2]) сорокъ. — [3]) усиливалась. — [4]) очень. — [5]) существо.

2.

(Кн. Бытія, VIII, 1—14, 18—20, IX, 1).

И҆ помѧнꙋ̀ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ всѧ̑ ѕвѣ́ри, и҆ всѧ̑ скоты̀, и҆ всѧ̑ пти́цы, и҆ всѧ̑ га́ды пресмыка̀ющыѧсѧ, є҆ли́ка бѣ́хꙋ съ ни́мъ въ ковче́зѣ: и҆ наведѐ Бг҃ъ дꙋ́хъ на зе́млю, и҆ преста̀ вода̀. И҆ заключи́шасѧ и҆сто́чницы бе́здны, и҆ хлѧ́би небе́сныѧ: и҆ оу҆держа́сѧ до́ждь ѿ нб҃сѐ: И҆ вспѧ́ть по́йде вода̀ и҆дꙋ́щаѧ ѿ земли̇̀: и҆ оу҆малѧ́шесѧ вода̀ по стѣ̀ пѧти́десѧтихъ дне́хъ. И҆ сѣ́де ковче́гъ въ мц҃ъ седмы́й в҆ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а, на гора́хъ А҆рара́тскихъ. Вода́ же оу҆ходѧ́щи оу҆малѧ́шесѧ да́же до десѧ́тагѡ мц҃а: и҆ въ десѧ́тый мц҃ъ, в҆ пе́рвый де́нь мц҃а ꙗ҆ви́шасѧ ве́рси гѡ́ръ.

И҆ бы́сть по четы́редесѧтихъ дне́хъ ѿве́рзе Нѡ́е ѻ҆ко́нце ковче́га є҆́же сотвори̇̀: И҆ посла̀ вра́на (ви́дѣти, а҆́ще оу҆стꙋпи́ла вода̀ ѿ лица̀ земли̇̀,) и҆ и҆зше́дъ не возврати́сѧ, до́ндеже изсѧ́че [1]) вода̀ ѿ земли̇̀. И҆ посла̀ голꙋби́цꙋ по не́мъ [2]) ви́дѣти, а҆́ще оу҆стꙋпи́ла вода̀ ѿ лица̀ земли̇̀. И҆ не ѡ҆брѣ́тши голꙋби́ца поко́ѧ нога́ма свои́ма, возврати́сѧ въ немꙋ̀ въ ковче́гъ, ꙗ҆́кѡ вода̀ бѧ́ше по всемꙋ̀ лицꙋ̀ всеѧ̀ земли̇̀: и҆ просте́ръ рꙋ́кꙋ свою̀, прїѧ́тъ ю҆̀, и҆ внесѐ ю҆̀ къ себѣ̀ въ ковче́гъ. И҆ преме́дливъ є҆щѐ се́дмь дне́й, па́ки посла̀ голꙋби́цꙋ и҆з ковче́га. И҆ возврати́сѧ къ немꙋ̀ голꙋби́ца къ ве́черꙋ, и҆ имѣ́ѧше сꙋче́цъ ма́сличенъ съ ли́ствїемъ во оу҆стѣ́хъ свои́хъ: и҆ позна̀ Нѡ́е, ꙗ҆́кѡ оу҆стꙋпи̇̀ вода̀ ѿ лица̀ земли̇̀. И҆ преме́дливъ є҆щѐ се́дмь дне́й дрꙋги́хъ, па́ки посла̀ голꙋби́цꙋ, и҆ не приложи̇̀ возврати́тисѧ къ немꙋ̀ пото́мъ.

И҆ бы́сть въ пе́рвое и҆ шестьсо́тное лѣ́то житїѧ̀ Нѡ́ева, въ пе́рвый де́нь пе́рвагѡ мц҃а, и҆зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ земли̇̀: и҆ ѿкры̀ Нѡ́е покро́въ ковче́га, є҆го́ же сотвори̇̀, и҆ ви́дѣ ꙗ҆́кѡ и҆зсѧ́че вода̀ ѿ лица̀ земли̇̀. Въ мц҃ъ же вторы́й, въ два́десѧть седмы́й де́нь мц҃а и҆́зсше [3]) землѧ̀. И҆ и҆зы́де Нѡ́е, и҆ жена̀ є҆гѡ̀, и҆ сы̀нове є҆гѡ̀,

[1]) Изсякла. — [2]) послѣ него. — [3]) высохла.

и҆ жены̀ сынѡ́въ є҆гѡ̀ съ ни́мъ: И҆ всѝ ѕвѣ́рїе, и҆ всѝ ско́ти, и҆ всѧ̑ пти́цы, и҆ всѧ̑ га́ды дви́жꙋщыѧсѧ по ро́дꙋ своемꙋ̀ на землѝ, и҆зыдо́ша и҆з̾ ковче́га. И҆ созда̀ Нѡ́е же́ртвенникъ Гдⷭ҇ви: и҆ взѧ̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ чи́стыхъ, и҆ ѿ всѣ́хъ пти̑цъ чи́стыхъ. и҆ вознесѐ во всесожже́нїе на же́ртвенникъ. И҆ бл҃гослови̇̀ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ сы́ны є҆гѡ̀, и҆ речѐ и҆́мъ: расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ ѡ҆блада́йте є҆́ю.

III. Жертвоприношеніе Исаака.

(Кн. Бытія, XXII, 1—13).

Бг҃ъ и҆скꙋша́ше А҆враа́ма, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: А҆враа́ме, А҆враа́ме: и҆ речѐ: сѐ а҆́зъ. И҆ речѐ: поймѝ сы́на твоегѡ̀ возлю́бленнаго, є҆го́же возлюби́лъ є҆сѝ, Ісаа́ка, и҆ и҆дѝ на зе́млю высо́кꙋ, и҆ вознесѝ є҆гѡ̀ та́мѡ во всесожже́нїе, на є҆ди́нꙋ ѿ го́ръ, и҆́хже тѝ рекꙋ̀. Воста́въ же А҆враа́мъ ᲂу҆́трѡ, ѡ҆сѣдла̀ ѻ҆слѧ̀ своѐ, поѧ́тъ же съ собо́ю два̀ ѻ҆́трочища, и҆ Ісаа́ка сы́на своегѡ̀: и҆ растни́въ [1]) дрова̀ во всесожже́нїе, воста́въ и҆́де, и҆ прїи́де на мѣ́сто, є҆́же речѐ є҆мꙋ̀ Бг҃ъ, въ тре́тїй де́нь. И҆ воззрѣ́въ А҆враа́мъ ѻ҆чи́ма свои́ма, ви́дѣ мѣ́сто и҆здале́че. И҆ речѐ А҆враа́мъ ѻ҆трокѡ́мъ свои́мъ: сѧ́дите здѣ̀ со ѻ҆слѧ́темъ: а҆́зъ же и҆ дѣ́тищъ по́йдемъ до ѻ҆́ндѣ [2]), и҆ поклони́вшесѧ возврати́мсѧ къ ва́мъ. Взѧ̀ же А҆враа́мъ дрова̀ всесожже́нїѧ, и҆ возложѝ на Ісаа́ка сы́на своегѡ̀: взѧ̀ же въ рꙋ́ки и҆ ѻ҆́гнь, и҆ но́жъ, и҆ и҆до́ста ѻ҆́ба вкꙋ́пѣ [3]). Рече́ же Ісаа́къ ко А҆враа́мꙋ ѻ҆тцꙋ̀ своемꙋ̀: ѻ҆́тче. ѻ҆́нъ же речѐ: что̀ є҆́сть ча́до; рече́ же: сѐ ѻ҆́гнь и҆ дрова̀, гдѣ̀ є҆́сть ѻ҆вча̀ [4]) є҆́же во всесожже́нїе; Рече́ же А҆враа́мъ: Бг҃ъ ᲂу҆́зритъ себѣ̀ ѻ҆вча̀ во всесожже́нїе, ча́до: Ше́дше же ѻ҆́ба вкꙋ́пѣ, прїидо́ста на мѣ́сто, є҆́же речѐ є҆мꙋ̀ Бг҃ъ: и҆ созда̀ та́мѡ А҆враа́мъ же́ртвенникъ, и҆ возложѝ дрова̀: и҆ свѧза́въ Ісаа́ка сы́на своегѡ̀, возложѝ є҆гѡ̀ на же́ртвенникъ верхꙋ̀ дро́въ. И҆ прострѐ

[1]) Наколовъ. — [2]) туда. — [3]) вмѣстѣ. — [4]) ягненокъ.

А҆враа́мъ рꙋ́кꙋ свою̀, взѧ́ти но́жъ, закла́ти сы́на своего̀. И҆ воззва̀ и҆ А҆́гг҃лъ Гдⷭ҇нь съ небесѐ, и҆ речѐ: А҆враа́ме, А҆враа́ме. О҆́нъ же речѐ: сѐ а҆́зъ. И҆ речѐ: да не возложи́ши рꙋкѝ твоеѧ̀ на о҆́трочища, нижѐ да сотвори́ши є҆мꙋ̀ что̀: ны́нѣ бо позна́хъ, ꙗ҆́кѡ бои́шисѧ ты̀ Бг҃а, и҆ не пощадѣ́лъ є҆сѝ сы́на твоегѡ̀ возлю́бленнагѡ мене ра́ди. И҆ воззрѣ́въ А҆враа́мъ о҆чи́ма свои́ма ви́дѣ, и҆ сѐ о҆ве́нъ [1]) є҆ди́нъ держи́мый рога́ма въ са́дѣ Саве́къ: и҆ иде А҆враа́мъ, и҆ взѧ̀ о҆вна̀, и҆ вознесѐ є҆го̀ во всесожже́нїе вмѣ́стѡ І҆саа́ка сы́на своегѡ̀.

IV. Іосифъ.

1. Продажа Іосифа братьями.

(Кн. Бытія, XXXVII, 3—36).

І҆а́кѡвъ же люблѧ́ше І҆ѡ́сифа па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, ꙗ҆́кѡ сы́нъ въ ста́рости є҆мꙋ̀ бы́сть: и҆ сотворѝ є҆мꙋ̀ ри́зꙋ [2]) пе́стрꙋ. Ви́дѣвше же бра́тїѧ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ лю́битъ є҆го̀ о҆ц҃ъ па́че всѣ́хъ сынѡ́въ свои́хъ, возненави́дѣша є҆го̀, и҆ не можа́хꙋ глаго́лати къ немꙋ̀ ничто́же ми́рно.

Ви́дѣвъ же І҆ѡ́сифъ со́нъ, повѣ́да и҆ бра́тїи свое́й. И҆ рече́ и҆́мъ: послꙋ́шайте сна̀ сегѡ̀, є҆го́же ви́дѣхъ. Мнѣ́хъ ва́съ вѧ́жꙋщихъ снопы̀ средѣ̀ по́лѧ: и҆ воста̀ мо́й сно́пъ, и҆ ста̀ прѧ́мѡ: ва́ши же снопы̀ ѡ҆брати́вшесѧ поклони́шасѧ моемꙋ̀ снопꙋ̀. Рѣ́ша же є҆мꙋ̀ бра́тїѧ є҆гѡ̀: є҆да̀ [3]) ца́рствꙋѧ ца́рствовати бꙋ́деши над̾ на́ми, и҆лѝ госпо́дствꙋѧ госпо́дствовати бꙋ́деши над̾ на́ми; и҆ приложи́ша є҆щѐ ненави́дѣти є҆го̀ снѡ́въ ра́ди є҆гѡ̀, и҆ ра́ди слове́съ є҆гѡ̀.

Ви́дѣ же со́нъ дрꙋгі́й, и҆ повѣ́да є҆го̀ о҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀, и҆ бра́тїи свое́й, и҆ речѐ: сѐ ви́дѣхъ дрꙋгі́й со́нъ: а҆́ки бы со́лнце и҆ лꙋна̀, и҆ є҆динона́десѧть ѕвѣ́здъ покланѧ́хꙋсѧ мнѣ̀. И҆ запретѝ [4]) є҆мꙋ̀ о҆те́цъ є҆гѡ̀, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: что̀ со́нъ се́й, є҆го́же є҆сѝ ви́дѣлъ; є҆да̀ прише́дше

1) Баранъ. — 2) одежду. — 3) неужели. — 4) побранилъ.

прїи́демъ а҆́зъ и҆ ма́ти твоѧ̀, и҆ бра́тїѧ твоѧ̀ поклони́тисѧ тебѣ̀ до земли̇̀; Позави́дѣша же є҆мꙋ̀ бра́тїѧ є҆гѡ̀: ѻ҆ц҃ъ же є҆гѡ̀ соблюде̇ [1]) сло́во сїѐ.

Ѿидо́ша же бра́тїѧ є҆гѡ̀ пасти̇̀ ѻ҆́вцы ѻ҆тца̀ своегѡ̀ въ Сѵ҆хе́мъ. И҆ рече̇̀ І҆сра́иль ко І҆ѡ́сифꙋ: є҆да̀ бра́тїѧ твоѧ̀ не пасꙋ́тъ [2]) въ Сѵ҆хе́мѣ; грѧди̇̀, да послю̀ тѧ къ ни́мъ. рече́ же є҆мꙋ̀: се̇̀ а҆́зъ. Рече́ же є҆мꙋ̀ І҆и҃ль: ше́дъ, ви́ждь, а҆́ще здра́вствꙋютъ бра́тїѧ твоѧ̀, и҆ ѻ҆́вцы; и҆ повѣ́ждь ми̇̀. и҆ посла̀ є҆го̀ ѿ ю҆до́ли [3]) Хеврѡ́ни: и҆ прїи́де въ Сѵ҆хе́мъ. И҆ ѡ҆брѣ́те є҆го̀ человѣ́къ заблꙋжда́юща на по́ли: вопроси́ же є҆го̀ чл҃вѣ́къ, глаго́лѧ: чесогѡ̀ и҆́щеши; Ѻ҆́нъ же рече̇̀: бра́тїи моеѧ̀ и҆щꙋ̀: повѣ́ждь ми̇̀, гдѣ̀ пасꙋ́тъ. Рече́ же є҆мꙋ̀ человѣ́къ: ѿидо́ша ѿсю́дꙋ: слы́шахъ бо и҆̀хъ гл҃ющихъ: по́йдемъ въ Доѳаи́мъ. и҆ и҆́де І҆ѡ́сифъ въ слѣ́дъ бра́тїи своеѧ̀, и҆ ѡ҆брѣ́те ѧ҆̀ въ Доѳаи́мѣ.

Предꙋзрѣ́ша же є҆го̀ и҆здале́че, пре́жде приближе́нїѧ є҆гѡ̀ къ ни́мъ: и҆ ѕлѣ̀ ѹ҆мы́слиша ѹ҆би́ти є҆го̀. Рече̇̀ же кі́йждо къ бра́тꙋ своемꙋ̀: се̇̀ снови́децъ ѻ҆́ный и҆́детъ. ны́нѣ ѹ҆̀бо прїиди́те, ѹ҆бїе́мъ є҆го̀, и҆ вве́ржемъ є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ, и҆ рече́мъ: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣде̇̀ є҆го̀ и҆ ѹ҆́зримъ, что̀ бꙋ́дꙋтъ сѡ́нїѧ є҆гѡ̀.

Слы́шавъ же Рꙋві́мъ, ѿѧ̀ [4]) є҆го̀ и҆з рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ рече̇̀: не ѹ҆бїе́мъ є҆го̀. Рече́ же и҆̀мъ Рꙋві́мъ: не пролі́йте кро́ве: вве́рзите є҆го̀ во є҆ди́нъ ѿ рвѡ́въ си́хъ, и҆̀же въ пꙋсты́ни, рꙋки́ же не возложи́те на него̀: (тща́шесѧ бо) ꙗ҆́кѡ да и҆зы́метъ є҆го̀ ѿ рꙋ́къ и҆́хъ, и҆ ѿда́стъ є҆го̀ ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀. Бы́сть же є҆гда̀ прі́иде І҆ѡ́сифъ къ бра́тїи свое́й, совлеко́ша со І҆ѡ́сифа ри́зꙋ пе́стрꙋю, ꙗ҆́же на не́мъ: И҆ пое́мше є҆го̀, вверго́ша въ ро́въ: ро́въ же то́щъ, воды̀ не имѧ́ше. И҆ сѣдо́ша ꙗ҆́сти хлѣ́бъ и҆ воззрѣ́вше ѻ҆чи́ма, ви́дѣша: и҆ се̇̀ пꙋ́тницы І҆сма́илтѧне и҆дѧ́хꙋ ѿ Галаа́да, и҆ верблю́ды и҆́хъ по́лны ѳѵ҆мїа́ма, и҆ рити́ны и҆ ста́кти [5]): и҆дѧ́хꙋ же везꙋ́ще во Є҆гѵ́петъ.

[1]) замѣтилъ, запомнилъ. — [2]) не пасутъ ли. — [3]) долины. — [4]) избавилъ (отъялъ). — [5]) различные ароматы.

Рече́ же І҆ꙋ́да къ бра́тїи свое́й: ка́ѧ по́льза, а҆́ще оу҆бїе́мъ бра́та на́шего, и҆ скры́емъ кро́вь є҆гѡ̀; Грѧди́те продади́мъ є҆гѡ̀ І҆сма́илтѧнѡмъ си́мъ: рꙋ́цѣ же на́ши да не бꙋ́дꙋтъ на не́мъ, ꙗ҆́кѡ бра́тъ на́шъ, и҆ пло́ть на́ша є҆́сть: послꙋ́шаша же бра́тїѧ є҆гѡ̀. И҆ мимоидо́ша человѣ́цы Мадїа́мстїи кꙋпцы̀: и҆ и҆звлеко́ша и҆ возведо́ша І҆ѡ́сифа и҆з̾ ро́ва, и҆ прода́ша І҆ѡ́сифа Ї҆сма́илтѧнѡмъ на два́десѧть златни́цъ [1]): и҆ поведо́ша І҆ѡ́сифа во Є҆гѵ́петъ. Возврати́сѧ же Рꙋві́мъ къ ро́вꙋ, и҆ не оу҆зрѣ̀ І҆ѡ́сифа въ ро́вѣ: и҆ растерза̀ ри́зы своѧ̑. И҆ прїи́де къ бра́тїи свое́й, и҆ речѐ: ѻ҆́трочища нѣ́сть, а҆́зъ же ка́мѡ [2]) и҆дꙋ̀ ктомꙋ̀.

Взе́мше же ри́зꙋ І҆ѡ́сифовꙋ, закла́ша ко́злище ѿ ко́зъ, и҆ пома́заша ри́зꙋ кро́вїю. И҆ посла́ша ри́зꙋ пе́стрꙋю, и҆ принесо́ша ко ѻ҆ц҃ꙋ̀ своемꙋ̀, и҆ реко́ша: сїю̀ ѡ҆брѣто́хомъ: познава́й, а҆́ще ри́за сы́на твоегѡ̀ є҆́сть, и҆лѝ нѝ. И҆ позна̀ ю҆̀, и҆ речѐ: ри́за сы́на моегѡ̀ є҆́сть: ѕвѣ́рь лю́тъ снѣдѐ є҆гѡ̀: ѕвѣ́рь восхи́ти І҆ѡ́сифа. И҆ растерза̀ І҆а́кѡвъ ри́зы своѧ̑, и҆ возложѝ вре́тище [3]) на чре́сла своѧ̑, и҆ пла́кашесѧ сы́на своегѡ̀ дни̑ мнѡ́ги. Собра́шасѧ же всѝ сы́нове є҆гѡ̀ и҆ дще́ри, и҆ прїидо́ша оу҆тѣ́шити є҆гѡ̀: и҆ не хотѧ́ше оу҆тѣ́шитисѧ, глаго́лѧ: ꙗ҆́кѡ сни́дꙋ къ сы́нꙋ моемꙋ̀ сѣ́тꙋѧ во а҆́дъ [4]): и҆ пла́касѧ ѡ҆ не́мъ ѻ҆ц҃ъ є҆гѡ̀. Мадїа́не же прода́ша І҆ѡ́сифа во Є҆гѵ́петъ Пентефрі́ю є҆ѵнꙋ́хꙋ [5]) Фараѡ́новꙋ, а҆рхїмагі́рꙋ [6]).

2. Іосифъ въ Египтѣ.

(Кн. Бытія, XXXIX, 1—19).

І҆ѡ́сифъ же приведе́нъ бы́сть во Є҆гѵ́петъ: и҆ кꙋпѝ є҆гѡ̀ Пентефрі́й є҆ѵнꙋ́хъ Фараѡ́новъ, а҆рхїмагі́ръ, мꙋ́жъ Є҆гѵ́птѧнинъ, ѿ рꙋ́къ І҆сма́илтѧнъ, и҆́же приведо́ша є҆гѡ̀ та́мѡ. И҆ бѧ́ше Гдⷭ҇ь со І҆ѡ́сифомъ: и҆ бѧ́ше мꙋ́жъ бл҃гополꙋ́ченъ: и҆ бы́сть въ домꙋ̀ гдⷭ҇и́на своегѡ̀ Є҆гѵ́птѧнина. Вѣ́дѧше же гдⷭ҇и́нъ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь бѣ̀ съ

1) монетъ. — 2) куда. — 3) власяницу, шерстяную одежду. — 4) въ преисподнюю. — 5) царедворцу. — 6) начальнику тѣлохранителей.

ни́мъ, и҆ є҆ли́ка твори́тъ, Гдⷭ҇ь бл҃гоꙋстроѧ́етъ въ рꙋкꙋ̀ є҆гѡ̀. И҆ ѡ҆брѣ́те І҆ѡ́сифъ бл҃года́ть[1]) пред҆ гдⷭ҇и́номъ свои́мъ, и҆ бл҃гоꙋгоди̑ є҆мꙋ̀: и҆ поста́ви є҆го̀ над҆ до́момъ свои́мъ: и҆ всѧ̑ є҆ли́ка бы́ша є҆мꙋ̀, дадѐ въ рꙋ́ки І҆ѡ́сифовы. Бы́сть же є҆гда́ поста́ви є҆го̀ над҆ до́момъ свои́мъ, и҆ над҆ всѣ́ми є҆ли́ка и҆мѣ́ѧше: и҆ бл҃гослови̑ Гдⷭ҇ь до́мъ Є҆гѵ́птѧнина І҆ѡ́сифа ра́ди: и҆ бы́сть бл҃гослове́нїе Гдⷭ҇не на все́мъ и҆мѣ́нїи є҆гѡ̀ въ домꙋ̀, и҆ въ се́лѣхъ є҆гѡ̀. И҆ предадѐ всѧ̑, є҆ли́ка бы́ша є҆мꙋ̀, въ рꙋ́ки І҆ѡ́сифовы, и҆ не вѣ́дѧше ѿ сꙋ́щихъ оу҆ себѐ ничто́же, кромѣ̀ хлѣ́ба, є҆го́же ꙗ҆дѧ́ше са́мъ...

3. Сны Фараона.

(Кн. Бытія, XLI, 1—32, 39—43).

Бы́сть же по двою̀ лѣ̑тꙋ дне́й, Фараѡ́нъ ви́дѣ со́нъ: мнѧ́шесѧ стоѧ́ти при рѣцѣ̀. И҆ сѐ а҆́ки и҆з рѣки̑ исхожда́хꙋ се́дмь кра́въ дѡбры̀ ви́домъ, и҆ и҆збра́нны тѣлесы̀, и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ. Дрꙋгі́ѧ же се́дмь кра́въ и҆зыдо́ша по си́хъ и҆з рѣки̑, ѕлы̑[2]) ви́домъ и҆ тѣлесы̀ хꙋ́ды, и҆ пасѧ́хꙋсѧ съ кра́вами по бре́гꙋ рѣчно́мꙋ. И҆ поѧдо́ша се́дмь кра́вы ѕлы́ѧ и҆ хꙋды́ѧ тѣлесы̀ се́дмь кра́въ до́брыхъ ви́домъ, и҆ и҆збра́нныхъ тѣлесы̀. воста̀[3]) же Фараѡ́нъ.

И҆ ви́дѣ со́нъ вторы́й: и҆ сѐ се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з сте́блїѧ є҆ди́нагѡ и҆збра́нны и҆ добры̀. Дрꙋзі́и же се́дмь кла́си то́нцыи, и҆стонче́ни[4]) вѣ́тромъ, и҆зраста́хꙋ по ни́хъ. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи, и҆ и҆стонче́ни вѣ́тромъ се́дмь кла́сѡвъ и҆збра́нныхъ и҆ по́лныхъ. воста́ же Фараѡ́нъ, и҆ бѧ́ше со́нъ[5]).

Бы́сть же заꙋ́тра, и҆ возмꙋти́сѧ дꙋша̀ є҆гѡ̀: и҆ посла́въ, созва̀ всѧ̀ сказа́тели[6]) Є҆гѵ́петскїѧ, и҆ всѧ̑ мꙋ́дрыѧ є҆гѡ̀: и҆сповѣ́да и҆̀мъ Фараѡ́нъ со́нъ сво́й: и҆ не бѧ́ше сказꙋ́ѧй тогѡ̀ Фараѡ́нꙋ. И҆ речѐ старѣ́йшина вїна́рскъ[7]) къ Фараѡ́нꙋ, гл҃ѧ: грѣ́хъ мо́й воспоми-

---

1) благоволеніе.— 2) худыхъ видомъ. — 3) проснулся, всталъ.— 4) изсушенныхъ. — 5) и понялъ, что это былъ сонъ. — 6) волхвовъ. — 7) старшій виночерпій.

на́ю дне́сь. Фараѡ́нъ разгнѣвасѧ на рабы̀ своѧ̑, и҆ вве́рже на́съ въ темни́цꙋ, въ домꙋ̀ а҆рхїмагі́ра[1]), менѐ и҆ старѣ́йшинꙋ жита́рска[2]). И҆ ви́дѣхомъ со́нъ ѻ҆́ба є҆ди́ныѧ но́щи а҆́зъ и҆ ѻ҆́нъ, кі́йждо сво́й со́нъ ви́дѣхомъ. Бѧ́ше же та́мѡ съ на́ми ю҆́ноша, ѻ҆́трокъ Є҆вре́инъ а҆рхїмаги́ровъ: и҆ повѣ́дахомъ є҆мꙋ̀, и҆ разсꙋди̇̀ на́мъ. Бы́сть же, ꙗ҆́коже сказа̀ на́мъ, та́кѡ и҆ слꙋчи́сѧ, мнѣ̀ па́ки бы́ти во свое́мъ старѣ́йшинствѣ, а҆ ѻ҆́номꙋ повѣ́шенꙋ.

Посла́въ же Фараѡ́нъ, призва̀ Ї҆ѡ́сифа: и҆ и҆зведо́ша є҆го̀ и҆з̀ тверды́ни[3]), и҆ ѡ҆стриго́ша є҆го̀, и҆ и҆змѣни́ша ри́зы є҆мꙋ̀: и҆ прїи́де къ Фараѡ́нꙋ. Рече́ же Фараѡ̀нъ Ї҆ѡ́сифꙋ: со́нъ ви́дѣхъ, и҆ сказꙋ́ѧй є҆го̀ нѣ́сть[4]): а҆́зъ же слы́шахъ ѡ҆ тебѣ̀ гл҃ющихъ, ꙗ҆́кѡ слы́шавъ сны̀, разсꙋжда́еши ты̀ѧ. Ѿвѣща́въ же Ї҆ѡ́сифъ Фараѡ́нꙋ, речѐ: без̾ Бг҃а не ѿвѣща́етсѧ спасе́нїе Фараѡ́нꙋ. Рече́ же Фараѡ́нъ Ї҆ѡ́сифꙋ, гл҃ѧ: во снѣ̀ мое́мъ мнѧ́хсѧ стоѧ́ти на бре́зѣ рѣчнѣ́мъ. И҆ а҆́ки и҆з̾ рѣки̇̀ и҆схожда́хꙋ се́дмь кра̑вы дѡбры̀ ви́домъ, и҆ и҆збра̑нны тѣлесы̀, и҆ пасѧ́хꙋсѧ по бре́гꙋ. И҆ сѐ дрꙋгі̑ѧ се́дмь кра́въ и҆схожда́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ и҆з̾ рѣки̇̀, ѕлы̀ и҆ недѡбры̀ ви́домъ, и҆ хꙋ́ды тѣлесы̀, ꙗ҆ковы́хъ не ви́дѣхъ таковы́хъ во все́й земли̇̀ Є҆гѵ́петстѣй хꙋ́ждшихъ. И҆ и҆з̾ѧдо́ша се́дмь кра̑вы ѕлы̀ѧ и҆ хꙋды̀ѧ се́дмь кра́въ пе́рвыхъ до́брыхъ и҆ и҆збра́нныхъ: И҆ вни́доша во ѹ҆трѡ́бы и҆́хъ, и҆ не ꙗ҆ви́шасѧ ꙗ҆́кѡ внидо́ша[5]) во ѹ҆трѡ́бы и҆́хъ: и҆ ѡ҆бли̇чїѧ и҆́хъ ѕла̑ бы́ша, ꙗ҆́кѡ и҆ и҆спе́рва. воста́въ же, (па́ки) ѹ҆снꙋ́хъ. И҆ ви́дѣхъ па́ки во снѣ̀ мое́мъ, и҆ а҆́ки се́дмь кла́си и҆схожда́хꙋ и҆з̾ є҆ди́нагѡ сте́блїѧ пѡ́лны и҆ дѡбры̀, Дрꙋзі́и же се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ и҆стонче́ни и҆зница́хꙋ въ слѣ́дъ и҆́хъ. И҆ пожро́ша се́дмь кла́си то́нцыи и҆ вѣ́тромъ и҆стонче́ни се́дмь кла́сѡвъ до́брыхъ и҆ по́лныхъ. рѣ́хъ ѹ҆́бѡ сказа́телемъ, и҆ не бы́сть повѣ́даѧй мнѣ̀ тогѡ̀.

---

1) начальникъ тѣлохранителей. — 2) старшаго хлѣбодара. — 3) изъ темницы. — 4) нѣтъ никого, кто бы истолковалъ. — 5) И не примѣтно было, что онѣ вошли.

И҆ речѐ Ї҆ѡ́сифъ Фараѡ́нꙋ: со́нъ Фараѡ́новъ є҆ди́нъ є҆́сть: є҆ли́ка Бг҃ъ твори́тъ [1]), показа̀ Фараѡ́нꙋ. Се́дмь кра̀вы дѡ́брыѧ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си до́брїи, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: со́нъ Фараѡ́новъ є҆ди́нъ є҆́сть. И҆ се́дмь кра̀вы хꙋды̀ѧ, ꙗ҆̀же и҆зыдо́ша по си́хъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: и҆ се́дмь кла́си то́нцыи и҆ и҆стонче́ни вѣ́тромъ, се́дмь лѣ́тъ сꙋ́ть: бꙋ́дꙋтъ се́дмь лѣ́тъ гла́да. Сло́во же є҆́же рѣ́хъ Фараѡ́нꙋ, є҆ли́ка Бг҃ъ твори́тъ, показа̀ Фараѡ́нꙋ. Сѐ се́дмь лѣ́тъ прихо́дитъ, ѻ҆би́лность мно́га во все́й земли̇̀ Є҆гѵ́петстѣй. Прїи́дꙋтъ же се́дмь лѣ́тъ гла́да по си́хъ: и҆ забꙋ́дꙋтъ сы́тѡсти бꙋ́дꙋщїѧ во все́мъ Є҆гѵ́птѣ, и҆ погꙋби́тъ гла́дъ зе́млю: И҆ не позна́етсѧ ѻ҆би́лїе на земли̇̀ ѿ гла́да бꙋ́дꙋщагѡ по си́хъ: си́ленъ бо бꙋ́детъ ѕѣлѡ̀. Повтори́сѧ же со́нъ Фараѡ́нꙋ два́жды, ꙗ҆́кѡ и҆́стинно бꙋ́детъ сло́во є҆́же ѿ Бг҃а: и҆ ѹ҆скори́тъ Бг҃ъ сотвори́ти ѻ҆́но.

Речѐ же Фараѡ́нъ Ї҆ѡ́сифꙋ: поне́же показа̀ Бг҃ъ тебѣ̀ всѧ̀ сїѧ̀, нѣ́сть человѣ́ка мꙋдрѣ́йша и҆ смы́сленнѣйша па́че тебѐ. Ты̀ бꙋ́деши въ домꙋ̀ мое́мъ, и҆ ѹ҆́стъ твои́хъ да послꙋ́шаютъ вси̇̀ лю́дїе мои̇̀: ра́звѣ [2]) престо́ломъ а҆́зъ бо́лѣе тебѐ бꙋ́дꙋ. Рече́ же Фараѡ́нъ Ї҆ѡ́сифꙋ: сѐ поставлѧ́ю тѧ̀ дне́сь над̾ все́ю земле́ю Є҆гѵ́петскою. И҆ сне́мъ Фараѡ́нъ пе́рстень съ рꙋки̇̀ своеѧ̀, возложи̇̀ є҆го̀ на рꙋ́кꙋ Ї҆ѡ́сифовꙋ: и҆ ѡ҆блечѐ є҆го̀ въ ри́зꙋ червле́нꙋ [3]), и҆ возложи̇̀ гри́внꙋ [4]) зла́тꙋ на вы́ю [5]) є҆гѡ̀: И҆ всади̇̀ є҆го̀ на колесни́цꙋ свою̀ вторꙋ́ю, и҆ проповѣ́да пред̾ ни́мъ проповѣ́дникъ: и҆ поста́ви є҆го̀ над̾ все́ю земле́ю Є҆гѵ́петскою.

V. Синайское законодательство.

(Исходъ, XIX, 17–25, XX, 1—18).

И҆зведе́ же Мѡѷсе́й лю́ди во срѣ́тенїе Бг҃ꙋ и҆з̾ полка̀ [6]) и҆ ста́ша под̾ горо́ю. Гора́ же Сїна́йскаѧ дымѧ́шесѧ всѧ̀, схожде́нїѧ ра́ди Бж҃їѧ на ню̀ во ѻ҆гни̇̀: и҆ восхожда́ше ды́мъ, ꙗ҆́кѡ ды́мъ

[1]) что Богъ сдѣлалъ.— [2]) только... — [3]) красную. — [4]) цѣпь.— [5]) шею.— [6]) стана.

пе́щный: и҆ ᲂу҆жасо́шасѧ всѝ лю́дїе ѕѣлѡ́, Бы́ша же гла́си тру́бнїи происходѧ́ще крѣ́пцы ѕѣлѡ̀: Мѡѷсе́й глаго́лаше, Бг҃ъ же ѿвѣщава́ше є҆мꙋ̀ гла́сомъ. Сни́де же Гдⷭ҇ь на го́рꙋ Сїна́йскꙋю на ве́рхъ горы̀: и҆ воззва́ Гдⷭ҇ь Мѡѷсе́а на ве́рхъ горы̀: и҆ взы́де Мѡѷсе́й. И҆ речѐ Бг҃ъ къ немꙋ̀, гл҃ѧ: соше́дъ засвидѣ́тельствꙋй лю́демъ, да не когда̀ пристꙋ́пѧтъ къ Бг҃ꙋ ᲂу҆разꙋмѣ́ти [1]), и҆ падꙋ́тъ [2]) ѿ ни́хъ мно́зи: Жерцы́ [3]) же пристꙋпа́ющїи ко Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ да ѡ҆ст҃ѧ́тсѧ, да не когда̀ погꙋби́тъ ѿ ни́хъ Гдⷭ҇ь. И҆ речѐ Мѡѷсе́й къ Бг҃ꙋ: не возмо́гꙋтъ лю́дїе взы́ти на го́рꙋ Сїна́йскꙋю: ты́ бо завѣща́лъ є҆сѝ на́мъ, гл҃ѧ: ѡ҆предѣлѝ го́рꙋ [4]), и҆ ѡ҆ст҃ѝ ю҆̀. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ Гдⷭ҇ь: и҆дѝ, сни́ди, и҆ взы́ди ты̀, и҆ А҆арѡ́нъ съ тобо́ю: жерцы́ же и҆ лю́дїе да не нꙋ́дѧтсѧ взы́ти къ Бг҃ꙋ, да не когда̀ погꙋби́тъ ѿ ни́хъ Гдⷭ҇ь. Сни́де же Мѡѷсе́й къ лю́демъ, и҆ повѣ́да и҆̀мъ.

И҆ глаго́ла Гдⷭ҇ь всѧ̀ словеса̀ сїѧ̀ къ Мѡѷсе́ю, глаго́лѧ: А҆́зъ є҆́смь Гдⷭ҇ь Бг҃ъ тво́й, и҆зведы́й тѧ̀ ѿ землѝ Є҆гѵ́петскїѧ, ѿ до́мꙋ рабо́ты. Да не бꙋ́дꙋтъ тебѣ̀ бо́зи и҆ни́и ра́звѣ менѐ. Не сотворѝ себѣ̀ кꙋмі́ра, и҆ всѧ́кагѡ подо́бїѧ, є҆ли́ка на нб҃сѝ горѣ̀, и҆ є҆ли́ка на землѝ ни́зꙋ, и҆ є҆ли́ка въ вода́хъ под̾ землє́ю: Да не поклони́шисѧ и҆̀мъ, ни послꙋ́жиши и҆̀мъ: а҆́зъ бо є҆́смь Гдⷭ҇ь Бг҃ъ тво́й, Бг҃ъ ревни́тель, ѿдаѧ́й грѣхѝ ѻ҆те́цъ на ча́да до тре́тїѧгѡ и҆ четве́ртагѡ ро́да ненави́дѧщымъ менѐ. И҆ творѧ́й ми́лость въ ты́сѧщахъ лю́бѧщымъ мѧ̀, и҆ хранѧ́щымъ повелѣ̀нїѧ моѧ̀. Не во́змеши и҆̀мене Гдⷭ҇а Бг҃а твоегѡ̀ всꙋ́е: не ѡ҆чи́ститъ бо Гдⷭ҇ь прїе́млющаго и҆̀мѧ є҆гѡ̀ всꙋ́е. По́мни де́нь сꙋббѡ́тный, є҆́же свѧти́ти є҆го̀: Ше́сть дне́й дѣ́лай, и҆ сотвори́ши (въ ни́хъ) всѧ̀ дѣла̀ твоѧ̀: Въ де́нь же седмы́й, сꙋббѡ́та Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ̀: да не сотвори́ши всѧ́кагѡ дѣ́ла въ ѻ҆́нь, ты̀, и҆ сы́нъ тво́й, и҆ дще́рь твоѧ̀, и҆ ра́бъ тво́й, и҆ раба твоѧ̀, и҆ во́лъ тво́й, и҆ ѻ҆слѧ̀ твоѐ и҆ всѧ́кїй ско́тъ тво́й, и҆ пришле́цъ ѻ҆бита́ѧй ᲂу҆ тебѐ. Занѐ въ шестѝ дне́хъ сотворѝ

[1]) чтобъ онъ не порывался къ Богу видѣть его. — [2]) и чтобы не пали. — [3]) священники. — [4]) проведи черту вокругъ горы.

Гдⷭ҇ь нб҃о и҆ зе́млю, мо́ре, и҆ всѧ̀ ꙗ҆̀же въ ни́хъ, и҆ почѝ въ де́нь седмы́й: сегѡ̀ ра́ди бл҃гослови̇̀ Гдⷭ҇ь де́нь седмы́й, и҆ ѡ҆стѝ є҆го̀. Чтѝ ѻ҆ц҃а̀ твоего̀ и҆ ма́терь твою̀, да бл҃го тѝ бꙋ́детъ, и҆ да долголѣ́тенъ бꙋ́деши на землѝ бла́зѣ, ю҆̀же Гдⷭ҇ь Бг҃ъ тво́й дае́тъ тебѣ̀. Не оу҆бі́й. Не прелюбы̀ сотворѝ. Не оу҆кра́ди. Не послꙋ́шествꙋй на дрꙋ́га своего̀ свидѣ́тельства ло́жна. Не пожела́й жены̀ и҆скреннѧго твоегѡ̀: не пожела́й до́мꙋ бли́жнѧго твоегѡ̀, ни села̀ є҆гѡ̀, ни рава̀ є҆гѡ̀, ни рабы́ни є҆гѡ̀, ни вола̀ є҆гѡ̀, ни ѻ҆сла̀ є҆гѡ̀, ни всѧ́кагѡ скота̀ є҆гѡ̀, ни всегѡ̀ є҆ли́ка сꙋ́ть бли́жнѧгѡ твоегѡ̀. И҆ всѝ лю́дїе зрѧ́хꙋ гла́съ, и҆ свѣщы̀ [1]), и҆ гла́съ трꙋ́бный, и҆ го́рꙋ дымѧ́щꙋюсѧ: и҆ оу҆боѧ́вшесѧ всѝ лю́дїе ста́ша и҆здале́че.

VI. Разрушеніе Іерихона.

(Кн. Іис. Нав., VI, 11—15, 19, 20).

Воста̀ І҆исꙋ́съ заꙋ́тра, и҆ воздвиго́ша жерцы̀ [2]) кївѡ́тъ завѣ́та Гдⷭ҇нѧ. И҆ жерцы̀ се́дмь носѧ́щїи се́дмь трꙋ́къ предидѧ́хꙋ пред̾ кївѡ́томъ Гдⷭ҇нимъ, и҆ трꙋби́ша трꙋба́ми, и҆ во́ини воѡрꙋже́ни и҆дѧ́хꙋ, и҆ про́чїи лю́дїе въ слѣ́дъ кївѡ́та завѣ́та Гдⷭ҇нѧ и҆дꙋ́ще, и҆ жерцы̀ вострꙋби́ша трꙋба́ми ро́жаными. И҆ ѡ҆быдо́ша гра́дъ въ де́нь вторы́й є҆ди́ною [3]), и поидо́ша па́ки въ по́лкъ [4]): си́це творѧ́хꙋ ше́сть дне́й. И҆ бы́сть въ седмы́й де́нь, воста́ша въ воста́нїе оу҆треннее, и҆ ѡ҆быдо́ша гра́дъ въ то́й де́нь седми́жды. И҆ бы́сть во ѡ҆бхожде́нїи седмо́мъ вострꙋби́ша жерцы̀ трꙋба́ми: и҆ рече́ І҆исꙋ́съ къ сынѡ́мъ І҆и҃левымъ: воскли́кните, предаде́ бо Гдⷭ҇ь ва́мъ гра́дъ... И҆ вострꙋби́ша жерцы̀ трꙋба́ми: є҆гда́ же оу҆слы́шаша лю́дїе гла́съ трꙋ́бный, воскли́кнꙋша всѝ кꙋ́пно лю́дїе гла́сомъ вели́кимъ и҆ си́лнымъ. и҆ падо́ша всѧ̀ стѣ́ны гра́да ѻ҆́крестъ: и҆ внидо́ша всѝ лю́дїе во гра́дъ, кі́йждо проти́вꙋ себѐ, и҆ прїѧ́ша гра́дъ. И҆ проклѧ̀ и҆ І҆исꙋ́съ, и҆ є҆ли́ка бы́ша во гра́дѣ ѿ мꙋ́жеска по́лꙋ и҆ до же́нска,

---

[1]) Видѣлъ громы и пламя. — [2]) священники. — [3]) одинъ разъ. — [4]) станъ.

ѿ ю҆ноши и҆ до ста́рца, и҆ ѿ телца̀ до ѻ҆вцы̀, и҆ до ѻ҆сля́те, всѐ под̾ ме́чь.

VII. Смерть Сампсона.

(Кн. Суд. Изр. XVI, 13, 15—30).

Речѐ Далі́да къ Самѱо́нꙋ: не повѣ́далъ є҆сѝ мнѣ̀, въ че́мъ крѣ́пость твоѧ̀ вели́каѧ. И҆ бы́сть є҆гда̀ стꙋжѝ [1]) є҆мꙋ̀ словесы̀ свои́ми по всѧ̑ дни̑, и҆ ᲂу҆бѣдѝ є҆го̀, и҆ и҆знемо́же да́же до ᲂу҆ме́ртвїѧ [2]): И҆ повѣ́да є҆́й всѐ се́рдце своѐ, и речѐ къ не́й: желѣ́зо не взы́де [3]) на главꙋ̀ мою̀, ꙗ҆́кѡ Назѡре́й є҆́смь а҆́зъ Гдⷭ҇ꙋ ѿ ᲂу҆тро́бы ма́тере моеѧ̀: а҆́ще ᲂу҆̀бо ѻ҆бріюсѧ, ѿстꙋ́питъ ѿ менѐ крѣ́пость моѧ̀, и҆ изнемогꙋ̀, и҆ бꙋ́дꙋ ꙗ҆́коже всѝ человѣ́цы.

И҆ ви́дѣ Далі́да, ꙗ҆́кѡ повѣ́да є҆́й всѐ се́рдце своѐ, посла̀ и҆ призва̀ кнѧ́зи и҆ноплеме́нничи, глаго́люще: взы́дите є҆щѐ є҆ди́ною, ꙗ҆́кѡ повѣ́да мѝ всѐ се́рдце своѐ, и҆ взыдо́ша къ не́й всѝ кнѧ́зи и҆ноплеме́нничи́, и҆ принесо́ша сребро̀ въ рꙋка́хъ свои́хъ. И҆ ᲂу҆спѝ Далі́да Самѱѡ́на на колѣ́нѣхъ свои́хъ, и҆ призва̀ стригача̀, и҆ ѡ҆стрижѐ се́дмь плени́цъ [4]) вла̑съ главы̀ є҆гѡ̀: и҆ нача̀ смирѧ́тисѧ, и҆ ѿстꙋпѝ крѣ́пость є҆гѡ̀ ѿ негѡ̀. И҆ речѐ Далі́да: и҆ноплеме́нницы на тѧ̀ Самѱѡ́не. и҆ возбꙋди́сѧ ѿ сна́ своегѡ̀ и҆ речѐ: и҆зы́дꙋ ꙗ҆́коже и҆ пре́жде, и҆ ѡ҆трѧсꙋ́сѧ [5]): и҆ не разꙋмѣ̀, ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь ѿстꙋпѝ ѿ негѡ̀. И҆ ꙗ҆́ша є҆го̀ и҆ноплеме́нницы, и҆ и҆збодо́ша [6]) є҆мꙋ̀ ѻ҆́чи, и҆ введо́ша є҆го̀ въ Га́зꙋ, и҆ ѡ҆кова́ша є҆го̀ пꙋ́ты мѣ́дѧны: и҆ бѧ́ше мелѧ̀ [7]) въ хра́минѣ темни́чнѣй.

И҆ нача́ша власы̀ главы̀ є҆гѡ̀ растѝ по ѡ҆стриже́нїи. И҆ кнѧ́зи и҆ноплеме́нничи собра́шасѧ пожре́ти же́ртвꙋ вели́кꙋ Дагѡ́нꙋ бо́гꙋ своемꙋ̀, и҆ возвесели́тисѧ, и҆ реко́ша: предадѐ бо́гъ на́шъ въ рꙋ́ки на́шѧ Самѱѡ́на врага̀ на́шего. И҆ ви́дѣша є҆го̀ лю́дїе, и҆ похвали́ша бо́га своего́, ꙗ҆́кѡ рѣ́ша: предадѐ бо́гъ на́шъ въ рꙋ́ки на́шѧ врага̀

---

1) Тяготила. — 2) тяжело стало до смерти. — 3) бритва не касалась. — 4) косицъ. — 5) освобожусь. — 6) выкололи. — 7) мололъ.

на́шего, ѡ҆пꙋстоши́вшаго зе́млю на́шꙋ, и҆ и҆́же ᲂу҆мно́жи ꙗ҆́звенныхъ на́шихъ. И҆ бы́сть є҆гда̀ возблажа̀ [1]) срⷣце и҆́хъ, и҆ реко́ша: призови́те Самѱѡ́на и҆з до́мꙋ темни́чнагѡ, и҆ да и҆гра́етъ пред̾ на́ми [2]): и҆ призва́ша Самѱѡ́на и҆з до́мꙋ темни́чнагѡ, и҆ и҆гра́ше пред̾ ни́ми: и҆ заꙋша́хꙋ є҆го, и҆ поста́виша є҆го̀ междꙋ̀ столпы̀. И҆ речѐ Самѱѡ́нъ ко ю҆́ноши держа́щемꙋ є҆го̀ за рꙋ́кꙋ: ѡ҆ста́ви менѐ, да ѡ҆сѧжꙋ̀ [3]) столпы̀, на ни́хже до́мъ се́й ᲂу҆твержде́нъ є҆́сть, и҆ ѡ҆прꙋ́сѧ на ни́хъ: ю҆́ноша же сотворѝ та́кѡ. До́мъ же бѧ́ше по́лнъ мꙋже́й и҆ же́нъ, и҆ та́мѡ всѝ кнѧ́зи и҆ноплеме́нничи: на кро́вѣ [4]) же то́мъ до тре́хъ ты́сѧщъ мꙋже́й и҆ же́нъ, зрѧ́ще рꙋга́емаго Самѱѡ́на. И҆ воззва̀ Самѱѡ́нъ ко Гдⷭ҇ꙋ, и҆ речѐ: А҆дѡнаі̀ Гдⷭ҇и [5]), Гди си́лъ, помѧни́ мѧ ны́нѣ, и҆ ᲂу҆крѣпи́ мѧ є҆щѐ є҆ди́ною [6]) Бж҃е, да возда́мъ мще́нїе є҆ди́но за два̀ ѡ҆́ка моѧ̀ Фѵлісті́мѡмъ. И҆ ѡ҆бѧ̀ Самѱѡ́нъ ѻ҆́ба столпа̑ сре́днїѧ, на ни́хже хра́мина бѧ́ше ᲂу҆твержде́на, и҆ ѡ҆пре́сѧ на ни́хъ, держа̀ є҆ди́нъ рꙋко́ю десно́ю, а҆ дрꙋгі́й лѣ́вою. И҆ речѐ Самѱѡ́нъ: да ᲂу҆́мретъ дꙋша̀ моѧ̀ со и҆ноплеме́нники. и҆ преклони́сѧ крѣ́постїю, и҆ падѐ хра́мина на кнѧ́зи и҆ на всѧ̀ лю́ди и҆́же въ не́й: и҆ бы́сть ме́ртвыхъ, и҆́хже ᲂу҆мертвѝ Самѱѡ́нъ при сме́рти свое́й мно́жае, не́же и҆́хже ᲂу҆мертвѝ въ животѣ̀ [7]) свое́мъ.

VIII. Единоборство Давида и Голіаѳа.

(Кн. I Царствъ, XVII, 2—12, 32—46, 48—51).

Саꙋ́лъ же и҆ мꙋ́жи І҆и҃левы собра́шасѧ, и҆ ѡ҆полчи́шасѧ во ᲂу҆до́ли [8]) Теревінѳа, и҆ ᲂу҆строѧ́хꙋсѧ на бра́нь проти́вꙋ и҆ноплеме́нникѡмъ. И҆ и҆ноплеме́нницы стоѧ́хꙋ на горѣ̀ ѿсю́дꙋ ѻ҆со́бь, І҆и҃ль же стоѧ́ше на горѣ̀ ѿонꙋ́дꙋ, и҆ ᲂу҆до́ль междꙋ̀ и҆́ми бѧ́ше.

И҆ и҆зы́де мꙋ́жъ си́ленъ и҆з полка̀ и҆ноплеме́ннича, и҆́мѧ є҆мꙋ̀ Голіа́ѳъ, ѿ Ге́ѳа, высота̀ є҆гѡ̀ ше́сть лакѡ́тъ и҆ пѧ́дь. И҆ шле́мъ

---

1) Развеселилось.— 2) пусть забавляетъ насъ. — 3) ощупаю.—4) кровлѣ.— 5) Господи Боже!— 6) однажды. — 7) жизни. — 8) въ долинѣ.

мѣдѧнъ на главѣ ѥгѡ̀, и҆ въ броню̀ кольча́тꙋ то́й ѡ҆боаче́нъ бѧ́ше: и҆ вѣ́съ брони̇̀ ѥгѡ̀ пѧ́ть ты̀сѧщъ сі̑кль мѣ́ди и҆ желѣ́за. И҆ поню́жи [1]) мѣдѧны верхꙋ̀ го́леней ѥгѡ̀, и҆ щи́тъ мѣдѧнъ на плеща́хъ ѥгѡ̀. И҆ ра́товище [2]) копі̑ѧ ѥгѡ̀ а҆́ки ѻ҆рꙋ́дїе ткꙋ́щихъ [3]), и҆ копі̑е ѥгѡ̀ ше́сть сѡ́тъ сі̑кль желѣ́за: и҆ носѧ́й ѻ҆рꙋ́жїе ѥгѡ̀ и҆дѧ́ше пре̑д ни́мъ. И҆ ста̀, и҆ возопѝ пре̑д І҆и҃левыми, и҆ рече̑ и҆́мъ: почто̀ и҆зыдо́сте, ѡ҆полчи́тисѧ ли на бра́нь проти́вꙋ на́мъ; нѣ́смь ли а҆́зъ и҆ноплеме́нникъ, вы́ же Є҆вре́и Саꙋ́ловы; и҆збери́те себѣ̀ мꙋ́жа, и҆ да сни́детъ ко мнѣ̀. И҆ а҆́ще возмо́жетъ со мно́ю бра́тисѧ, и҆ ѡ҆долѣ́етъ мѝ, бꙋ́демъ ва́мъ рабѝ, а҆́ще же а҆́зъ возмогꙋ̀ ѡ҆долѣ́ти є҆мꙋ̀, бꙋ́дете вы̀ на́мъ рабѝ, и҆ порабо́таете на́мъ. И҆ рече̑ и҆ноплеме́нникъ: се̑ а҆́зъ дне́сь ѹ҆ничижи́хъ [4]) по́лкъ І҆и҃левъ въ се́й де́нь: дади́те мѝ мꙋ́жа, и҆́же побо́ретсѧ со мно́ю є҆ди́нъ.

И҆ слы́ша Саꙋ́лъ и҆ ве́сь І҆и҃ль глаго́лы и҆ноплеме́нничи сі̑ѧ, и ѹ҆жасо́шасѧ, и҆ ѹ҆боѧ́шасѧ ѕѣлѡ̀. Дв҃дъ же Є҆фраѳе́евъ, се́й бѣ̀ ѿ Виѳлее́ма І҆ꙋ́дина, и҆́мѧ же ѻ҆ц҃ꙋ̀ є҆гѡ̀ І҆ессе́й, є҆мꙋ́же бѣ̀ ѻ҆́смь сынѡ́въ. во дни̇̀ же Саꙋ́ловы бѣ̀ мꙋ́жъ то́й состарѣ́сѧ въ мꙋже́хъ...

И҆ рече̑ Дв҃дъ къ Саꙋ́лꙋ: да не ѹ҆жаса́етсѧ срⷣце господи́нꙋ моемꙋ̀ ѡ҆ се́мъ: ра́бъ тво́й по́йдетъ, и побо́ретсѧ со и҆ноплеме́нникомъ си́мъ. И҆ рече̑ Саꙋ́лъ къ Дв҃дꙋ: не возмо́жеши пойти̇̀ ко и҆ноплеме́нникꙋ семꙋ̀ бра́тисѧ съ ни́мъ, ꙗ҆́кѡ ты̀ дѣ́тищъ є҆сѝ, се́й же мꙋ́жъ боре́цъ є҆́сть ѿ ю҆́ности своеѧ̀. И҆ рече̑ Дв҃дъ къ Саꙋ́лꙋ: є҆гда̀ пасѧ́ше ра́бъ тво́й ѻ҆ц҃а̀ сво́егѡ̀ ста́до: и҆ є҆гда̀ прихожда́ше ле́въ и҆лѝ медвѣ́дица, и҆ восхища́ше ѿ ста́да ѻ҆́вцꙋ є҆ди́нꙋ: И҆ а҆́зъ въ слѣ́дъ є҆гѡ̀ исхожда́хъ, и҆ поража́хъ є҆го̀, и҆ и҆сторга́хъ и҆з ѹ҆́стъ є҆гѡ̀ (взѧ́тое): и҆ а҆́ще воспротивлѧ́шесѧ мѝ, то̀ взе́мъ за горта́нь є҆гѡ̀, поража́хъ, и҆ ѹ҆мерщвлѧ́хъ є҆го̀. И҆ льва̀ и҆ медвѣ́дицꙋ бі̑ѧ́ше ра́бъ тво́й, и҆ бꙋ́детъ и҆ноплеме́нникъ неѡбрѣ́занный се́й, ꙗ҆́кѡ є҆ди́нъ ѿ си́хъ: не пойдꙋ̀ ли, и҆ поражꙋ̀ є҆го̀, и҆ ѿимꙋ̀ дне́сь поноше́нїе ѿ І҆и҃лѧ; поне́же кто̀ неѡбрѣ́занный се́й, и҆́же ѹ҆ничижѝ по́лкъ Бг҃а

[1]) Наколѣнники. — [2]) древко. — [3]) ткачей. — [4]) посрамлю.

жи́ва; И҆ речѐ Дв҃дъ: Гдⷭ҇ь и҆́же и҆зѧ́тъ мѧ̀ ѿ рꙋкѝ льво́вы, и҆ ѿ рꙋкѝ медвѣ́дицы, то́й и҆́зметъ мѧ̀. ѿ рꙋкѝ и҆ноплеме́нника сегѡ̀ неѡбрѣ́заннагѡ. и҆ речѐ Саꙋ́лъ къ Дв҃дꙋ: и҆дѝ, и҆ да бꙋ́детъ Гдⷭ҇ь съ тобо́ю.

И҆ ѡ҆блечѐ Саꙋ́лъ Дв҃да ѻ҆де́ждею, и҆ шле́мъ мѣ́дѧнъ возложѝ на главꙋ̀ є҆гѡ̀. И҆ препоѧ́са Дв҃да ѻ҆рꙋ́жїемъ свои́мъ верхꙋ̀ ѻ҆де́жды є҆гѡ̀. Дв҃дъ же походи́въ (во ѻ҆рꙋ́жїи) сѣ́мѡ и҆ ѻ҆ва́мѡ[1]), ᲂу҆трꙋди́сѧ, ꙗ҆́кѡ не ѡ҆бы́че. и҆ речѐ Дв҃дъ Саꙋ́лꙋ: не́ могꙋ̀ и҆тѝ въ си́хъ, ꙗ҆́кѡ не ѡ҆быко́хъ: и҆ взѧ́ша ѿ негѡ̀ сїѧ̀. И҆ взѧ̀ па́лицꙋ свою̀ въ рꙋ́кꙋ свою̀: и҆ и҆збра̀ себѣ̀ пѧ́ть ка́менїй гла́дкихъ ѿ пото́ка, и҆ вложѝ ѧ҆̀ въ тобо́лецъ па́стырскїй[2]) є҆го́же ноша́ше, и҆ пра́щꙋ свою̀ и҆мы́й въ рꙋцѣ̀ свое́й. и҆ и҆́де къ мꙋ́жꙋ и҆ноплеме́нникꙋ. И҆ и҆дѧ́ше и҆ноплеме́нникъ приближа́ѧсѧ къ Дв҃дꙋ, и҆ носѧ́й ѻ҆рꙋ́жїе є҆гѡ̀ пред̾ ни́мъ (и҆дѧ́ше).

И҆ ви́дѣ Голїа́ѳъ и҆ноплеме́нникъ Дв҃да, и҆ ѡ҆безче́ствова є҆го̀, занѐ то́й дѣ́тищъ бѣ̀, и҆ че́рменъ[3]) и҆ лѣ́пъ ѡ҆чи́ма[4]). И҆ речѐ и҆ноплеме́нникъ къ Дв҃дꙋ: є҆да̀[5]) пе́съ а҆́зъ є҆́смь, ꙗ҆́кѡ ты̀ и҆́деши проти́вꙋ менѐ съ па́лицею и҆ ка́менїемъ; и҆ речѐ Дв҃дъ: нѝ, но и҆ хꙋ́ждшїй пса̀, и҆ проклѧ̀ и҆ноплеме́нникъ Дв҃да бѡ́ги свои́ми. И҆ речѐ и҆ноплеме́нникъ къ Дв҃дꙋ: грѧди́ ко мнѣ̀, и҆ да́мъ пло́ть твою̀ пти́цамъ нб҃снымъ, и҆ ѕвѣре́мъ земны̀мъ. И҆ речѐ Дв҃дъ иноплеме́нникꙋ: ты̀ и҆́деши на мѧ̀ съ мече́мъ и҆ съ копїе́мъ и҆ щито́мъ, а҆́зъ же пойдꙋ̀ на тѧ̀ во и҆́мѧ Гдⷭ҇а Бг҃а Саваѡ́ѳа, Бг҃а ѡ҆полче́нїѧ І҆и҃лева, є҆го́же ты̀ ᲂу҆ничижилъ є҆сѝ дне́сь.

И҆ воста̀ и҆ноплеме́нникъ, и҆ и҆́де во срѣ́тенїе Дв҃дꙋ. и҆ ᲂу҆скорѝ Дв҃дъ, и҆ течѐ на сраже́нїе во срѣ́тенїе и҆ноплеме́нникꙋ. И҆ прострѐ Дв҃дъ рꙋ́кꙋ свою̀ въ тобо́лецъ, и҆ и҆зѧ̀ и҆з негѡ̀ ка́мень є҆ди́нъ, (и҆ вложѝ въ пра́щꙋ,) и҆ ве́рже пра́щею, и҆ поразѝ и҆ноплеме́нника въ чело̀ є҆гѡ̀, и҆ ᲂу҆́нзе ка́мень под̾ шле́момъ є҆гѡ̀ въ чело̀ є҆гѡ̀, и҆

1) Туда и сюда. — 2) въ пастушескую сумку. — 3) бѣлокуръ. — 4) красивъ лицомъ. — 5) развѣ.

падѐ (Голїа́ѳъ) на лицы̀ свое́мъ на зе́млю. И҆ оу҆крѣпи́сѧ [1]) Дв҃дъ над̾ и҆ноплеме́нникомъ пра́щею и҆ ка́менемъ, и҆ порази̇̀ и҆но́племе́нника, и҆ оу҆мертви̇̀ є҆го̀: ѻ҆ру́жїѧ [2]) же не бѣ̀ въ ру́цѣ Дв҃довѣ. И҆ течѐ [3]) ско́рѡ Дв҃дъ, и҆ ста̀ над̾ ни́мъ, и҆ взѧ̀ ме́чь є҆гѡ́, и҆ и҆звлечѐ є҆го̀ ѿ нѣ́дръ є҆гѡ̀, и҆ оу҆мертви́ є҆го̀, и҆ ѿсѣчѐ и҆́мъ главу̀ є҆гѡ̀, и҆ ви́дѣша и҆ноплеме́нницы, ꙗ҆́кѡ оу҆́мре си́лный и҆́хъ, и҆ бѣжа́ша.

IX. Судъ Соломона.

(Кн. III Царствъ, III, 5, 9—28).

И҆ ꙗ҆ви́сѧ Гдⷭ҇ь Соломѡ́ну во снѣ̀ но́щїю, и҆ речѐ є҆му̀: проси̇̀ что̀ хо́щеши себѣ̀. И҆ речѐ Соломѡ́нъ:.. да́си рабу̀ твоему̀ се́рдце смы́слено слы́шати, и҆ су́ди́ти лю́ди твоѧ̀ въ пра́вдѣ, є҆́же разумѣва́ти посредѣ̀ добра̀ и҆ ѕла̀... И҆ оу҆го́дно бы́сть сло́во сїѐ пред̾ Гдⷭ҇емъ, ꙗ҆́кѡ и҆спроси̇̀ Соломѡ́нъ глаго́лъ се́й. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь къ нему̀: зане́же [4]) проси́лъ є҆сѝ ѿ менѐ глаго́ла сегѡ̀, и҆ не проси́лъ є҆сѝ ѿ менѐ дне́й мно́гихъ, и҆ не проси́лъ є҆сѝ бога́тства, нижѐ проси́лъ є҆сѝ ду́шъ вра̑гъ твои́хъ, но и҆спроси́лъ є҆сѝ себѣ̀ ра́зума, є҆́же слы́шати су́дъ, Сѐ сотвори́хъ по глаго́лу твоему̀. сѐ да́хъ ти̇̀ се́рдце смы́слено и҆ му́дро: ꙗ҆́кѡже ты̀, не бы́сть му́жъ пре́жде тебѐ, и҆ по тебѣ̀ не воста́нетъ подо́бенъ тебѣ̀. И҆ ꙗ҆́же не проси́лъ є҆сѝ, да́хъ тебѣ̀, и҆ бога́тство, и҆ сла́ву: ꙗ҆́кѡже ты̀, не бы́сть му́жъ подо́бенъ тебѣ̀ въ царѣ́хъ [5]) во всѧ̀ дни̑ твоѧ̑. И҆ а҆́ще по́йдеши пу́те́мъ мои́мъ сохрани́ти за́пѡвѣди моѧ̑ и҆ повелѣ́нїѧ моѧ̑, ꙗ҆́кѡже хожда́ше Дв҃дъ ѻ҆ц҃ъ тво́й, и҆ оу҆мно́жу дни̑ твоѧ̑.

И҆ возбу́ди́сѧ Соломѡ́нъ, и҆ сѐ сновидѣ́нїе. и҆ воста̀, и҆ и҆́де во І҆еру́сали̇̀мъ, и҆ ста̀ пред̾ лице́мъ же́ртвенника, пред̾ лице́мъ кївѡ́та завѣ́та Гдⷭ҇нѧ въ Сїѡ́нѣ, и҆ вознесе всесожже́нїѧ, и҆ сотвори̇̀ ми́рнаѧ [6]) и҆ сотвори̇̀ пи́ръ ве́лїй себѣ̀, и҆ всѣ́мъ ѻ҆трокѡ́мъ свои́мъ.

---

1) Одолѣлъ. — 2) меча. — 3) подбѣжалъ. — 4) за то, что... — 5) между царями. — 6) жертвы мирныя.

Тогда ꙗ҆ви́шасѧ двѣ̀ жены̀... пред̾ царе́мъ, и҆ ста́ша пред̾ ни́мъ. И҆ речѐ жена̀ є҆ди́на: во мнѣ̀, го́споди мо́й: а҆́зъ и҆ жена̀ сїѧ̀ жи́хомъ въ домꙋ̀ є҆ди́номъ, и҆ роди́хомъ въ домꙋ̀. И҆ бы́сть по тре́тїемъ днѝ рождѐнїѧ моегѡ̀, и҆ родѝ и҆ жена̀ сїѧ̀: и҆ бѣ́хомъ кꙋ́пнѡ, и҆ не бѣ̀ никто́же съ на́ми, кромѣ̀ ѻ҆бои́хъ на́съ въ домꙋ̀. И҆ ᲂу҆́мре сы́нъ жены̀ сеѧ̀ въ нощѝ, ꙗ҆́кѡ лежа̀ на не́мъ. И҆ воста̀ въ полꙋ́нощи, и҆ взѧ̀ ѻ҆троча̀ моѐ ѿ ѻ҆бѧ́тїй мои́хъ, и҆ ᲂу҆спѝ є҆̀ на ло́нѣ [1]) свое́мъ, а҆ ѻ҆троча̀ своѐ ᲂу҆ме́ршее положѝ на ло́нѣ мое́мъ. И҆ воста́хъ заꙋ́тра накорми́ти ѻ҆троча̀ моѐ, и҆ ѡ҆брѣто́хъ є҆̀ ме́ртво. и҆ сѐ разсмотри́хъ є҆го̀ ра́нѡ, и҆ се не бѣ̀ сы́нъ мо́й, є҆го́же роди́хъ. И҆ речѐ дрꙋга́ѧ жена̀: нѝ, но сѐ є҆́сть сы́нъ мо́й живы́й, се́ же є҆́сть сы́нъ тво́й ᲂу҆ме́рый, и҆ прѧ́хꙋсѧ [2]) пред̾ царе́мъ. И҆ речѐ и҆̀мъ ца́рь: ты̀ глаго́леши, ꙗ҆́кѡ се́й сы́нъ мо́й живы́й, сы́нъ же ссѧ̀ ме́ртвый: и҆ ты̀ глаго́леши: нѝ [3]), но живы́й є҆́сть сы́нъ мо́й, тво́й же сы́нъ ᲂу҆ме́ршїй. И҆ речѐ ца́рь: принеси́те мѝ ме́чь, и҆ принесо́ша ме́чь пред̾ царѧ̀. И҆ речѐ ца́рь: разсѣцы́те ѻ҆троча̀ ссꙋ́щее живо́е на дво́е. и҆ дади́те полови́нꙋ є҆гѡ̀ се́й, и҆ дрꙋгꙋ́ю полови́нꙋ ѻ҆́ной. И҆ ѿвѣща жена̀, є҆ѧ́же бѣ̀ сы́нъ живы́й, и҆ речѐ къ царю̀: поне́же смѧте́сѧ ᲂу҆тро́ба [4]) єѧ̀ ѡ҆ сы́нѣ єѧ̀, и҆ речѐ: во мнѣ̀, го́споди мо́й, дади́те є҆́й ѻ҆троча̀ живо́е, сме́ртїю же не ᲂу҆мертви́те є҆гѡ. и҆ та̀ речѐ: да не бꙋ́детъ ни мнѣ̀, ни тебѣ̀, но пре́сѣцы́те є҆̀. И҆ ѿтвѣща̀ ца́рь, и҆ речѐ: дади́те дѣ́тище жи́во женѣ̀ ре́кшей: дади́те се́й є҆̀. сме́ртїю же не ᲂу҆мертви́те є҆гѡ̀: сїѧ̀ ма́ти є҆гѡ̀.

И҆ слы́ша ве́сь І҆и҃ль сꙋ́дъ се́й, и҆́мже сꙋдѝ ца́рь, и҆ ᲂу҆боѧ́шасѧ ѿ лица̀ царе́ва, разꙋмѣ́ша бо, ꙗ҆́кѡ ра́зꙋмъ Бж҃їй въ не́мъ, є҆́же твори́ти ѡ҆правда̑нїѧ.

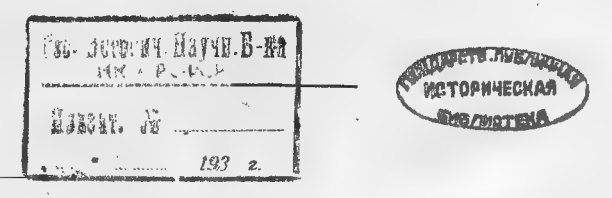
---

[1]) На груди. — [2]) спорили. — [3]) нѣтъ. — [4]) волновалась вся внутренность.

X. Видѣніе пророка Іезекіиля.

(Пр. Іез. XXXVII, 1—10).

И бы́сть на мнѣ̀ рꙋка̀ Гдⷭ҇нѧ, и҆ изведе́ мѧ̀ въ Дс҃ѣ Гдⷭ҇ни, и҆ поста́ви мѧ̀ средѣ̀ по́лѧ, се́ же бѧ́ше по́лно косте́й чл҃вѣ́ческихъ, И҆ ѡ҆бведе́ мѧ̀ ѻ҆́крестъ и҆́хъ ѻ҆́колѡ, и҆ сѐ мнѡ́ги ѕѣлѡ̀ на лицы̀ [1]) по́лѧ, и҆ сѐ сꙋ́хи ѕѣлѡ̀. И҆ речѐ ко мнѣ̀: сы́не человѣ́чь, ѡ҆живꙋ́тъ ли кѡ́сти сїѧ̑; и рекóхъ: Гдⷭ҇и Бж҃е, ты̀ вѣ́си [2]) сїѧ̑. И҆ речѐ ко мнѣ̀: сы́не человѣ́чь, прорцы̀ на кѡ́сти сїѧ̑, и҆ рече́ши и҆̀мъ: кѡ́сти сꙋ́хїѧ, слы́шите сло́во Гдⷭ҇не. Сѐ гл҃етъ А҆дѡнаі̀ Гдⷭ҇ь [3]) косте́мъ си̑мъ: сѐ а҆́зъ введꙋ̀ въ ва́съ дх҃ъ живо́тенъ, И҆ да́мъ на ва́съ жи̑лы, и҆ возведꙋ̀ на ва́съ пло́ть, и простру̀ по ва́мъ ко́жꙋ, и да́мъ дх҃ъ мо́й въ ва́съ, и҆ ѡ҆живетѐ, и҆ ᲂу҆вѣ́сте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь Гдⷭ҇ь. И҆ прорекóхъ, ꙗ҆́коже заповѣ́да мѝ Гдⷭ҇ь. и бы́сть гла́съ внегда̀ мѝ проро́чествовати, и҆ сѐ трꙋ́съ [4]), и҆ совокꙋплѧ́хꙋсѧ кѡ́сти, ко́сть къ ко́сти, ка́ѧждо къ соста́вꙋ своемꙋ̀. И҆ ви́дѣхъ, и҆ сѐ бы́ша и҆̀мъ жи̑лы, и҆ пло́ть растѧ́ше, и҆ восхожда́ше, (и҆ протѧже́сѧ) и҆̀мъ ко́жа верхꙋ̀, дх҃а же не бѧ́ше въ ни́хъ. И҆ речѐ ко мнѣ̀: прорцы̀ ѡ҆ дс҃ѣ, прорцы̀ сы́не чл҃вѣ́чь, и҆ рцы̀ дх҃ви: сїѧ̑ гл҃етъ А҆дѡнаі̀ Гдⷭ҇ь: ѿ четы́рехъ вѣ́трѡвъ прїидѝ дꙋ́ше, и҆ вдꙋ́ни на ме́ртвыѧ сїѧ̑, и҆ да ѡ҆живꙋ́тъ. И҆ прорекóхъ, ꙗ҆́коже повелѣ̀ ми, и҆ вни́де въ нѧ̀ дꙋ́хъ жи́зни, и҆ ѡ҆жи́ша, и҆ ста́ша на нога́хъ свои́хъ, собо́ръ [5]) мно́гъ ѕѣлѡ̀.


Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. №
193 г.
Государств. публичная историческая библиотека

[1]) На поверхности. — [2]) знаешь. — [3]) Господь Богъ. — [4]) движеніе. — [5]) собраніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Мелкіе разсказы и стихотворенія.

		Стр.
1.	Лиса и Ракъ, *народная сказка*	1
2.	Птичка, *стих.* Жуковскаго	—
3.	Ворона и Ракъ, *народная сказка*	2
4.	Птичка, *стих.* Туманскаго	—
5.	Мужикъ и медвѣдь, *народная сказка*	—
6.	Перелетная птичка, *стих.* Пушкина	3
7.	Конь и быкъ, *изъ басенъ* Лессинга (*съ нѣм.*)	—
8.	Жаворонокъ, *стих.* Жуковскаго	4
9.	Лиса и Журавль. 1. 2., *народная сказка*	—
10.	Весна, *стих.* Майкова	5
11.	Рѣпка, *народная сказка*	—
12.	„Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“, *стих.* Фета	6
13.	Комаръ и левъ, гр. Л. Толстаго	—
14.	Солнышко, *изъ стих.* Жуковскаго	7
15.	Обновки, Даля	8
16.	Утренняя звѣзда, *изъ стих.* Жуковскаго	—
17.	Лиса и козелъ, *народная сказка*	9
18.	Мой садикъ, *изъ стих.* Плещеева	—
19.	Знахарь, *изъ „Матросскихъ досуговъ“* Даля	10
20.	Ласточки, *стих.* Майкова	11
21.	Набитый дуракъ, *изъ народной сказки*	12
22.	Сѣнокосъ, *стих.* Майкова	13
23.	Кому горе, кому смѣхъ, *изъ народныхъ сказокъ*	14
24.	Омутъ, *стих.* гр. А. Толстаго	—
25.	Мужикъ и заяцъ, *народная сказка*	15
26.	Благовѣстъ, изъ *стих.* гр. А. Толстаго	—
27.	Дикій и ручной оселъ, гр. Л. Толстаго	16
28.	Молитва, *стих.* Лермонтова	—
29.	Лѣстница	17
30.	Капля, *стих.* изъ Гёте (*съ нѣм.*)	—
31.	Добрый медвѣдь, Андерсена (*съ датск.*)	—
32.	Казачья колыбельная пѣсня Лермонтова	18
33.	Дубъ и орѣшникъ, гр. Л. Толстаго	20
34.	Игры горцевъ, *стих.* Пушкина	—
35.	Вѣникъ	21
36.	Пѣсня пахаря, *стих.* Кольцова	22
37.	Старая хлѣбъ-соль забывается (1—4), *народная сказка*	23
38.	Урожай, *стих.* Кольцова	25
39.	У страха глаза велики, Даля	26
40.	Вурдалакъ, *стих.* Пушкина	27

41. Воръ и утайщикъ (*изъ Сельскаго чтенія*) Даля 1
42. Рыбка, *стих.* Фета 1
43. Спокойствіе ближняго (*изъ „Училища благочестія“*) 30
44. Черкесская пѣсня, Пушкина ..... —
45. Урокъ обманщику (*изъ „Училища благочестія“*) 31
46. Донъ, *стих.* Пушкина 32
47. Лукъ, *изъ басенъ* Лессинга ..... —
48. Делибашъ, *стих.* Пушкина 33
49. Живи своимъ умомъ (*изъ „Солдатскихъ досуговъ“*), Даля ..... —
50. Конь, *стих.* Пушкина 35
51. Наблюдательность (*изъ „Дѣтскаго міра“*) 36
52. Мщеніе, *стих.* Жуковскаго 37
53. Медвѣдь, Хр. Шмида (*съ нѣм.*) ..... —
54. Ночь, *стих.* Лермонтова 38
55. Черемуха, гр. Л. Толстаго ..... —
56. Ночь, *стих.* Пушкина 40
57. Молодецъ (*изъ „Солдатскихъ досуговъ“*) Даля ..... —
58. Бонапартъ и Черногорцы, *стих.* Пушкина 41
59. Воинъ и человѣкъ 42
60. Два великана, *стих.* Лермонтова 43
61. Царь и рубашка (*съ арабскаго*) гр. Л. Толстаго ..... —
62. Пиръ Петра I, *стих.* Пушкина 44
63. Недовольное деревцо, Рюккерта (*съ нѣм.*) 46
64. Выборъ креста, *стих.* Жуковскаго 47
65. Павлинъ, *перед. съ нѣм.* 49
66. На погребеніе Сира Джона Мура, *стих.* Козлова 50
67. Отчего зло на свѣтѣ (*съ индѣйскаго*) гр. Л. Толстаго 51
68. Кто онъ? *стих.* Майкова 53
69. Виноградная кисть, Николаи (*съ нѣм.*) 55
70. Бородино, *стих.* Лермонтова 56
71. Привидѣніе, Ауэрбаха (*съ нѣм.*) 59
72. Гонецъ, *стих.* Пушкина ..... —
73. Человѣкъ и верблюдъ (*аллегорія*) Жуковскаго 60
74. Цыганскій таборъ, *стих.* Пушкина 63
75. Царское новое платье (по Андерсену) 64
76. Переходъ цыганъ на другое кочевье, *стих.* Пушкина 65
77. Каннитферштанъ, Жуковскаго 66
78. Осенняя пѣсня, Пушкина 70
79. Въ римскомъ циркѣ, Жуковскаго ..... —
80. Зима, *стих.* Баратынскаго 73
81. Преданіе объ Александрѣ Македонскомъ, Жуковскаго 74
82. Зима, Никитина 78
83. Сербская церковь (*Сербское преданіе*) Майкова 79
84. Первая пчелка, Пушкина 84

Стр.
85. Судъ Божій надъ епископомъ, *стих.* Жуковскаго..... 84
86. Къ нянѣ, Пушкина..... 87
87. Заступникъ (*Звенигородское преданіе*) Мея..... 88
88. Многолѣтіе, *изъ стих.* Жуковскаго..... 92

II. Басни.

1. Чижъ и Голубь, Крылова..... 95
2. Ворона и Кувшинъ, Измайлова..... —
3. Соловей и Чижъ, Хемницера..... 96
4. Лисица и Виноградъ, Крылова..... —
5. Волкъ и журавль, его же..... 97
6. Кукушка и Пѣтухъ, его же..... —
7. Стрекоза и Муравей, его же..... 98
8. Лебедь, Щука и Ракъ, его же..... 99
9. Слонъ и Моська, его же..... —
10. Заяцъ на ловлѣ, его же..... 100
11. Прохожіе и Собаки, его же..... —
12. Лошадь и Оселъ, Хемницера..... 101
13. Обезьяна, Крылова..... 102
14. Бѣлка, его же..... 103
15. Муравей, его же..... —
16. Мышь и Крыса, его же..... 105
17. Обозъ, его же..... —
18. Орелъ и Кротъ, его же..... 106
19. Двѣ Бочки, его же..... 108
20. Водопадъ и Ручей, его же..... —
21. Орелъ и Пчела, его же..... 109
22. Левъ и Мышь, его же..... —
23. Левъ и Комаръ, его же..... 110
24. Левъ состарѣвшійся, его же..... 112
25. Лисица и Оселъ, его же..... —
26. Раздѣлъ, его же..... 113
27. Скупой и Курица, его же..... 114
28. Лиса, его же..... 115
29. Мельникъ, его же..... 116
30. Лягушка и Волъ, его же..... 117
31. Скворецъ, его же..... —
32. Обезьяны, его же..... 118
33. Трудолюбивый Медвѣдь, его же..... 119
34. Щука и Котъ, его же..... 120
35. Ворона и Лисица, его же..... 121
36. Левъ, Серна и Лисица, его же..... 122
37. Волкъ и Ягненокъ, его же..... 123
38. Левъ въ ловлѣ, его же..... 124

Стр.

39. Волкъ и Котъ, его же ... 125
40. Волкъ на псарнѣ, его же ... 126
41. Крестьянинъ и Змѣя, его же ... 127
42. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ, его же ... —
43. Крестьянинъ и работникъ, его же ... 428
44. Собачья дружба, его же ... 129
45. Два мальчика, его же ... 131
46. Волкъ и Лисица, его же ... 132
47. Крестьянинъ въ бѣдѣ, его же ... —
48. Чужая бѣда, Хемницера ... 134
49. Добрая лисица, Крылова ... —
50. Лжецъ, его же ... 136

III. Сказки.

1. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, Пушкина ... 141
2. Спящая царевна, Жуковскаго (I—IX) ... 147
3. Снѣгурочка, Данилевскаго ... 153
4. Мальчикъ съ пальчикъ, Жуковскаго ... 154
5. Соловей (1—7), Андерсена (*съ датск.*) ... 155
6. Война мышей и лягушекъ, Жуковскаго ... 166
7. Сказка про бурую медвѣдицу, Пушкина ... 176
8. Животныя передъ судомъ Миноса, Жуковскаго ... 178

IV. Проза повѣствовательная.

I. ЗАПИСКИ ИНДѢЙСКАГО ПЛѢННИКА (1—49), Пушкина ... 183

II. Изъ „СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ“, С. Аксакова:

1. Намѣреніе дѣдушки переселиться ... 202
2. Новыя мѣста ... —
3. Приготовленія къ переселенію ... 203
4. Переселеніе ... 204
5. Водвореніе на новыхъ мѣстахъ ... 205
6. Постройка водяной мельницы ... —
7. Оренбургскій край ... 207
8. Жизнь дѣдушки въ новыхъ мѣстахъ ... 209

III. ИЗЪ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

1. Мщенія Ольги 1. 2. 3. 4. 5. (по Нестору) ... 210
2. Святославъ ... 213
3. Спасеніе Ольги ... 214
4. Смерть Ольги ... 215
5. Битва Святослава съ греками ... 216
6. Испытаніе Святослава ... 217
7. Крещеніе Владиміра и кіевлянъ ... 218
8. Русскій богатырь ... 219

Стр.
9. Пиры Владиміра ... 220
10. Хитрость Бѣлгородца ... 221
11. Убіеніе Св. Бориса ... 223
12. Убіеніе Св. Глѣба ... 224
13. Первое нашествіе татаръ ... —
14. Пѣсня ... 226
15. Второе нашествіе татаръ. 1. 2. 3. 4. 5. 6. ... 227

IV. РАЗСКАЗЫ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.
1. Дѣдушка русскаго флота, Водовозова ... 231
2. Петръ на Переяславскомъ озерѣ, его же ... 232
3. Петръ на Бѣломъ морѣ, его же ... —
4. Петръ въ Саардамѣ, его же ... 233
5. Петръ совершенствуется въ строеніи судовъ, его же ... 234
6. Рѣшительность Петра Великаго, Штелина ... 236
7. Великолушіе Петра Великаго, его же ... 238
8. Справедливость Петра Великаго, Голикова ... 239
9. Умѣренность и бережливость Петра Великаго, Корниловича. 240
10. Наружность Петра Великаго, его же ... 242

V. РАЗСКАЗЫ О ЛОМОНОСОВѢ *изъ книги: „Русскіе люди“*:
1. Дѣтство Ломоносова ... 242
2. Бѣгство Ломоносова ... 243
3. Вступленіе Ломоносова въ Заиконоспасское училище ... 244
4. Ломоносовъ въ Заиконоспасскомъ училищѣ ... 245
5. Ломоносовъ въ Кіевѣ ... —
6. Ломоносовъ въ Петербургской академической гимназіи ... 246

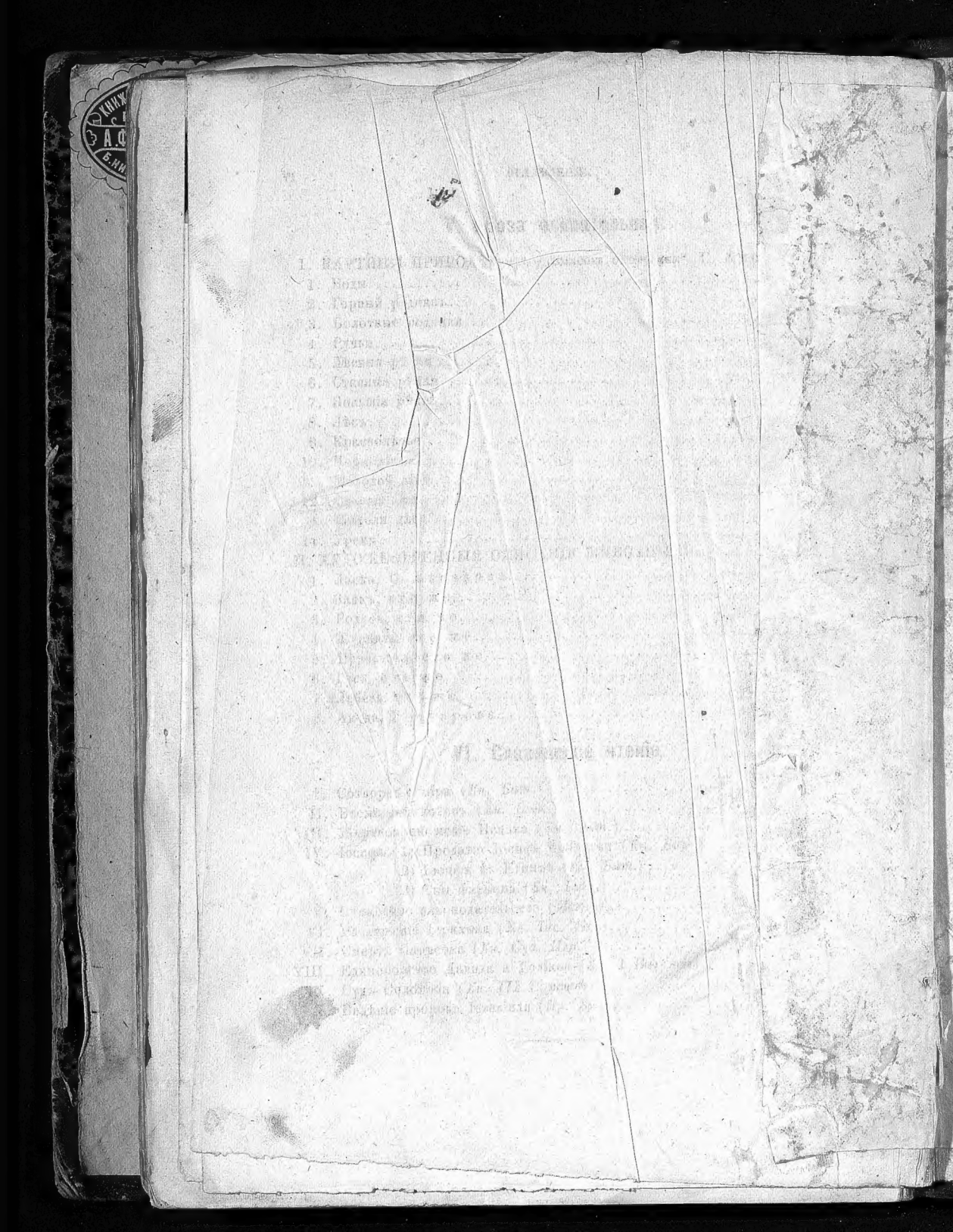
VI. РАЗСКАЗЫ ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНѢ 1812 г. ... (246—280).
1. Первое столкновеніе Россіи съ Наполеономъ, С. Соловьева. 246
2. Властолюбивые замыслы Наполеона, его же ... 248
3. Вторженіе Наполеона въ Россію, его же ... 249
4. Война до назначенія Кутузова главнокомандующимъ, его же. 250
5. Назначеніе Кутузова и Бородинская битва, его же ... 251
6. Оставленіе Москвы и пожаръ ея, его же ... 252
7. Изъ записокъ о 1812 г., С. Глинки ... 253
8. Грабежи въ Москвѣ (изъ разсказовъ очевидцевъ), А. Попова. 256
9. На Орловомъ лугу (разсказъ дьяконицы), его же ... 258
10. Грѣшное дѣло (изъ разсказовъ очевидца), его же ... 262
11. Святотавства французовъ (изъ разсказовъ очевидца), его же. 264
12. Добрыя черты французовъ, его же ... 268
13. Бѣдствія французовъ, его же ... 269
14. Развлеченія французовъ, его же ... 271
15. Выступленіе французовъ изъ Москвы, его же ... 274
16. Изгнаніе французовъ изъ Россіи, С. Соловьева ... 277
17. Освобожденіе Германіи, его же ... 278
18. Низложеніе Наполеона, его же ... 279

Стр.

V. Проза описательная.

I. КАРТИНЫ ПРИРОДЫ, *изъ „Записокъ охотника“* С. Аксакова:
1. Воды ... 283
2. Горный родникъ ... —
3. Болотные родники ... 284
4. Ручьи ... —
5. Лѣсныя рѣчки ... 285
6. Степныя рѣчки ... 286
7. Большія рѣки ... —
8. Лѣсъ ... 287
9. Краснолѣсье ... 288
10. Чернолѣсье ... —
11. Молодой лѣсъ ... 289
12. Старый лѣсъ ... 290
13. Жители лѣса ... 291
14. Урема ... 292

II. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ОПИСАНІЯ ЖИВОТНЫХЪ.
1. Ласка, С. Аксакова ... 293
2. Заяцъ, его же ... —
3. Голубь, его же ... 295
4. Журавль, его же ... 296
5. Перепелка, его же ... 299
6. Гусь, его же ... 303
7. Лебедь, его же ... 307
8. Акула, Гончарова ... 309

VI. Славянское чтеніе.

I. Сотвореніе міра (*Кн. Быт.*) ... 315
II. Всемірный потопъ (*Кн. Быт.*) ... 317
III. Жертвоприношеніе Исаака (*Кн. Быт.*) ... 319
IV. Іосифъ: 1) Продажа Іосифа братьями (*Кн. Быт.*) ... 320
2) Іосифъ въ Египтѣ (*Кн. Быт.*) ... 322
3) Сны фараона (*Кн. Быт.*) ... 323
V. Синайское законодательство (*Исходъ*) ... 325
VI. Разрушеніе Іерихона (*Кн. Іис. Нав*) ... 327
VII. Смерть Самсона (*Кн. Суд. Изр.*) ... 328
VIII. Единоборство Давида и Голіаѳа (*Кн. I Царствъ*) ... 329
IX. Судъ Соломона (*Кн. III Царствъ*) ... 332
X. Видѣніе пророка Іезекіиля (*Пр. Іез.*) ... 334